

Джойс Кэрол Оутс

Блондинка

Драматичный,
провокационный роман
«Блондинка» не менее
сенсационен, чем его
героиня, легендарная
Мэрилин Монро.

В напряженной,
импрессионистической
манере Оутс создала
потрясающий, глубокий
портрет мифической
звезды...

*Publishers
Weekly*

18+

Большой роман

Джойс Оутс

Блондинка

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Оутс Д. К.

Блондинка / Д. К. Оутс — «Азбука-Аттикус», 2009 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-19993-4

Мэрилин Монро – девушка-легенда, Принцесса-Блондинка, неотразимая кинодива, подлинно культовая фигура XX века. Ее жизнь была похожа на сказку – порой невыносимо страшную, порой волшебную, полную невероятных чудес. Ее короткая и блестящая жизнь легла в основу многих произведений, о ней были написаны десятки книг. Однако ни одна из них не идет ни в какое сравнение с романом известной американской писательницы Джойс Кэрол Оутс. «Блондинка» – это не сухая биография знаменитой кинозвезды. «Блондинка» – это художественный роман о хрупкой американской девушке по имени Норма Джин Бейкер, отдавшей всю себя без остатка сверкающему беспощадному миру Голливуда. «Блондинка» – это увлекательный, драматичный, неприкрашенный рассказ о жизни Звезды, освещающий самые темные уголки человеческого сердца. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19993-4

© Оутс Д. К., 2009

© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Курьерская доставка	8
Девочка	10
Поцелуй	10
Ванна	13
Песочный город	31
Тетя Джесс и дядя Клайв	55
Потеряшка	61
Дары волхвов	65
Сирота	68
Проклятие	74
Девушка	81
Акула	81
«Пора замуж»	82
Подручный бальзамировщика	111
Женушка	118
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Джойс Кэрол Оутс

Блондинка

Joyce Carol Oates

BLONDE

Copyright © 2009 by The Ontario Review

Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers

All rights reserved

Перевод с английского Наталии Рейн

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Серия «Большой роман»

© Н. В. Рейн (наследник), перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Посвящается Элинор Бергстин и Майклу Голдману

От автора

«Блондинка» – это рафинированная выжимка из «жизни», поданная в форме художественного произведения. Несмотря на внушительный объем романа, образы его построены на синекдохе¹, по принципу обобщения. Так, к примеру, вместо многочисленных домов, где некогда жила и воспитывалась ребенком Норма Джин, в «Блондинке» описан лишь один, вымышленный. Вместо многочисленных любовников, проблем со здоровьем, аборт, попыток самоубийства, ролей в кино в «Блондинке» упоминаются лишь некоторые, самые знаменательные.

Реальная Мэрилин Монро действительно вела нечто вроде дневника и действительно писала стихи, точнее – фрагменты, отрывки в стихотворной форме. Из них в последнюю главу включены лишь две строчки; все остальные стихотворения сочинила автор романа. Некоторые фразы в главе «Собрание сочинений Мэрилин Монро» взяты из реальных интервью, другие вымышлены; строки, приведенные в конце этой главы, завершают труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов». Факты биографии Мэрилин Монро следует искать не в «Блондинке» (ибо эта книга не является историческим документом), но в соответствующих трудах биографов. (Автор, к примеру, пользовалась следующей литературой: «Легенда: жизнь и смерть Мэрилин Монро» Фреда Гайлза, 1985; «Богиня: тайны жизни и смерти Мэрилин Монро» Энтони Саммерса, 1986, и «Мэрилин Монро: жизнь актрисы» Карла Э. Роллисона-младшего, 1986. Есть и более субъективные книги, посвященные мифическому аспекту личности Мэрилин Монро: «Мэрилин Монро» Грэма Макканна, 1987, и «Мэрилин» Нормана Мейлера, 1973.) Из книг, описывающих политическую жизнь Америки и особенно Голливуда в сороковые и пятидесятые, наиболее полезной оказалась «Называя по именам» Виктора Наваски. Автор также цитирует подлинные труды по актерскому мастерству: например, «Думающее тело» Мэйбл Тодд, «Путь актера» Михаила Чехова, а также «Работа актера над собой» и «Моя жизнь в искусстве» Константина Станиславского. А вот «Настольная книга актера и жизнь актера» и «Парадокс актерского мастерства» – работы вымышленные. «Книга американского патриота» также является плодом авторского воображения. Дважды цитируется в «Блондинке» отрывок из эпизода Г. Дж. Уэллса к роману «Машина времени» (в главах «Колибри», «И все мы ушли в мир света»). Строки из работ Эмили Дикинсон появляются в главах под названиями «Ванна», «Сирота», «Пора замуж». Отрывок из Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» цитируется в главе «Смерть Румпельштильцхена». Отрывок из труда Зигмунда Фрейда «Недовольство культурой» приводится в перефразированном виде в главе «Снайпер». Выдержки из «Мыслей» Блеза Паскаля цитируются в «Розлин. 1961».

Стоит очутиться в световом кругу при полной темноте, и тотчас почувствуешь себя изолированным от всех. Там, в световом кругу... забываешь о том, что из темноты со всех сторон наблюдает за твоей жизнью много посторонних глаз... то состояние, которое вы испытываете... называется... «публичное одиночество». На спектакле, на глазах тысячной толпы, вы всегда можете замкнуться в одиночество, как улитка в раковину.

Вы можете носить с собой малый круг внимания не только на сцене, но и в самой жизни.

Константин Станиславский. Работа актера над собой

¹ Синекдоха – частный случай метонимии, стилистический оборот, состоящий в употреблении названия большего в значении меньшего, целого в значении части и наоборот. – Здесь и далее примеч. перев.

Сцена действия – место священное... Здесь актер умереть не может.

Майкл Голдман. Свобода актера

Гений – это вовсе не дар. Это выход, который изобретает человек в отчаянном положении.

Жан Поль Сартр

Пролог

3 августа 1962 г.

Курьерская доставка

В сумерках цвета сепии на бульвар явилась Смерть.

Смерть была на невзрачном курьерском велосипеде. Тот скрипел, дребезжал, но колеса его крутились исправно, и Смерть неслась к своей цели, словно персонаж детского мультфильма.

Смерть была неумолима. Смерть точно знала, зачем явилась на этот бульвар. Смерть торопилась и потому изо всех сил давила на педали. За сиденьем у Смерти была прочная проволочная корзинка, а в ней лежала посылка с надписью «КУРЬЕРСКАЯ ДОСТАВКА, ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ».

Смерть стремительно и ловко пробиралась между автомобилями на перекрестке Уилшир и Ла-Брей, где из-за дорожно-ремонтных работ две уилширские полосы, ведущие на запад, слились в одну. Водители, мужчины среднего возраста, гудели в гудки, но Смерть лишь показывала им нос, смеялась: «Да пошли вы все, друзья сердечные!» – и мчалась мимо лакированных крыльев дорогих современных автомобилей, словно Багз Банни.

Смерть не смущал ни душный лос-анджелесский смог, ни теплый радиоактивный воздух Южной Калифорнии. Неудивительно, ведь это были ее родные места.

Да, я видела Смерть, видела ее во сне прошлой ночью. Смерть снилась мне уже много раз, и мне не было страшно.

Смерть явилась прозаично – сгорбившись над ржавым рулем своего некрасивого, но надежного велосипеда. Смерть была в калтеховской футболке, выстиранных, но неглаженных шортах цвета хаки, в кедах, но без носков. У Смерти были мускулистые икры, черные волосы на ногах, искривленный костистый позвоночник, юная прыщеватая физиономия и колючий «ежик» на голове. Соображала Смерть уже неважно: солнечные блики на ветровых стеклах и хромированном металле иссекли ей глаза, словно ятаганом.

Сие пышное появление сопровождалось дружным воем гудков и клаксонов у Смерти за спиной. Смерть же невозмутимо жевала жвачку.

Смерть работала по обычному графику – доставка посылок из рук в руки, пять дней в неделю, выходные за дополнительную плату. «Курьерская доставка Голливуда».

И вот, когда ее совсем не ждали, Смерть явилась в Брентвуд! Смерть мчалась по узким улочкам жилого района, где в августе почти никого не было. Деловито, не сбавляя хода, проезжала мимо трогательных двориков, ухоженных с бессмысленным старанием. Альта-Виста, Кампо, Джакумба, Брайдман, Лос-Оливос, и вот он, нужный тупичок: Пятая Хелена-драйв. Пальмы, бугенвиллеи, красные плетистые розы. Зловоние гниющих цветков. Аромат выгоревшей на солнце травы. Сады, обнесенные стенами. Глицинии. Круглые подъездные дорожки. Шторы на окнах плотно задернуты, чтобы укрыться от солнца.

Смерть привезла посылку без обратного адреса. На коробке был лишь адрес получателя:

ПОМЕСТЬЕ «ММ»

12305, ПЯТАЯ ХЕЛЕНА-ДРАЙВ

БРЕНТВУД, КАЛИФОРНИЯ

США

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Оказавшись на нужной улице, Смерть замедлила ход и начала поглядывать на номера домов. Адрес у посылки был странный, но Смерть и не подумала рассмотреть ее получше – эту коробочку в полосатой бело-розовой обертке с блестками. Судя по виду, оберткой этой пользовались не впервые. Украшал коробочку белый атласный бант. Купленный уже в готовом виде, он был приклеен к обертке прозрачным скотчем.

Посылка была размером восемь на восемь на десять дюймов, но весила каких-то несколько унций. Может, пустая? Или набита оберточной бумагой?

Нет. Если потрясти, сразу становится ясно – там, внутри, что-то есть. Что-то мягкое. Возможно, некий предмет, сделанный из ткани.

Ранним вечером 3 августа 1962 года Смерть позвонила в звонок дома 12305 на Пятой Хелена-драйв. Отерла вспотевший лоб бейсболкой, не переставая старательно жевать свою жвачку. Шагов внутри слышно не было. Но нельзя же оставить эту чертову посылку на ступеньках. Надо, чтобы получатель за нее расписался.

Из-за двери доносился лишь приглушенный шум кондиционера. А может, радио? Домик был небольшой, одноэтажный, асьенда в мексиканском стиле – стены под необожженный кирпич, ярко-оранжевая черепичная крыша, окна с опущенными жалюзи, повсюду сероватая пыль. Миниатюрный, компактный, точно кукольный. Ничего особенного – конечно, с поправкой на район. Смерть настойчиво позвонила снова. На сей раз дверь отворилась.

Из рук Смерти я приняла этот дар. Пожалуй, я знала, что в коробке и кто ее прислал. Увидев имя и адрес, я залилась смехом и немедленно расписалась в получении.

Девочка 1932–1938

Поцелуй

Этот фильм я смотрю всю жизнь, но ни разу не досмотрела его до конца.

Лучше бы сразу сказала: «Этот фильм и есть моя жизнь!»

Первый раз мать взяла ее в кино, когда ей было года два или три. Первое воспоминание, и такое яркое! «Египетский театр» Граумана² на Голливудском бульваре. Лишь через несколько лет она в общих чертах поняла, о чем этот фильм. В первый же раз девочка была просто очарована непрерывным плавным движением на огромном экране, смотреть на который приходилось, запрокинув голову. Тогда она не могла еще сказать фразу *«То была сама вселенная, куда проецируются бесчисленные и безымянные формы жизни»*.

Сколько раз в безрадостном детстве, а потом в отрочестве с трепетом пересматривала она этот фильм, и всегда он назывался по-разному, но многие актеры оставались прежними, и она их тут же узнавала. Потому что в фильме непременно была Принцесса-Блондинка и Темный Принц. Вихрь самых разнообразных событий то сводил их вместе, то разлучал. Снова сводил и снова разлучал, а потом, ближе к концу фильма, гремела драматичная музыка, и оба появлялись на экране, чтобы слиться в жарких объятиях.

Или не слиться, тут уж не угадаешь. Конец фильма не всегда бывал счастливым. Порой один из героев опускался на колени пред смертным одром второго и возвещал о финале жизни прощальным поцелуем. Даже если Принцесса переживала возлюбленного Принца (или наоборот), зрителю ясно было, что отныне жизнь ее не будет иметь никакого смысла.

Ибо жизнь имеет смысл лишь в кино.

А кино существует лишь в темном зале кинотеатра.

Однако как же досадно ни разу не увидеть конец фильма!

Потому что вечно что-то мешало. То в зале поднимался шум и зажигался свет. Громко верещала пожарная сирена (но без огня? был ли огонь? однажды ей показалось, что пахнет дымом), и всех просили покинуть зал. Или же она куда-то опаздывала, и приходилось уйти, так и не досмотрев до конца; или же просто засыпала в кресле, пропускала конец и просыпалась, рассеянно шурясь от яркого света, а незнакомые люди вокруг вставали с мест и начинали расходиться.

Как, фильм уже закончился? Не может такого быть!

И, даже став взрослой женщиной, она продолжала искать тот самый фильм. Проскальзывала в кинотеатры, расположенные в сомнительных районах города или даже в незнакомых городах. Она страдала бессонницей, а потому то и дело покупала билет на ночной сеанс. Или же на самый первый, поздним утром. Не то чтобы она искала отдохновения от собственной жизни (хотя жизнь ее изрядно потрепала, как треплет любого взрослого). В ее жизни кино скорее было интермедией – так ребенок пытается силой остановить бег времени, схватившись за стрелки часов.

Итак, она входила в темный зал (где зачастую стоял запах лежалого попкорна, чужой парфюмерии, дезинфицирующего средства), волнуясь, словно малое дитя, и жадно глядела на экран, где – о, снова! вот она! – раз за разом появлялась роскошная блондинка, над которой,

² Возможно, имеется в виду «Китайский театр» Граумана в Голливуде, названный по имени владельца и существовавший в 1930-е гг.

казалось, не властно время. Блондинка из плоти и крови, но изящная, как ни одна женщина на свете. И глаза ее, и сама кожа лучились мощным сиянием. *Ибо кожа моя – это моя душа, и другой души у меня нет. Я всего лишь проекция людских желаний.* Итак, она проскальзывала в зал, выбирала кресло в первых рядах, поближе к экрану, и целиком погружалась в фильм, а тот казался одновременно знакомым и незнакомым – как часто повторяющийся сон, что никак не удается запомнить. Костюмы актеров, их прически, даже лица и голоса со временем менялись. В голове у нее проносились смутные обрывки детских воспоминаний. Одиночество, что она тогда чувствовала, от которого лишь частично могло избавить марево экрана. *Другой мир, в котором можно жить? Какой?*

В один прекрасный день – или даже час – она вдруг поняла, что Принцесса, которая прекрасна просто потому, что прекрасна и зовется Принцессой, обречена вечно искать в глазах смотрящих подтверждение своему существованию. *Ибо нельзя узнать, кто ты есть, пока тебе об этом не скажут. Разве не так?*

Взрослая женщина. Беспокойство и нарастающий страх.

Сюжет фильма страшно запутан и сложен, хотя и знаком. Или почти знаком. Возможно, пленку склеили небрежной рукой. Или же нарочно так сделали, чтобы пробудить в зрителе интерес. Возможно, настоящее перемежается в этом сюжете с обрывками прошлого. Или даже будущего! Крупные планы Принцессы, они чересчур интимны. Мы ведь предпочитаем оставаться снаружи, не влезать в шкуру других. *Если б я только могла сказать: Вот она! Это я! Эта женщина, это существо на экране, вот кто я!* Но ведь никогда не знаешь, чем все кончится. Она ни разу не видела ни заключительной сцены, ни титров. А ведь именно в них, если не считать финального поцелуя, и был ключ к тайне фильма, она это твердо знала. Как органы человека при вскрытии являются ключом к загадкам его жизни.

Но обязательно настанет время, возможно даже сегодня вечером, когда она, слегка запыхавшись, усядется в кресло с протертой и засаленной плюшевой обивкой, где-нибудь во втором ряду старого кинотеатра в богом забытом районе; и пол изогнется под ее ногами, как земной шар, и покажется неровным и липким под подошвами дорогих туфель. И народу в зале совсем немного, и почти все они сидят поодиночке; и она рада этому обстоятельству и тому, что за маскировкой – плащ, темные очки, красивый парик – ее никто не узнает; и никто из знакомых никогда не подумает, что она здесь, даже не догадается, где она сейчас.

Ну уж на сей раз я досмотрю до конца. На сей раз! Но почему, почему именно сейчас? Она понятия не имеет. Вообще-то, ее ждут в совершенно другом месте, она опаздывает уже на несколько часов; возможно, ее ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт. А может, она опаздывает уже на несколько дней, недель, поскольку, став взрослой, перестала считаться со временем? *Ибо время есть то, чего ожидают от нас другие люди. Но необязательно играть в эту игру.*

А еще она заметила, что Принцесса тоже запуталась во времени. Запуталась в сюжете фильма. Ведь реплики для нее придумывают другие люди. Что, если на этот раз реплик не будет? В этом фильме Принцесса уже немного не та, что прежде. Уже не в том ослепительном расцвете молодости и красоты. Хотя, конечно, все еще очень красива. И на экране она такая белокожая и вся сияет, когда выходит из такси на ветреную улицу. Она замаскировала свою внешность, надев темные очки, гладкий каштановый парик, туго затянув плащ на талии. Камера неотступно следит за ней, пока она взбегает по ступенькам, входит в кинотеатр и покупает билет, проскальзывает в темный зал и садится в кресло во втором ряду. И хотя она Принцесса, другие люди в зале скользят по ней взглядом, но не узнают. Принимают за обычную женщину, пусть даже очень красивую, но им незнакомую. Фильм только что начался. Через секунду она растворяется в происходящем и снимает темные очки. Голова ее запрокинута, глаза прикованы к светящемуся экрану, в них читается по-детски благоговейный трепет. Все происходящее на этом экране отражается на ее лице, словно на водной глади. Она с головой

уходит в восхищенное созерцание и не видит Принца. Не замечает, что он вошел в кинотеатр следом за ней.

Вот на несколько напряженных минут он попадает в объектив камеры, стоит за потертыми бархатными шторами у бокового прохода. Красивое лицо в тени, выражение лица нетерпеливое. На Принце темный костюм без галстука, мягкая фетровая шляпа сдвинута на лоб. Звучит музыкальная тема Принца, он быстро подходит и наклоняется к ней, к одинокой женщине во втором ряду. Что-то шепчет ей на ухо, она вздрагивает, оборачивается. Похоже, она искренне удивлена, хотя сценарий ей известен. По крайней мере, до этого момента. И еще немножко из того, что будет дальше.

Моя любовь! Это ты!

Всегда только ты, и никто другой!

На лицах влюбленных мерцает отражение гигантского экрана, и лица эти исполнены смысла, возвещая о былом величии. Словно теперь, такие маленькие и смертные, Принц и Принцесса должны сыграть все ту же сцену. *Что ж, они ее сыграют.* Он впивается пальцами ей в шею, чтобы успокоить, удержать, заявить на нее свои права, владеть ею. Как сильны его пальцы и как холодны. Да они просто ледяные! Как странно, стеклянно, блестят его глаза. Так близко она их еще ни разу не видела.

И она, вздохнув, поднимает безупречно красивое лицо навстречу поцелую Принца.

Ванна

*Прирожденный актер проявляется в раннем детстве. Поскольку только в самом раннем детстве мир воспринимается как великая Тайна. В истоках любой актерской игры лежит не что иное, как импровизация перед лицом Тайны.
«Парадокс актерского мастерства»*

1

– Видишь? Этот человек – твой отец.

В тот день Норме Джин исполнилось шесть. Первый день июня 1932 года. И утро этого дня в Венис-Бич, что в штате Калифорния, выдалось волшебным, ослепительно-светлым и воздушным. С Тихого океана тянуло свежим и прохладным ветерком и еще чем-то вяжущим на вкус, и запах гниющих на пляже отбросов и водорослей был сегодня едва заметен. И принесенная, казалось, самим этим ветерком, вдруг появилась Мать. Мать, с худым, немного вытянутым лицом, соблазнительно-алыми губами, подведенными черным карандашом бровями, приехала за Нормой Джин, жившей с бабушкой и дедушкой. Жившей на бульваре Венис, в рябой развалюхе с бежевыми оштукатуренными стенами.

– Норма Джин, иди-ка сюда!

И Норма Джин побежала, побежала к Матери! Ее маленькая пухлая ручка утонула в узкой изящной ладони, и прикосновение к черной сетчатой перчатке показалось таким необычным, новым, странным и волшебным. Ибо у бабушки руки были старые, загрубелые и шершавые, и пахло от бабушки старостью, а от мамы... от мамы пахло так сладко, так чудесно, как от разогретой дольки лимона с сахаром, и от аромата этого голова шла кругом.

– Норма Джин, любовь моя, иди же сюда!

Ибо Мать звали Глэдис, и Глэдис была *настоящей мамой* Нормы Джин. Когда, конечно, сама того хотела. Когда находила в себе достаточно сил. Когда позволял распорядок Студии. Поскольку жизнь Глэдис проходила «в трех измерениях на грани четвертого». Ее жизнь не была «плоской, точно доска для игры в парчизи»³, а ведь именно такой, плоской жизнью живет большинство людей. Невзирая на встревоженные и неодобрительные возгласы бабушки Деллы, мама торжествуя увела Норму Джин с собой, из квартиры на третьем этаже, провонявшей луком, щелочным мылом, мозольной мазью и дедушкиной курительной трубкой, а бабушка тем временем надрывалась, словно комик по радио:

– Глэдис, на чьей машине прикатила на сей раз, а? Посмотри-ка на меня, девочка! Ты что, не в себе? Ты *пьяная*, что ли? Когда вернешь мне внучку? Черт бы тебя побрал! Да погоди ты, дай хоть туфли надеть! Я тоже спускаюсь! Глэдис!

А Мать лишь спокойно откликнулась своим сводящим с ума сопрано:

– Qué será, será!⁴

И, хихикая, словно непослушные дети, за которыми гонятся взрослые, мать и дочь бежали вниз по лестнице, как с горного склона, запыхавшись, продолжая держаться за руки. И вон, вон отсюда, на выход, на бульвар Венис, скорее к непредсказуемой машине Глэдис (страх как интересно, на чем она сегодня приехала), стоящей у тротуара. В то ослепительно-яркое

³ *Парчизи* – старинная игра типа нард с доской и фишками, где очередность и продолжительность ходов определяются бросанием игральные костей.

⁴ Что будет, то будет! (*исп.*)

утро 1 июня 1932 года волшебная машина, на которую, улыбаясь, точно замороженная, смотрела Норма Джин, оказалась горбатым «нэшем» цвета грязной мыльной воды, которой только что помыли посуду. На правом боковом стекле красовалась паутинка мелких трещин, наспех заклеенная липкой лентой. И все равно это была совершенно чудесная машина, и как молода и весела была Глэдис! Она так редко прикасалась к Норме Джин, а сегодня обняла ее обеими руками в сетчатых перчатках, приподняла и посадила на сиденье. «Опля!.. Вот так, детка, любовь моя!» Словно сажала ее в кабинку чертова колеса на пирсе в Санта-Монике и аттракцион должен был унести восхищенную Норму Джин прямо в небо. А потом громко хлопнула дверцей. Подергала и убедилась, что она заперта. (То был древний страх, страх Матери за Дочь. Что, если во время побега дверца вдруг распахнется, как распахиваются люки-ловушки в немых фильмах? И все, нет человека, пропала Дочь!)

Потом она уселась на водительское место, за руль – с тем же видом, с каким забирался Линдберг в кабинку своего моноплана под названием «Дух Сент-Луиса»⁵. И взревела мотором, и переключила рукоятку скоростей, и влилась в поток движения. А бедная бабушка Делла, полная рябая женщина в линялом ситцевом халате, спущенных эластичных чулках и старушких шлепанцах, только выбегала в это время из дома. Вид у нее был до смешного ошалелый, точь-в-точь как у Маленького Бродяги в исполнении Чарли Чаплина.

– Подожди! Вот сумасшедшая. Идиотка, пьянь! Я тебе запрещаю! Я позвоню в полицию! Да подожди ты!..

Но ждать ее никто не стал, о нет.

Даже дышать было некогда!

– Не обращай внимания на бабушку, дорогая. Она еще немое кино, а мы с тобой – уже новое, звуковое.

Ибо Глэдис, *настоящую маму* Нормы, в этот особенный день просто распирало от Материнской Любви. Она наконец «почувствовала в себе достаточно сил» и к тому же сэкономила несколько баксов и потому смогла исполнить свою клятву и приехать к Норме Джин в день ее рождения (сколько ей? уже шесть? о господи, как же летит время, вот ужас-то!). И в тот момент вполне могла бы поклясться: «В солнце и в дождь, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас, клянусь!» Даже разлом Сан-Андреас⁶ не смог бы остановить Глэдис, когда она пребывала в таком настроении. «Ты моя. Ты на меня похожа. И никто не отнимет тебя у меня, Норма Джин, – так, как отняли других моих дочерей».

Но тех ликующих и вместе с тем ужасных слов Норма Джин не услышала, нет, ибо их унесло порывом ветра.

Шестой день рождения будет первым в жизни Нормы Джин, который она запомнит во всех подробностях. Тот замечательный день с Глэдис, которая иногда становилась Матерью, или с Матерью, которая иногда была Глэдис. Стройной и быстрой в движениях женщиной-птичкой с цепким рыскающим взглядом и, как она сама выражалась, «хищной улыбкой». И острыми локотками, которыми всегда могла ткнуть под ребра, если ты слишком нарывался. А когда она выпускала белый табачный дым из ноздрей, отчего становилась похожей на слона с двумя изогнутыми бивнями, просто невозможно было назвать ее никаким словом, и уж тем более «мамочкой» или «мамулечкой» – всеми этими сопливыми словечками, на которые Глэдис давным-давно наложила запрет. Даже рассмотреть ее как следует было невозможно. «Нечего на меня пялиться, слышишь? Никаких крупных планов, пока я не готова!» В такие моменты скрипучий смешок Глэдис напоминал звук, с которым колют лед для коктейля.

⁵ На этом самолете знаменитый американский летчик Чарльз Линдберг совершил в мае 1927 г. беспосадочный перелет через Атлантику.

⁶ Разлом в земной коре длиной около 94 километров, проходит от северо-запада Калифорнии до пустыни Колорадо.

Этот день откровения Норма Джин будет вспоминать всю свою жизнь, на протяжении тридцати шести лет и шестидесяти трех дней. Глэдис переживет свою дочь, словно матрешка, спрятанная в другой матрешке, побольше. *Нужно ли мне было другое счастье? Нет, ничего не нужно, только бы быть с ней. Ну, разве что приласкаться немножко и поспать в ее постели, если она, конечно, пустит. Я так ее любила!* Вообще-то, существуют доказательства, что Норма Джин проводила с матерью и другие дни рождения. Первый уж точно, однако сама Норма Джин помнила о нем лишь по фотографиям – **НОРМЕ ДЖИН 1 ГОД. СЧАСТЛИВОГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, ДЕТКА!** – эта надпись, сделанная вручную, украшала бумажную ленту, накинутую через плечо, как это бывает на конкурсах красоты, на девочку-младенца с херувимским личиком-луной. Влажно блестящие глаза, ямочки на щечках, атласные ленты, вплетенные в темно-русые локоны; словно старые сны, снимки эти были смазанные, выцветшие, и сделал их, по всей очевидности, приятель матери. На них же была очень молодая и весьма миловидная, хоть и явно взбудораженная Глэдис с перманентом, мелко взбитыми кудряшками, и пухлыми красными губами – точь-в-точь как у Клары Боу. На коленях у нее сидел годовалый пупс по имени Норма Джин, и Глэдис крепко держала дочку, как держат что-то очень хрупкое и драгоценное, если не с радостью, то с благоговением, если не с любовью, то с гордостью. А на обратной стороне этих нескольких снимков была нацарапана дата: 1 июня 1927 года. Однако шестилетняя Норма Джин помнила об этом событии не больше чем о самом факте своего рождения. И еще ей все время хотелось спросить Глэдис или бабушку: «А как рождаются, сами по себе?» Спросить мать, на долю которой выпали двадцать два часа «сущего ада» (именно так обычно Глэдис называла это испытание), проведенные в бесплатном родильном отделении лос-анджелесской окружной больницы, и которая таскала ее в «специальном мешке» под сердцем на протяжении восьми месяцев и одиннадцати дней. Ну откуда такое помнить!

Однако Норма Джин с замиранием сердца вглядывалась в эти снимки, когда на Глэдис находило соответствующее настроение и она вдруг вываливала их на кровать в какой-нибудь очередной съемной квартирке. Норма ни разу не усомнилась в том, что этот пухлый пупс – она сама. *Точно всю свою жизнь я буду узнавать о себе через свидетельства других людей. Как Иисус в Евангелии, которого видели, обсуждали и описывали лишь со стороны. Я обречена знать о своей жизни и ее ценности только по впечатлениям других людей, которым, в отличие от собственных, могу доверять.*

Глэдис поглядывала на дочь, которую не видела... ну, пожалуй, уже несколько месяцев. Резко одергивала ее:

– Ну что ты вся изнервничалась! Нечего коситься на меня, словно я вот-вот разобью машину, иначе докосишься до того, что тебе пропишут очки, а очки – это последнее дело! И не извивайся, как змейка, которой приспичило в туалет. Разве я учила тебя таким плохим манерам? И я не собираюсь разбивать машину, если именно это тебя беспокоит, как твою ненормальную бабулю. *Обещаю!* – И Глэдис снова посмотрела на дочь краем глаза, и взгляд ее был ребячливым и одновременно притягательным, ибо именно такова была по сути своей Глэдис: она то отталкивала, то притягивала тебя; а теперь говорила низким хриловатым голосом: – Знаешь, на день рождения мама приготовила тебе сюрприз. Наберись терпения, скоро увидишь.

– С-сюрприз?..

Втянув щеки, Глэдис с загадочной улыбкой продолжала вести машину.

– А к-куда мы едем, м-мама?

Ощущение счастья было столь острым, что обернулось во рту Нормы Джин осколками стекла.

Даже в теплую и влажную погоду Глэдис носила стильные черные сетчатые перчатки, чтобы защитить чувствительную кожу. Она весело хлопнула обеими руками в перчатках по баранке:

– Куда едем? Нет, вы слышали? Будто ты никогда не была у мамы в голливудской резиденции.

Норма Джин смущенно улынулась. И попыталась вспомнить. Неужели была? Получалось, будто она, Норма Джин, забыла что-то очень важное. Это было почти как предательство. Но ведь Глэдис очень часто переезжала. Иногда уведомляла об этом Деллу, иногда – нет. Жизнь ее была очень сложной и таинственной. Вечно возникали проблемы с домовладельцами и соседями по дому; бывали «денежные» проблемы и проблемы «хозяйственные». Прошлой зимой короткое, но мощное землетрясение в том районе Голливуда, где проживала Глэдис, на целых две недели лишило ее крова. Вынудило поселиться у друзей, и на какое-то время связь ее с Деллой полностью оборвалась.

Тем не менее Глэдис всегда жила только в Голливуде. Или Западном Голливуде. Этого требовала работа на Студии. Потому что она находилась «на контракте» (Студия была самой крупной кинокомпанией в Голливуде, а следовательно – и во всем мире. Считалось, что звезд, работающих по контракту, у них «было больше, чем во всех небесных созвездиях»). Ее собственная жизнь ей не принадлежала – «ну, как католическим монахиням, которые являются невестами Христа». А потому Глэдис была просто вынуждена отдать Норму Джин на воспитание, когда девочке исполнилось всего двенадцать дней от роду. Большую часть времени Норма проводила с бабушкой – за пять долларов в неделю плюс дополнительные расходы; жизнь так чертовски тяжела, так изнурительна, так *глуша*, но другого выхода у Глэдис просто не было, ведь она, точно проклятая, часами вкалывала на Студии, иногда даже в две смены, была у начальника на побегушках. Так разве могла она взять на себя столь непосильную ношу – заботиться еще и о малом ребенке?

– И пусть хоть кто-то попробует осудить меня за это! Ну разве что он в моей шкуре. Вернее, *она*. Да, именно *она*!

Глэдис говорила с непостижимой горячностью. Наверное, продолжала вести вечный спор с Деллой, своей матерью.

Когда они ссорились, Делла называла Глэдис ненормальной – или наркоманкой? – и Глэдис тут же начинала кричать, что это наглая ложь и грязные слухи; да она в жизни своей не то что не курила – ни разу даже не нюхала дыма марихуаны. «А уж что касается опиума, так тем более! Никогда!» Просто Делла наслушалась нелепых и ничем не обоснованных сплетен о людях, работающих в кино. Да, верно, Глэдис иногда заводилась. *Прямо как огонь какой жжжет изнутри. Здорово!* Что правда, то правда, иногда Глэдис была подвержена приступам меланхолии, «впадала во мрак», «доходила до ручки». *А душа точно превратилась в расплавленный свинец, вытекла и затвердела.* Тем не менее Глэдис была молодой и привлекательной, и у нее было полно друзей – мужского пола, и эти друзья выбивали ее из душевного равновесия. «Если б парни оставили меня в покое, Глэдис была бы в полном порядке». Но этого не происходило, и потому Глэдис сидела на таблетках. Какие-то лекарства ей прописывали доктора. Другие, наверное, приносили все те же парни. Нет, она признавала, что часто принимает байеровский аспирин и даже успела приобрести к нему высокую толерантность: сыпала таблетки в черный кофе, словно крошечные кубики рафинада, – «И никакого привкуса!».

В то утро Норма Джин сразу заметила, что Глэдис «в ударе»: рассеянная, взвинченная, веселая, непредсказуемая, как пламя свечи на сквозняке. От бледно-восковой кожи, казалось, исходят волны жара, как от нагретого летним солнцем асфальта, а глаза, эти глаза!.. Игривые, стреляющие по сторонам, с расширенными зрачками. *Эти глаза я очень любила. Не было сил в них смотреть.* Глэдис и машину вела рассеянно, но очень быстро. Ехать в машине с Глэдис – это все равно что кататься на автодроме, держись покрепче. Они ехали в другую сторону от Венис-Бич и океана. К северу, по бульвару к Ла-Синеге, и наконец оказались на бульваре Сансет – Норма Джин узнала его, ибо они с мамой здесь уже проезжали. А горбатый «нэш», погромыхивая, мчался все быстрее, и Глэдис прищипывала его, не снимая ноги с педали газа.

Их трясло, когда машина переезжала трамвайные пути, в последнюю секунду тормозили они на красный свет, и зубы у Нормы Джин стучали, а сама она нервно хихикала. Иногда машина Глэдис врывалась на перекресток, прямо как в кино, сопровождаемая возмущенным хором гудков, криками и гневными жестами водителей. В том случае, конечно, если водители эти не были мужчинами, сидевшими в машинах в одиночестве, тогда гудки были не такими уж возмущенными. И Глэдис не раз игнорировала свисток полицейского и мчалась дальше – «Да что я такого сделала! Не собираюсь я идти на поводу у этих наглецов!».

Делла в присущей ей шутливо-сердитой манере часто ворчала, что Глэдис «посеяла» свои водительские права, что значило... Но что бы это значило? Просто потеряла, как люди теряют всякие другие вещи? Куда-то сунула и не может найти? Или же какой-то полицейский отобрал эти права, чтобы наказать Глэдис, когда Нормы Джин не было рядом?

Одно Норма Джин знала точно: она никогда не осмелится спросить об этом у Глэдис.

Они свернули с Сансет-бульвара на боковую улицу, затем еще раз свернули и наконец оказались на Ла-Меса, узкой неприглядной улочке, застроенной маленькими офисами, закусочными, коктейль-барами и жилыми многоквартирными домами. Глэдис сказала, что это ее «новый район, пока что я его осваиваю, но здесь мне *очень по душе*». Кроме того, от дома до Студии «всего шесть минут езды». К тому же имеются и некие «личные причины» жить именно здесь, но все это слишком сложно и объяснять не хочется. Норма Джин, однако, все сама увидит – «это часть того сюрприза, что я для тебя приготовила». Глэдис припарковала машину перед дешевеньким оштукатуренным домом в мексиканском стиле, с рассыпающимся зеленым навесом у входа и кривыми пожарными лестницами. «АСЬЕНДА, КОМНАТЫ С УДОБСТВАМИ, СДАЮТСЯ НА НЕДЕЛЮ И МЕСЯЦ. СПРОСИТЬ ВНУТРИ». На доме был номер: 387. Норма Джин смотрела, стараясь запомнить все, что видит; она обратилась в фотоаппарат, делающий снимок за снимком; может, однажды она потеряется, и придется добираться самой до этого дома, которого она прежде никогда не видела. Но когда ты с Глэдис, не очень-то поглазеешь. С Глэдис время летело стрелой, все было срочно, спешно, наэлектризовано и загадочно, отчего сердце начинало биться быстро-быстро, пульс учащался, будто ты приняла таблетку. *Как амфетаминовый приход, вот на что это было похоже. Словно всю мою жизнь я должна искать этот дом. Пробираюсь по ночам, точно лунатик, из моей жизни обратно, на улицу Ла-Меса, к асьенде и к тому дому на Хайленд-авеню, где я снова ребенок, снова в полной ее власти, под ее чарами, и кошмара еще не было.*

Глэдис заметила выражение на лице Нормы Джин – сама девочка его, разумеется, не видела – и рассмеялась:

– С днем рождения, милая! Шесть лет бывает лишь раз в жизни. До семи можешь и не дожить, глупышка. Пошли!

Ладошки у Нормы Джин вспотели, и Глэдис отказалась брать ее за руку. Вместо этого, подталкивая девочку в спину кулачком в сетчатой перчатке – само собой, легонько, игриво, – направила ее вверх, по ступенькам, к входу. И вот они оказались внутри, в жарком, словно печь, подъезде; наверх вела выщербленная, покрытая линолеумом лестница. «Нас там кое-кто ждет, и, боюсь, он уже теряет терпение. *Пошли. Быстрее*». И они пошли. Побежали. Помчались вверх по лестнице. Глэдис, в модных туфлях на высоченных каблуках, вдруг запаниковала – или притворилась, что запаниковала? Может, разыгрывала очередную *сцену*? Наверху обе, и мать и дочь, едва дышали. И вот наконец Глэдис отперла дверь в свою «резиденцию», которая, как оказалось, мало чем отличалась от прежней. Правда, Норма Джин помнила прежнюю квартиру смутно. Три тесные комнатки с грязными обоями и потолком в разводах; узкие окна, линолеум, пузырящийся на дощатом полу, пара мексиканских половиков, подтекающий (судя по запаху) холодильник, плита с двумя горелками, тарелки, сваленные в раковину. И блестящие черные, похожие на арбузные семечки, тараканы, что с шорохом начали разбегаться в разные стороны при их появлении. Стены в кухне украшали афиши фильмов, в создании

которых довелось принимать участие Глэдис, чем она страшно гордилась, – «Кики» с Мэри Пикфорд, «На Западном фронте без перемен» с Лью Эйрсом, «Огни большого города» с Чарли Чаплином, в чьи печальные глаза Норма Джин была готова смотреть до бесконечности, уверенная, что Чарли *тоже* ее видит. Не совсем понятно было, какое отношение к этим знаменитым фильмам имеет Глэдис, но Норму Джин заворожили лица актеров. *Вот это был настоящий дом! Его я прекрасно запомнила!* Знакомой была и жаркая духота в квартире, ибо Глэдис, уходя, никогда не оставляла окна открытыми, даже на самую маленькую щелочку. И пахло здесь тоже очень знакомо, резко: едой, молотым кофе, окурками, духами, чем-то паленым. И еще чем-то загадочным, резким, химическим, и Глэдис никак не удавалось избавиться от этого въедливого запаха, сколько она ни старалась, сколько ни мыла, ни терла, ни скребла руки калиевым мылом, растирая их до мяса, до крови. Однако эти запахи оказывали на Норму Джин умиротворяющее действие, ибо означали: *Я дома. Там, где живет Мать.*

Но эта новая квартира! Она была еще более тесной, еще более захлавленной и чужой, чем прежние. Или просто Норма Джин стала старше и научилась *замечать* такие вещи? Только оказалась внутри, и вся так и замираешь – ужасный момент, сравнимый разве что с первым содроганием земной коры, за которым следует повторный толчок, еще более мощный и неумолимый. И ты, затаив дыхание, ждешь. Сколько же здесь вскрытых, но неразобранных коробок со штампом: СОБСТВЕННОСТЬ СТУДИИ. Горы одежды на кухонном столе, одежда на проволочных плечиках, развешанных на веревке, кое-как привязанной под самым потолком. На первый взгляд казалось, что в кухне полно народу, женщин в «костюмах» (Норма Джин знала, что «костюмы» – это совсем не то же, что «одежда», хотя не могла бы толком объяснить, в чем разница). Некоторые из этих костюмов были очень эффектные и нарядные – легкомысленные прозрачные платьица с крошечными юбочками и на тоненьких бретельках. Имелись тут и более строгие наряды с длинными, как хвосты, рукавами. На веревке также были аккуратно развешаны для просушки выстиранные трусики, лифчики и чулки. Глэдис увидела, как Норма Джин, разинув рот, глазееет на все эти тряпки у себя над головой, заметила растерянное выражение ее лица и рассмеялась:

– Ну? Что теперь не так? Что тебе не нравится? Тебе или Делле? Она что, прислала тебя шпионить? Ладно, хватит. Пошли сюда. *Пошли!*

И она подтолкнула Норму Джин острым локотком, и та вошла в соседнюю комнату, в спальню. То была тесная комнатка с потолком в ужасных разводах, одним-единственным окошком, полуприкрытым старыми растрескавшимися и грязными жалюзи. Там же стояли знакомая кровать с блестящей, хоть и слегка потускневшей медной спинкой, с горой подушек из гусиного пера; сосновое трюмо, тумбочка, заваленная журналами, пузырьками с лекарствами и книжками в мягких обложках. На журнале «Светский Голливуд» примостилась пепельница, доверху набитая окурками; повсюду разбросана одежда; на полу еще несколько вскрытых, но неразобранных коробок; на стене возле кровати – репродукция с шикарным кадром из фильма «Голливудское ревю 1929 года»: Мари Дресслер в воздушном белом платье. Глэдис возбуждена, дышит часто и следит за Нормой Джин, нервно озирающейся по сторонам, – где же «человек-сюрприз»? Спрятался? Но где? Может, под кроватью? Или в чулане? (Но в комнате нет никакого чулана, лишь тяжелый гардероб из ДСП, придвинутый к стене.) Жужжала одинокая муха. В единственном окошке был виден край глухой грязной стены соседнего здания. А Норма Джин продолжала гадать: *Где же, где? И кто это?* Глэдис, легонько ткнув ее локтем между лопатками, пожурла:

– Нет. Норма Джин, ей-богу, ты, наверное, у меня полуслепая, да и *тупенькая!* Неужели не видишь? Протри глаза и *смотри!* Этот мужчина – твой отец.

Наконец Норма Джин увидела, куда указывает Глэдис.

Это был вовсе не мужчина. Это была фотография мужчины, висевшая на стене, рядом с зеркалом трюмо.

2

*Впервые я увидела его лицо в день рождения, когда мне исполнилось шесть.
До этого дня я и не знала, что у меня есть отец. Отец, как и у всех других детей.
Всегда почему-то думала, что в том, что у меня его нет, виновата я сама. Что-то со
мною не так, раз его у меня нет.
Неужели никто не говорил мне о нем прежде? Ни мама, ни бабушка, ни дедушка? Никто.
Мне так и не удастся увидеть его лицо не на снимке, а в жизни. И умру я раньше, чем он.*

3

– Ну, скажи, разве он не *красавец*, твой отец? А, Норма Джин?
И голос Глэдис, обычно такой пресный, ровный, немного насмешливый, трепетал, как у
молоденькой девушки.
Норма Джин, лишившись дара речи, смотрела на мужчину, который оказался ее отцом.
Мужчину на фотографии. Мужчину на стене, рядом с зеркалом трюмо. Отец?.. В теле жгло и
дрожало что-то. Так бывает, когда порежешь палец.
– Да, такие вот дела. Нет-нет, только не трогать грязными лапками!
Глэдис покраснела немного и сняла снимок в рамочке со стены. Теперь Норма Джин
видела – это настоящая фотокарточка, глянцевая, не какая-нибудь там афишка или вырезка
из журнала.
Глэдис бережно взяла фото в рамочке обеими руками в шикарных сетчатых перчатках и
опустила до уровня глаз Нормы Джин, но так, чтобы девочка не могла с легкостью до него дотя-
нуться. Как будто в такой момент Норме Джин захочется его потрогать! Из прошлого опыта
она уже знала, что к личным вещам Глэдис лучше не прикасаться.
– Он... он мой п-папа?
– Ну да, *конечно!* У тебя его глаза. Такие же голубые и обалденные.
– Но... но где...
– Ш-ш! *Смотри.*
Прямо как сцена из кинофильма. Норме Джин даже показалось, что она слышит напря-
женную, тревожную музыку.
И как же долго смотрели на него мать и дочь! Разглядывали в благоговейном молчании
мужчину в рамочке, мужчину на фотографии, мужчину, который был отцом Нормы Джин.
Мужчину, красивого суровой мужской красотой. Мужчину с густыми черными волосами, глад-
кими и блестящими, будто смазанными маслом, зализанными на висках. Мужчину с каран-
дашными усиками над верхней губой, мужчину с бледными, слегка набрякшими веками. Муж-
чину с сочными губами, готовыми вот-вот улыбнуться, мужчину, который игриво отвел глаза,
отказываясь встречаться с их взглядами, мужчину с круто выступающим подбородком, гордым
ястребиным носом и крошечной впадинкой на левой щеке, которая вполне могла оказаться
ямочкой, как у Нормы Джин. Или шрамом.
Он был старше Глэдис, но ненамного. Лет тридцать пять. Типичное лицо актера, с напуск-
ной самоуверенностью позирующего перед камерой. Гордо вздернутая голова, игриво сдвину-
тая набекрень фетровая шляпа, и еще на нем была белая рубашка с мягким и широким отлож-
ным воротником. Казалось, что это костюм для какого-то исторического фильма. Норме Джин
почудилось, что он вот-вот заговорит с ней, – но нет, он молчал. *А я вся обратилась в слух.
Но мне казалось, я оглохла.*

Сердце у Нормы Джин билось часто-часто и мелко-мелко, как крылышки у птички
колибри. И так шумно, что шум этот заполнял всю комнату. Но Глэдис того не замечала и не

ругала ее. Она восторженно и жадно всматривалась в лицо мужчины на снимке. И говорила голосом иступленным и прочувственным, словно не говорила, а пела:

– *Твой отец.* И у него красивое имя, но он такой важный человек, что я не имею права называть его имени. Даже Делла не знает, как его зовут. Думает, что знает, а не знает. *И не должна узнать!* Не должна знать даже того, что ты видела эту фотографию, слышишь? Жизнь у нас обеих сложилась непросто. Когда ты родилась, отца рядом не было; он и сейчас далеко-далеко, и я очень за него беспокоюсь. У него страсть к путешествиям, в другую эпоху он непременно стал бы воином. Вообще-то, он уже не раз рисковал жизнью в борьбе за демократию. Мы с ним обвенчаны, в наших сердцах... мы муж и жена. Хотя и презираем условности, и не желаем их соблюдать. «Я люблю тебя и нашу дочь и как-нибудь обязательно вернусь в Лос-Анджелес и заберу вас обеих». Так обещал твой отец, Норма Джин. Обещал нам обеим. – Тут Глэдис умолкла и облизнула губы.

И хотя обращалась она к Норме Джин, но, казалось, вовсе не видела ее, не сводила глаз с фотографии, от которой словно исходило некое притягательное сияние. Щеки ее покраснелись, губы под алой помадой опухли, словно искусанные; рука, зятая в перчатку, слегка дрожала. Норма Джин изо всех сил пыталась сосредоточиться на том, что говорит ей мать, – несмотря на ревущий шум в ушах, сердцебиение и неприятное ощущение внизу живота, какое бывает, когда тебе срочно надо в туалет, но ты не можешь набраться храбрости, чтобы заговорить или двинуться с места.

– Когда мы познакомились с отцом, у него был контракт со Студией... произошло это восемь лет назад, в понедельник после Вербного воскресенья, никогда не забуду тот день! И он был одним из самых многообещающих молодых актеров, но... несмотря на весь свой природный талант и фотогеничную внешность – «второй Валентино», так называл его сам мистер Тальберг, – был слишком непослушен, слишком нетерпелив и бесшабашен для актерской карьеры. Внешности, стиля и характера мало, Норма Джин, надо еще быть послушным. Надо уметь смиряться. Надо уметь забыть о своей гордыне и пахать как вол. Женщины справляются с этим легче. Я ведь *тоже* была на контракте, ну, какое-то время. Когда была еще начинающей актрисой. А потом ушла в другую сферу – по своей воле! Потому что поняла, там мне ничего не светит. А *он* был по натуре своей бунтарь. Какое-то время работал дублером Честера Морриса и Дональда Рида. А потом все бросил. «Выбирая между карьерой и душой, я предпочел выбрать душу» – так он тогда сказал.

Разволновавшись, Глэдис закашлялась. Когда она кашляла, от нее еще сильнее пахло духами с примесью слабого лимонно-кислого химического запаха, который, казалось, впитался ей в кожу.

Норма Джин спросила, где сейчас ее отец.

Глэдис раздраженно фыркнула:

– Уехал, глупенькая! *Я же тебе сказала!*

Тут настроение Глэдис резко переменялось. Так случалось с ней довольно часто. И музыка из кино тоже стала другой. Теперь она была как зазубренная пила, то нарастала, то стихала, как шум огромных валов, накатывающих на берег, где по утопанному песку гуляла иногда с Нормой Джин, задыхаясь от «давления», ворчливая Делла – для «моциона», как она выражалась.

Я так и не спросила почему. Почему мне до сих пор ничего о нем не говорили.

Глэдис повесила снимок на прежнее место. Но теперь гвоздик, вбитый в гипсокартон, расшатался и держался плохо. Одинокaя муха продолжала жужжать, настойчиво и не теряя надежды, билась о стекло.

– Чертова муха, жужжала, когда я умерла, – таинственно заметила Глэдис.

В присутствии дочери она, бывало, выражалась весьма непонятно, хотя эти слова совсем не обязательно адресовались именно Норме Джин. Нет, скорее всего, Норма Джин была лишь

свидетелем, неким особо привилегированным наблюдателем, зрителем в зале, чьего присутствия основные актеры притворяются, что не замечают – или действительно не замечают. Гвоздик поправили, вдавили в стенку поглубже. Теперь он вроде бы держался и не должен был выпасть, и настал черед рамочки – ее тоже поправили, чтобы висела ровно. В таких домашних мелочах Глэдис была аккуратисткой, бранила Норму Джин, когда видела, что полотенца на крючке висят у нее вкривь и вкось и книги на полке расставлены как попало. Когда фотография с мужчиной благополучно вернулась на свое место, на стенку у зеркала, Глэдис отступила на шаг и слегка расслабилась. Норма Джин продолжала глазеть на фото, точно завороченная. «Твой отец, так и запомни. Но только это наш секрет, Норма Джин. Пока что его с нами нет – вот и все, что ты должна знать. Но в один прекрасный день он обязательно вернется в Лос-Анджелес. *Он обещал*».

4

Обо мне обязательно скажут, что ребенком я была несчастна, что детство мое было тяжелым. Но позвольте сказать вам, что я никогда не была несчастлива. Пока у меня была мама, я никогда не чувствовала себя несчастной, и в один прекрасный день у меня появился отец, которого я тоже стала любить.

И еще, конечно же, у Нормы Джин была бабушка Делла! Мамина мама.

Крепкая женщина с оливковой кожей, густыми кустистыми бровями и едва заметными усиками над верхней губой. Делла имела привычку стоять в дверях или на ступеньках у дома, уперев руки в боки, и напоминала при этом античную амфору. Бакалейщики опасались ее острого глаза и меткого языка. Она была поклонницей Уильяма С. Харта, эталонного ковбоя-забияки; была поклонницей Чарли Чаплина, этого мастера перевоплощения; хвасталась своим происхождением «из настоящих американцев, пионеров, первопроходцев». Родилась в Канзасе, затем переехала в Неваду, потом – в Южную Калифорнию, где познакомилась с будущим своим мужем, отцом Глэдис, и вышла за него. А в 1918-м он попал под газовую атаку во Франции, в Мойзе-Аргонне. «По крайней мере, хоть живой остался, – говорила Делла. – Есть за что благодарить правительство США, верно?»

Итак, имелся еще и дедушка Монро, муж Деллы. Он жил вместе с ними, и Норма Джин знала, что дедушка ее недолюбливает, – но по большому счету, что он был, что его не было. А когда кто-нибудь спрашивал Деллу о муже, она лишь пожимала плечами и говорила: «По крайней мере, хоть живой остался».

Бабушка Делла! Женщина с характером, местная достопримечательность.

Все, что Норма Джин знала о Глэдис – или казалось, что знала, – рассказала ей бабушка Делла.

Сама суть Глэдис и ее главная тайна была вот в чем: Глэдис не могла быть *настоящей матерью* Норме Джин. Во всяком случае, *в настоящее время*.

Но почему нет?

– Вот только не нужно меня осуждать! – возбужденно говорила Глэдис, прикуривая сигарету. – Меня и без того Бог наказал!

Наказал? Как это?

Если Норма Джин осмеливалась задать подобный вопрос, Глэдис лишь моргала красивыми синевато-серыми глазами, покрасневшими и всегда немного влажными.

– Не надо. После всего, что Бог со мной сотворил. Ясно?

Норма Джин улыбалась. Не потому, что понимала этот ответ. Потому, что была рада не понять его.

И еще. Вроде было известно, что у Глэдис имелись и «другие маленькие девочки». Точнее – «две маленькие девочки», еще до Нормы Джин. Но куда же тогда подевались ее сестренки?

– Не смейте меня ни в чем упрекать, слышите? *Черт бы вас всех побрал!*

Кстати говоря, никто не отрицал, что Глэдис, выглядевшая невероятно молодо в свой тридцать один год, уже два раза побывала замужем.

Это *действительно* был факт, и Глэдис весело признавала (похоже, это было у нее чем-то вроде комичной привычки или причуды киноперсонажа), что часто меняла фамилию.

Делла рассказывала историю, одну из своих скорбных материнских историй. О том, как в 1902-м, в Хоторне, округ Лос-Анджелес, родила она дочь, нареченную при крещении Глэдис Перл Монро. В семнадцать Глэдис выскочила замуж (против желания Деллы) за какого-то мужчину по фамилии Бейкер и стала миссис Глэдис Бейкер. Но (разумеется!) брак не продержался и года, и они развелись; и дочь снова вышла замуж «за контролера счетчиков Мортенсена» (отца двух старших сестренек, исчезнувших неведомо куда?); но и этот брак тоже развалился (чего и следовало ожидать!); и Мортенсен исчез из жизни Глэдис, и скатертью дорожка. Однако в некоторых документах, которые она не успела поменять, Глэдис до сих пор значилась под фамилией Мортенсен. Впрочем, она и не собиралась их менять: ее почему-то страшило все связанное с регистрациями, записями и разными формальностями. И разумеется, Мортенсен не являлся отцом Нормы Джин, но, когда та родилась, фамилия Глэдис была Мортенсен. Как ни странно, но этот факт почему-то больше всего раздражал бабушку Деллу, казался ей просто вопиющим – фамилия Нормы Джин была Бейкер, а не Мортенсен.

– И знаете почему? – спрашивала Делла соседей или кого угодно, кто выслушивал ее разглагольствования. – Потому что этот самый Бейкер, видите ли, был мужчиной, которого моя ненормальная дочь «ненавидела меньше других»! – И Делла, накручивая себя до предела, продолжала рассказ: – Ночи напролет я лежала без сна, жалела бедное дитя, у нее ведь все так запуталось. Я должна была *удочерить* эту несчастную девочку, дать ей нормальную, приличную фамилию – Монро.

– Никаких удочерений, – тут же взвизывалась Глэдис, – до тех пор, пока я жива!

Жива. Норма Джин уже поняла, как это важно – оставаться *живой*.

В общем, вышло так, что по документам Норма Джин носила фамилию Бейкер. В возрасте семи месяцев ее крестила известная проповедница евангелистской церкви по имени Эйми Семпл Макферсон, крестила в храме Ангелов Международной церкви четырехстороннего Евангелия (к которой в ту пору принадлежала Делла). И она так и осталась жить с этой фамилией – до самого того момента, когда мужчина, взяв Норму Джин в жены, настоял на том, что фамилию надо изменить. Да и полное ее имя в итоге изменилось по решению мужчин. *Я сделала то, что от меня требовалось. А от меня прежде всего требовалось выжить.*

Во время редких приступов материнской любви Глэдис объясняла Норме Джин, что имя у нее особенное. Норма – это в честь великой Нормы Толмадж, а Джин – это в честь... Ну кого же еще, как не Джин Харлоу?⁷ Имена эти ничего не говорили девочке, но она видела, что Глэдис произносит их с благоговейным трепетом. «Да, Норма Джин, тебя называли в их честь. А значит, ты возьмешь от них самое лучшее, и судьба тебя ждет особенная».

5

– Ну вот, Норма Джин! Теперь ты все знаешь.

То была новость, слепящая, словно солнце. Всеобъемлющая и безжалостная, как длань бичующего. И намазанные алой помадой губы Глэдис улыбались, что случалось крайне редко. А дыхание у нее было частым-частым, точно она долго бежала куда-то и вдруг остановилась.

– Теперь ты видела *его лицо*. Он твой настоящий отец, и фамилия его не Бейкер. Но ты никому не должна говорить, слышишь? Никому, даже Делле.

⁷ Перечисляются звезды Голливуда 1920–1930-х гг.

– Д-да, мама.

Между тонкими, подведенными карандашом бровями Глэдис прорезалась морщинка.

– *Что*, Норма Джин?

– Да, мама.

– Ну вот, *теперь* другое дело!

Заикание Нормы Джин никуда не делось. Просто переместилось с языка в маленькое, как у колибри, сердечко, где его никто не заметит.

На кухне Глэдис сняла одну из своих шикарных перчаток и набросила ее на шею Норме Джин, и это было приятно и щекотно.

О, что за день! Счастье обволакивало Норму Джин со всех сторон, точно теплый и влажный городской туман. Счастье ощущалось в каждом вдохе.

– С днем рождения, Норма Джин, – промурлыкала Глэдис. А потом: – Ну, что я говорила, Норма Джин? Этот день *и впрямь* для тебя особенный.

Зазвонил телефон. Но Глэдис, улыбаясь себе под нос, не стала снимать трубку.

Жалюзи на окнах были старательно опущены до самого подоконника. Глэдис сказала что-то насчет «чересчур любопытных» соседей.

Сняла она только левую перчатку, правую оставила. Похоже, просто забыла ее снять. Норма Джин заметила, что слегка покрасневшая кожа на левой руке Глэдис покрыта ромбовидной мелкой сеточкой – остался отпечаток от слишком тесной перчатки. На Глэдис было темно-бордовое платье из крепа, туго облегающее талию, с высоким воротничком-стойкой и пышной широкой юбкой, которая чуть слышно шуршала при каждом движении. Этого платья Норма Джин прежде никогда не видела.

Каждая секунда была наполнена особым значением. Каждый миг, как каждый удар сердца, был предупреждающим сигналом.

Схватив две кофейные чашки с щербатыми краями, Глэдис уселась за столик в кухонной нише и налила Норме Джин виноградный сок, а себе – прозрачную «лечебную водичку» с резким запахом. Тут Норму Джин ждал еще один сюрприз – праздничный бисквитный торт! Пышный ванильный крем, шесть крохотных розовых свечек и надпись, выведенная сладкой малиновой глазури:

С ДНЕМ РАЖДЕНЬЯ

НОРМАДЖИН!

От одного вида этого торта, от его чудесного запаха у Нормы Джин слюнки потекли. А Глэдис вся так и кипела от возмущения:

– Чертов кондитер! Вот болван! Неправильно написал «рождения» и твое имя. *Я же ему говорила!*

Не без труда, поскольку руки у нее дрожали – то ли комната вибрировала от уличного шума, то ли содрогались глубокие пласты земли (в Калифорнии никогда не знаешь, сама дрожишь или это настоящее землетрясение), – Глэдис все же удалось зажечь шесть маленьких свечек. Теперь Норме Джин предстояло задуть бледные, нервно трепещущие язычки пламени.

– А сейчас ты должна загадать желание, Норма Джин, – сказала Глэдис и подалась вперед, так что губы ее едва не коснулись теплого личика девочки. – Желание, чтобы он, ну, сама знаешь кто, побыстрее к нам вернулся. Давай дуй! – И Норма Джин крепко зажмурилась, загадала это желание и сильно дунула, затушив все свечки, кроме одной. Глэдис сама задула ее. – Ну вот и славно. Как Бог свят.

Затем Глэдис принялась искать подходящий нож – разрезать торт. Долго шарила в ящике и наконец нашла. «Этот для мяса, но ты не пугайся!» И узкое длинное лезвие сверкало, как солнце в волнах Венис-Бич, и глазам было больно, но не смотреть на этот нож было почему-то невозможно. Однако Глэдис не сделала с этим ножом ничего такого особенного, просто погрузила его в торт, сосредоточенно хмурясь, и, придерживая правую руку в перчатке левой, той, что без перчатки, вырезала два щедрых куска, себе и дочери. Внутри торт оказался сыроватый, липкий, и куски не помещались на чайных блюдах, которые Глэдис поставила вместо тарелок.

Ну и хорош! До чего же хорош был на вкус этот торт. Знаете, в жизни большие не пробовала такого вкусного торта.

Мать и дочь ели с жадностью, ведь обе еще не завтракали, а было уже за полдень.

– А теперь, Норма Джин, подарки!

Снова зазвонил телефон. И снова Глэдис, лучезарно улыбаясь, не сняла трубку. Она объясняла, что у нее не было времени завернуть подарки как следует. Первым оказался хорошенький розовый, связанный крючком свитерок из тонкой шерсти, а вместо пуговиц – вышитые розовые бутоны, совсем крошечные. Пожалуй, он предназначался ребенку помоложе, поскольку был немного тесноват Норме Джин, хотя для своих лет та была девочкой совсем не крупной. Но Глэдис, восторженно ахая, похоже, этого не замечала:

– Ну разве не прелесть? В нем ты как маленькая принцесса!

Потом пошли подарки помельче – белые хлопковые носки, трусики (с которых даже не были срезаны ценники «десятицентовой» лавки). Глэдис вот уже несколько месяцев не покупала дочери ничего подобного; Глэдис уже на несколько недель просрочила плату Делле за содержание дочери, и Норма Джин с восторгом думала, что теперь бабушка страшно обрадуется, и благодарила маму; Глэдис прищелкнула пальцами и весело сказала:

– Это еще не главное! *Пошли!*

И торжественно повела Норму Джин обратно в спальню, где на самом видном месте висел портрет красивого мужчины. Поддразнивая Норму, нарочито медленно выдвинула верхний ящик трюмо, словно тот не желал открываться.

– Presto, Норма Джин! Тут и для *тебя* кое-что есть!

Неужели кукла?

Норма Джин, привстав на цыпочки, трепетно и неловко вытащила из ящика куклу. Златоволосую куклу с круглыми синими стеклянными глазами и ротиком, похожим на розовый бутон. А Глэдис спросила:

– Помнишь, Норма Джин, кто у нас тут спал, в этом ящике, а? – (Норма Джин отрицательно помотала головой.) – Да нет, не в этой квартире, именно в ящике. Вот в *этом самом*.

И снова Норма Джин отрицательно помотала головой. Ей стало не по себе. А Глэдис так пристально смотрела на нее, широко распахнув глаза, и были они почти точь-в-точь как у куклы, только не синие, а сероватые, словно выцветшие, и губы не розовые, а ярко-красные. И тут она со смехом сказала:

– Да ты! Ты, Норма Джин! Ты спала в этом самом ящике! Я была такая бедная, что не могла купить тебе кроватку. Этот ящик и служил тебе кроваткой, когда ты была еще крошечным младенцем. Добрую службу сослужил, *верно?*

Глэдис едва не сорвалась на крик. Если бы эту сцену сопровождала музыка, звучало бы очень быстрое стаккато. Норма Джин покачала головой – дескать, нет. И личико ее помрачнело, а глаза затуманились: не помню, не желаю помнить. Как не помнила, что носила когда-то подгузники и как намучились Глэдис с Деллой, «приучая ее к горшку». И если б у нее было время как следует осмотреть верхний ящик соснового трюмо и увидеть, *как плотно он закрывается*, ей стало бы совсем плохо. Затошнило бы, живот скрутило бы от страха – так бывало, когда она стояла на верхней ступеньке лестницы, или смотрела на улицу из окна верхнего этажа, или слишком близко подбегала к берегу, на который должна была обрушиться огромная

волна... Ибо как она, такая большая девочка шести лет, могла когда-то поместиться в таком маленьком ящике? *А может, кто-то задвигал этот ящик, чтобы приглушить ее плач?*

Но у Нормы Джин просто не было времени думать о таких вещах. Ведь в руках она держала куклу. Самую красивую куклу, которую когда-либо видела так близко, красивую, как Спящая красавица из книжки с картинками, с золотыми кудрями до плеч, шелковистыми и мягкими. Прямо как настоящие!.. О, они были куда красивее волнистых светло-каштановых волос самой Нормы Джин и уж ни в какое сравнение не шли с жесткими синтетическими волосами других кукол. Одета она была в цветастый фланелевый халатик, а на голове – крохотный кружевной чепчик. И кожа у нее была из резины, такая гладкая, мягкая, безупречная кожа, а пальчики, крохотные пальчики идеальной формы, совсем как настоящие! На маленьких ножках – белые хлопковые пинетки, перевязанные розовыми ленточками! Норма Джин взвизгнула от восторга и обязательно обняла бы маму крепко-крепко, но заметила, что Глэдис вся так и сжалась, и поняла, что прикасаться к маме не следует.

Глэдис закурила сигарету – «Честерфилд», любимую марку Деллы (хотя сама Делла считала курение признаком слабости характера, очень вредной привычкой и твердо намеревалась от нее избавиться). С наслаждением выдохнув дым, она насмешливо сказала:

– Знаешь, как трудно было достать такую куклу, Норма Джин? Теперь же, надеюсь, ты примешь на себя ответственность за эту куклу.

Ответственность за куклу... Эта странная фраза повисла в воздухе.

Как же сильно Норма Джин будет любить эту белокурую куклу! То будет главная любовь ее детства.

За исключением одного «но». Ее смущало, что ножки и ручки у куклы совсем мягкие, без костей. И как-то странно болтаются и шлепают. Если положить куклу на спину, у нее тут же – *шлеп!* – и опускались ножки.

– А к-как ее зовут, мама? – запинаясь, спросила Норма Джин.

Глэдис нашла пузырек с аспирином, вытряхнула на ладонь несколько таблеток и проглотила, не запивая. А затем, комично вскинув выщипанные брови, важно сказала голосом, как у Джин Харлоу:

– Ну, это тебе решать, родная. Она же не чья-то, а *твоя*.

И Норма Джин стала придумывать кукле имя. Уж как она старалась придумать, но ничего не получалось. В голове будто что-то заело, и ни одно имя не шло на ум. Она забеспокоилась, принялась сосать большой палец. Ведь имя – это страшно важная штука! Если кого-то никак не зовут, о нем и подумать не получится. Если бы люди не знали, к примеру, твоего имени, что бы с тобой *стало*?

И Норма Джин закричала:

– Мама, нет, правда, как зовут эту к-куклу? Ну *пожалуйста!*

И Глэдис – ее этот вопрос скорее не рассердил, а позабавил – крикнула в ответ из другой комнаты:

– Черт! Назови эту куклу Нормой Джин! Она ведь такая же красотка, как и *ты*, ей-богу!

После стольких впечатлений девочка совсем вымоталась. Норме Джин пора было вздремнуть.

Но звонил телефон. День потихоньку шел к вечеру. И девочка с тревогой подумала: *Почему это Мать не подходит к телефону? Что, если звонит Отец? Или она точно знает, что это не Отец? Но откуда ей это известно?*

В сказках братьев Гримм, что читала Норме Джин бабушка Делла, случались вещи, которые могли только присниться. Станные и жуткие, какими бывают только сны. Но то были вовсе не сны. И ты все время хочешь проснуться, но *не можешь*.

О, как же Норме Джин хотелось спать! Голодная, она съела слишком много торта. Нахрюкалась тем тортом, словно поросенок. Ничего себе завтрак, праздничный торт! И теперь ее тошнило и болели зубы, или же все оттого, что Глэдис подлила ей в виноградный сок своей «лечебной водички» – «чуть-чуть, для веселья». И глаза у нее закрывались, и голова казалась ужасно тяжелой и какой-то деревянной, и Глэдис пришлось отвести ее в жаркую душную спальню и уложить на просевшую кровать (Глэдис не нравилось, когда Норма спала на этой кровати), прямо на покрывало из синели. Она стащила с Нормы Джин туфли и, весьма брезгливая в подобных вещах, подложила под голову дочери полотенце: «это чтобы слюней не напустила мне на подушку». Норма Джин сразу же узнала это ярко-оранжевое покрывало, она видела его раньше, в других квартирах Глэдис, но цвет немного потускнел, оно было все в подпалинах от сигарет, каких-то странных пятнах и разводах, ржавых, оттенка застарелых пятен крови.

Со стены рядом с трюмо смотрел на Норму Джин отец, и она смотрела на него сквозь полуопущенные веки. А потом прошептала: «Пап-па...»

Впервые! В день, когда ей исполнилось шесть лет.

Впервые произнесла она это слово, «папа».

Жалюзи, опущенные до самого подоконника, были старые, растрескались и не могли сдерживать лучей свирепого послеобеденного солнца, пламенеющего Божьего ока, гнева Господня. Впоследствии бабушка Делла разочаровалась в Эйми Семпл Макферсон и ее церкви четырехстороннего Евангелия, однако все равно продолжала верить в то, что называла «Словом Божьим», в Библию. «Это непростое учение, и мы по большей части глухи к его мудрости, но это *все, что у нас есть*». (Но так ли это? У Глэдис были свои книги, но она никогда не упоминала о Библии. О чем Глэдис и говорила со страстью и трепетом, так это о Кино.)

Солнце уже клонилось к закату, когда Норму Джин разбудил звонок телефона в соседней комнате – резкий звук, насмешливый, сердитый и взрослый. Звук, в котором слышался мужской упрек. *Я знаю, что ты дома, Глэдис, знаю, что слышишь, тебе от меня не спрятаться.* Потом наконец Глэдис схватила трубку и торопливо заговорила – высоким, почти умоляющим голосом: *«Нет, не могу! Только не сегодня, я же тебе говорила! Сегодня день рождения у дочки, и я хочу побыть с ней наедине!»* Затем пауза, и снова, уже более настойчиво, пронзительно, словно раненое животное: *«Нет, говорила! Я тебе говорила, что у меня есть маленькая дочь, мне плевать, веришь ты или нет! Нет, я нормальный человек, и я на самом деле мать! Я тебе говорила, что у меня есть маленькие дети, я нормальная женщина, и не нужны мне твои вонючие деньги, нет, я сказала, сегодня не могу, сегодня мы не увидимся, ни сегодня, ни завтра, оставь меня в покое, а не то пожалеешь. И если посмеешь явиться сюда и открыть дверь своим ключом, я вызову полицию, так и знай, скотина!»*

6

Когда 1 июня 1926 года я родилась в лос-анджелесской окружной больнице, в палате для бедноты, моей матери рядом не было.

И где она была, моя мать, никто не знал!

Позже обнаружили, что она прячется от меня. Ей долго и укоризненно выговаривали: *У вас такой красивый ребенок, миссис Мортенсен, не хотите поддержать этого чудесного младенца? Это девочка, и ее пора бы покормить.* Но мать лежала, отвернувшись лицом к стене. Из сосков ее, точно гной, сочилось молоко, но не для меня.

Какая-то чужая женщина, медсестра, научила мать, как правильно брать младенца на руки и держать. Как, складывая ладонь чашечкой, подкладывать ее под хрупкий затылок ребенка, а другой рукой поддерживать спинку.

А если я ее уронию?

Не уроните!

Она такая тяжелая и горячая. Она... брыкается.

Нормальный здоровый ребенок. Красавица! Вы только посмотрите на эти глазки!

На Студии, где с девятнадцати лет работала Глэдис Мортенсен, было два мира, две реальности: та, что видишь своими глазами, и та, что видишь через камеру. Первый мир был ничем, второй – всем. Со временем мать научилась смотреть на меня в зеркало. Даже улыбаться мне (но только не в глаза! Нет, никогда!). В зеркале ты отражаешься почти как в объективе камеры, и тебя почти что можно любить.

Отца этого ребенка я обожала. Он назвался чужим именем, такого имени нет в природе. Дал мне 225 долларов и номер телефона – чтобы я РЕШИЛА ВОПРОС. Неужели я действительно мать? Иногда мне просто не верится.

Мы постигли искусство смотреть в зеркала.

И у меня появился Друг в Зеркале. Как только я подросла и научилась его видеть.

Мой Волшебный Друг.

В этом была какая-то непорочность. Я никогда не воспринимала своего лица и тела изнутри (внутри меня все онемело, будто во сне), лишь видела в зеркале, четко и ясно. Только в нем могла я видеть себя.

Глэдис засмеялась. *Черт, а эта малышка и правда славная! Пожалуй, оставлю ее себе.*

Решение это принималось изо дня в день и лишь до следующего дня.

Словно в голубоватой дымке, меня передают из рук в руки. Мне уже три недели. Я завернута в одеяло. Какая-то женщина кричит пьяным голосом: *Голова! Осторожней! Подложи ей руку под голову!* А другая женщина вторит: *Господи! Ну и накурено же здесь! Где Глэдис? Мужчины бросают быстрые взгляды и усмеваются. Совсем маленькая девочка, а? Лежит себе, как шелковый кошелечек. Вся такая гла-аденькая!*

Один из них, чуть позже, помогал маме купать меня. А потом купался сам вместе с мамой. Сколько было визга и смеха среди белых кафельных стен! Лужи воды на полу. Пахучие соли для ванны. Мистер Эдди был богат! Владелец трех «крутых кабаков» в Л.-А.⁸, где собирались звезды, чтобы поужинать и потанцевать. Мистер Эдди выступал по радио. Мистер Эдди был любителем розыгрышей, сорил двадцатидолларовыми купюрами, совал их в разные неподходящие места – на глыбу льда в холодильнике, в складку шторы, между истрепанными страницами «Маленькой сокровищницы американской поэзии», приклеивал скотчем к грязной крышке унитаза – изнутри.

Мать смеялась звонко и пронзительно, как бьется стекло.

7

– Но сперва надо тебя *искупать*.

Слово «*искупать*» произносилось медленно и чувственно.

Глэдис пила свою «лечебную водичку», ей не сиделось на месте. На патефоне крутилась пластинка Дюка Эллингтона «Настроение цвета индиго». Лицо и руки Нормы Джин были липкими от праздничного торта. Все еще был день, когда Норме Джин исполнилось шесть, и уже почти совсем стемнело. А потом настала ночь. В крошечной ванной вода с шумом хлестала из обоих кранов в старую, всю в ржавых пятнах, ванну на ножках в виде когтистых лап.

С холодильника взирала на происходящее белокурая красавица-кукла. Стекланно-синие глаза широко распахнуты, рот-бутон того и гляди расплывется в улыбке. Если ее потрясти, глаза раскроются еще шире. А вот розовый рот не меняется. Крохотные ножки в грязно-белых пинетках вывернуты наружу и торчат под нелепым углом.

⁸ Лос-Анджелес.

Мама учила Норму Джин словам песни. Раскачивалась и мурлыкала под нос:

Считай, тебе не было грустно.
Нет, нет, нет!
Считай, тебе не было грустно.
О нет, нет!..
Если на тебя не находило настроение цвета индиго...

Потом маме наскучила музыка, и она стала искать какую-то книгу – почти все они до сих пор были в коробках. В свое время Глэдис брала на Студии уроки ораторского искусства. Норме Джин нравилось, когда Глэдис что-то читала ей, потому что в доме сразу становилось тише и спокойнее. Не было ни внезапных взрывов смеха, ни ругани, ни слез. Музыка тоже иногда помогала. И вот Глэдис с благоговейным выражением на лице перелистывала свою любимую книгу «*Маленькая сокровищница американской поэзии*». Наконец, приподняв худенькие плечи, запрокинув голову и подняв книгу к лицу, словно заправская киноактриса, начала читать:

Сама я Смерти не звала,
Но Смерть была ко мне добра —
Приехала и увезла в карете;
Втроем в карете – я, Она
И, кажется, Бессмертие...

Норма Джин впитывала каждое слово. Закончив читать, Глэдис поворачивалась к дочери, и глаза ее сверкали.

– О чем это, а, Норма Джин? – Норма Джин не знала, и Глэдис ответила сама: – Настанет день, и твоя мама не сможет прийти к тебе на помощь, потому что ее уже не будет рядом, *так и знай!* – Она подлила себе в чашку бесцветной крепкой жидкости и выпила.

Норма Джин надеялась, что мама прочтет еще какое-нибудь стихотворение. Стихи с рифмой, стихи, которые можно понять. Но похоже, поэзии на сегодня для Глэдис было достаточно. Не стала она читать ни из «Машины времени», ни из «Войны миров». То были «пророческие» книги, все описанное в них «скоро сбудется» – так иногда говорила она дрожащим от волнения голосом.

– А теперь, малышка, пора в *ва-а-анну!*

Все было как в кино. Вода хлестала из кранов, и шум ее смешивался со звуками воображаемой музыки, и музыка становилась почти настоящей.

Глэдис наклонилась к Норме Джин, чтобы раздеть ее. Но Норма Джин умела раздеваться сама! Ей уже шесть! Глэдис торопилась, отталкивала руки Нормы Джин. «*Стыд и позор! Вся в торте!*» Потом стала ждать, пока наполнится ванна, а наполнялась она страшно медленно. Очень уж была большая. Глэдис сняла крепкое платье, стянула его через голову, отчего мелко завитые волосы встали хохолками, точно встревоженные змейки. Бледная кожа блестела от пота. На мамино тело смотреть нельзя – это ее тайна. Бледная веснушчатая кожа, выпирающие косточки, маленькие твердые груди, точно сжатые кулачки, обтянутые кружевной комбинацией. Норме Джин казалось: от наэлектризованных волос Глэдис разлетаются искры. Искры сверкали и в ее влажных, печальных, застывших глазах.

За окном шумел в пальмовых ветвях ветер. Голоса мертвых, так называла Глэдис этот шум. Хотят войти в дом.

– В нас хотят войти, – объяснила Глэдис. – Потому что тел им не хватает. Возьми любой момент в истории, и всегда увидишь нехватку жизни. А после войны – ты, конечно, не пом-

нишь войну, тебя тогда еще на свете не было, но я-то помню. Я, твоя мать, прекрасно помню ту войну, потому что появилась на свет раньше тебя... Так вот, во время войны погибло столько мужчин, женщин, даже детей, что тел стало очень сильно не хватать, так и знай. И все эти бедные души умерших хотят забраться в *живых*.

Норма Джин испугалась. Как забраться, куда?..

Глэдис расхаживала по комнате, ждала, когда наполнится ванна. Нет, пьяна она не была и под кайфом – тоже. Она уже сняла перчатку с правой руки, и теперь обе ее длинные изящные руки были обнажены, и Норма Джин увидела, что они в красных шелушащихся пятнах. Глэдис не хотела признаваться, что это результат ее работы на Студии, иногда – по целых шестьдесят часов в неделю. Вся кожа пропиталась химикатами, не спасали даже латексные перчатки. Да, химикаты впитались и в кожу, и в волосы, в самые корни, и в легкие, о, она просто умирает! Эта Америка убивает ее! Начав кашлять, она никак не могла остановиться. Да, но зачем тогда еще и курить? Господи, да в Голливуде все курят, все, кто работает в кино, курят. Сигарета успокаивает нервы. Зато Глэдис перестала баловаться марихуаной, которую в газетах называют *анашой*; черт побери, она хочет, чтобы Делла знала: никакая она не *пьянь* и не *наркоманка*! Никакая не *вертихвостка* и, черт побери, *никогда не занималась этим за деньги*. Или почти никогда.

И лишь однажды на восемь недель потеряла работу на Студии. После Краха, в октябре 1929-го.

– Знаешь, что это такое? Крах?

Норма Джин недоуменно покачала головой. Нет. А что?

– Тогда тебе было три годика, малышка. Я была просто в отчаянии. Все, что я делала, Норма Джин, я делала только ради *тебя*.

С кряхтением подхватив Норму Джин на руки – руки у нее были жилистые, мускулистые, – Глэдис опустила барахтающуюся девочку в воду, от которой так и валил пар. Норма Джин тихонько захныкала, заорать во весь голос она просто не осмелилась. Вода была такая горячая! Обжигающе горячая! Просто кипяток! Вода продолжала бить из крана, который забыла завернуть Глэдис, она забыла завернуть оба крана, а еще забыла проверить температуру воды. Норма Джин порывалась выскочить из ванны, но Глэдис затолкала ее обратно:

– Сиди смирно! Нужно вымыться. Я тоже к тебе иду. Где мыло? Грязну-уля!

Глэдис развернулась спиной к всхлипывающей Норме Джин и быстро скинула с себя остатки одежды, комбинацию, лифчик, трусики, весело бросая их на пол, будто стриптизерша. Оставшись нагишом, она отважно полезла в большую старую ванну на когтистых лапах, поскользнулась, чтобы удержать равновесие, ухватилась за край и погрузила узкие бедра в воду, от которой разило маслом гаультерии. А потом уселась напротив испуганной девочки, широко раздвинув колени, словно пыталась ими зажать, обнять, обхватить или защитить своего ребенка, которому шесть лет назад дала жизнь в муках отчаяния и упреков. *Где ты? Зачем оставил меня?* Слова эти были адресованы мужчине, который был ее любовником, имени которого она ни за что бы не выдала даже в родовых муках. Как неуклюже возились в ванне мать и дочь, вода мелкими волночками перехлестывала через край; Глэдис подтолкнула Норму Джин коленом, и та погрузилась в воду до ноздрей, подавилась и закашлялась, а Глэдис, ухватив ее за волосы, бранилась:

– Прекрати сейчас же, Норма Джин! *Прекрати!*

Потом Глэдис поймала кусок мыла и начала энергично намыливать руки. Странно, что она всегда уклонялась от объятий и прикосновений дочери, а сейчас сидела с ней в ванне, обнаженная; странным было и восторженное, даже исступленное выражение ее лица, покрасневшего от горячей воды.

И снова Норма Джин пискнула, что вода слишком горячая, пожалуйста, мама, вода слишком горячая, такая горячая, что кожа уже почти ничего не чувствует, а Глэдис ответила строго:

– Она и должна быть горячая, слишком уж много грязи. И снаружи, и внутри нас.

Откуда-то издалека, из другой комнаты, заглушенный плеском воды и визгливым голосом Глэдис, донесся звук, с которым поворачивают в замочной скважине ключ.

То было не в первый раз. И не в последний.

Песочный город

1

– Норма Джин, просыпайся! *Быстро!*

Сезон пожаров. Осень 1934-го. В голосе, то был голос Глэдис, звенели возбуждение и тревога.

Среди ночи этот запах дыма – и пепла! – запах, какой бывает, когда горит мусор в мусоросжигателе за старым домом Деллы Монро, что на Венис-Бич, но только то было не на Венис-Бич. То было в Голливуде, на Хайленд-авеню в Голливуде, где мать с дочерью наконец поселились вместе, вдвоем, только ты да я, *как и положено, пока он не призовет нас к себе*; и тут послышался вой сирен, и этот запах, похожий на запах паленых волос, горящего на сковородке жира, сырой одежды, нечаянно прожженной утюгом. Зря оставили окно в спальне открытым, потому что теперь этот запах пропитал всю комнату: удушливый, царапающий горло, жгутищий глаза, словно порыв ветра хлестнул по ним песком.

Такой запах появлялся, когда Глэдис, поставив чайник на плиту, забывала о нем, вода выкипала и дно чайника вплавлялось в горелку. Запах как от пепла бесконечных сигарет Глэдис, от прожженных ими дырок – в линолеуме, в ковре с орнаментом из роз, в двуспальной кровати с медным изголовьем, в набитых гусиным пером подушках, на которых спали мать и дочь. Тот запах горелого постельного белья, который девочка безошибочно узнала еще во сне; запах тлеющей сигареты «Честерфилд», выпавшей из руки матери, когда та зачитывалась допоздна в постели. Страсть к чтению обуревала Глэдис порывами и всегда сопровождалась бессонницей, и она засыпала за книгой, а потом вдруг просыпалась, разбуженная грубо и резко и, как ей казалось, загадочно и необъяснимо искрой, упавшей на подушку, на простыни, на стеганое ватное одеяло.

Иногда из искры рождалось пламя, и Глэдис отчаянно колотила по нему книжкой или журналом, пытаясь загасить. Как-то раз пришлось даже сорвать со стены календарь «Шайка-лейка» и действовать им или же просто молотить по пламени кулачками, а если огонь все же не сдавался, Глэдис, чертыхаясь, бежала в ванную, где набирала стакан воды и заливала пламя, и матрас, и постельное белье. «Черт *поberi!* Только *этого* не хватало!» Все это было похоже на дешевый фарс из немого кино. Норма Джин, спавшая рядом с Глэдис, тут же просыпалась и скатывалась с кровати, тяжело дыша и настороже, как и положено зверьку, привыкшему бороться за выживание; очень часто именно она, девочка, первая бросалась в ванную за водой. Эти подъемы по тревоге среди ночи давно уже стали привычными, превратились в ритуальное ЧП, и на эти случаи был даже разработан специальный план действий. *Мы при- выкли спасаться, чтобы не сгореть заживо в постели. Научились с этим справляться.*

– Я даже и не спала! Как-то не получалось. Разные мысли. Голова ясная, как днем. Знаешь, наверное, просто пальцы занемели. Такое в последнее время часто бывает. Буквально вчера вечером села поиграть на пианино, и *ничего не вышло!*.. И в лаборатории никогда не работаю без перчаток, просто, наверное, химикаты стали сильнее. Может, это уже навсегда. Вот посмотри, нервные окончания пальцев как мертвые, рука даже *не дрожит*.

И Глэдис протягивала провинившуюся правую руку дочери, чтобы та сама убедилась. И действительно, как ни странно, но после всех треволнений ночи, дымящихся простыней, внезапного пробуждения изящная рука Глэдис ничуть не дрожала. Лишь безвольно изгибалась в запястье, точно и не принадлежала ей вовсе, вперед раскрытой ладонью с нечеткими линиями; бледная, но загрубевшая и покрасневшая кожа; ладонь такой изящной формы, совсем пустая.

Были и другие загадочные происшествия в жизни Глэдис, всех не перечислить. И для того чтобы хоть как-то их отслеживать, требовалась постоянная бдительность и, сколь ни покажется парадоксальным, почти мистическая отрешенность. «Этому учили все философы, от Платона до Джона Дьюи, – не лезь, пока не выкликнули твой номер. А когда его выкликнули – полный вперед!» Глэдис улыбнулась и щелкнула пальцами. У нее это называлось оптимизмом.

Вот почему я фаталистка. И с логикой не поспоришь!

Вот почему я всегда готова к неожиданностям. Или была готова.

Я не могла бы сыграть лишь одну роль – в фильме о нормальной, повседневной жизни.

Но в ту ночь пожар был настоящим.

Не миниатюрные язычки пламени в постели, которые легко затушить книжкой или залить стаканом воды. Нет, по всей Калифорнии после пяти месяцев засухи и жары бушевали пожары. Низовые пожары представляли «серьезную опасность для жизни и имущества людей» даже в окраинах Лос-Анджелеса. Виной тому были ветры Санта-Ана⁹, они зарождались над пустыней Мохаве, сперва как ласковый ветерок, но постепенно набирали силу, несли с собой удушливую жару, и через несколько часов начинали поступать сообщения о пожарах – сначала у подножия гор и в каньонах хребта Сан-Гейбриел, потом все западнее, ближе к тихоокеанскому побережью. Уже через двадцать четыре часа повсюду бушевали сотни обособленных, но похожих друг на друга пожаров. То были раскаленные ветры, летящие со скоростью сто миль в час по долинам Сан-Фернандо и Сими. Очевидцы сообщали о стенах пламени высотой до двадцати футов, перепрыгивающих через тянущиеся вдоль побережья автомагистрали – точь-в-точь как хищные звери. В нескольких милях от Санта-Моники наблюдались целые поля пламени, каньоны пламени, летали, как кометы, огненные шары. Искры, разносимые ветром, словно зловердные семена, превращались в огненную бурю, бушующую в жилых кварталах Таузанд-Оукс, Малибу, Пасифик-Пэлисейдс и Топанги. Рассказывали о птицах, которые воспламенялись и заживо сгорали в воздухе; об объятых пламенем стадах крупного рогатого скота, о том, как несчастные животные с криками ужаса мчались куда глаза глядят, словно живые факелы, пока не падали замертво. Огромные столетние деревья разом вспыхивали и сгорали за несколько минут. Загорались даже облитые водой крыши, и здания взрывались в пламени, точно бомбы.

Несмотря на все усилия тысяч пожарных, низовые пожары никак не удавалось «взять под контроль», и тяжелые бело-серые клубы едкого дыма затягивали небо на сотни миль вокруг. Увидев днем это потемневшее небо, это солнце, сократившееся до блеклого тоненького полумесяца, можно было подумать, что наступило бесконечное затмение. Можно было подумать, так мать говорила перепуганной дочери, что наступил обещанный в Библии, в Откровении Иоанна Богослова, конец света: «И жег людей сильный зной; и они хулили имя Бога». Но это Божья хула нам, людям.

Зловещие ветры Санта-Ана дули двадцать дней и двадцать ночей подряд, несли с собой пыль, песок, пепел и удушливую дымную вонь, и когда наконец с началом дождей пожары стали стихать, выяснились масштабы разорения: семьдесят тысяч акров в округе Лос-Анджелес.

К этому времени Глэдис Мортенсен уже три недели как будет в Государственной психиатрической больнице в Норуолке.

Она была маленькой девочкой, а маленьким девочкам не положено *задумываться*. Особенно таким хорошеньким кудрявым девочкам. Им не положено *тревожиться, переживать, размышлять*; тем не менее у нее выработалась манера, по-карличьи насупив брови, задаваться

⁹ Ветры Санта-Ана – сухие горячие ветры, дующие с востока на Лос-Анджелес из близлежащей пустыни.

такими, к примеру, вопросами: как начинается *пожар*? С какой-то одной-единственной искры, первой искры, взявшей *неизвестно откуда*? Не от спички или зажигалки, а просто *из ниоткуда*? Но как и почему?

– Потому что он от солнца. Огонь от солнца. Само солнце – огонь. И Бог есть не что иное, как *огонь*. Только поверь в Него, и обратишься в пепел. Протяни руку, чтобы коснуться Его, и рука твоя обратится в пепел. И никакого «Бога Отца» не существует. Да я лучше поверю в У. К. Филдса¹⁰. Уж *он-то* действительно существует. Да, я была крещена в христианской церкви – лишь потому, что мать моя заблуждалась, но я же *не дура*. Я агностик. Верю, что наука спасет человечество, да и то не факт. Лекарство против туберкулеза, лекарство против рака, улучшение человеческой расы через евгенику, эвтаназия для безнадежных больных. Но моя вера не слишком крепка. И твоя, Норма Джин, тоже не будет крепкой. Дело в том, что мы не годимся для жизни в Южной Калифорнии. Нельзя было нам здесь селиться. Твой отец, – тут хрипловатый голос Глэдис смягчился, как бывало всегда, когда она заговаривала об отсутствующем отце Нормы Джин, словно он витал где-то рядом и прислушивался к разговору, – всегда называл Лос-Анджелес «песочным городом». Построен на песке и *сам* песок. Это же пустыня. Дождя выпадает меньше двадцати дюймов в год. Или же наоборот – уж если дождь, так просто потоп! Люди не предназначены для жизни в таких местах. Вот нам и наказание. За нашу гордыню и глупость. Землетрясения, пожары, этот душный воздух. Некоторые из нас родились тут, и некоторым суждено здесь умереть. Таков пакт, что мы заключили с дьяволом.

Глэдис умолкла, чтобы перевести дух. За рулем – как сейчас – она часто начинала задыхаться, словно выбивалась из сил из-за скорости. Но говорила спокойно и даже весело.

Они ехали по погруженной во тьму Колдуотер-Каньон-драйв над бульваром Сансет, и было тридцать пять минут второго ночи, первой ночи, когда в Лос-Анджелесе начались массовые пожары. Глэдис закричала, разбудила Норму Джин, вытащила ее в пижаме и босиком из бунгало, затолкала в свой «форд» выпуска 1929 года, поторапливая, приговаривая: *живей, живей, живей*, – и все это шепотом, чтобы не услышали соседи. Сама Глэдис была в черной кружевной ночной сорочке, поверх которой второпях накинула полинялое шелковое кимоно зеленого цвета, давешний подарок мистера Эдди. Она тоже была босиком, встрепанные волосы прихвачены шарфом. Узкое лицо словно величественная маска: перед сном Глэдис намазала его кольдкремом, и кожу только-только начал покрывать принесенный ветром пепел. Ужас что за ветер, сухой, горячий, он злым неукротимым потоком неся по каньону! Норма Джин была в таком ужасе, что даже плакать не могла. А эти сирены! Эти людские крики! Странные визгливые крики, они напоминали голоса птиц или животных. (Может, то были койоты?)

Норма Джин видела зловещие всполохи огня, что отражались в облаках, в небе над горизонтом за Сансет-стрип, в небе над тем, что Глэдис называла «целебными водами океана», – далеко-далеко; на фоне этого грозного неба вырисовывались пальмы, трепещущие от ветра, теряющие иссушенную пожелтевшую листву; и она уже несколько часов чувствовала запах дыма (о, *совсем* не то, что вонь от прожженных сигаретами простыней Глэдис). Но до нее не дошло, ни поначалу, ни теперь – *я ведь не была приставучим ребенком, скорее я была очень послушная и отчаянно надеялась на лучшее*, – что мать ведет машину совсем не в том направлении.

Не от забрызганных пламенем холмов, а наоборот – к ним.

Не от жгучего удушливого дыма, но напрямик к нему.

И все же Норме Джин следовало бы догадаться, все признаки были налицо: Глэдис говорила очень спокойно и рассудительно, так что ее приятно было слушать.

¹⁰ Уильям Клод Филдс (настоящая фамилия Дьюкенфилд; 1880–1946) – актер, автор и соавтор сценариев ко многим фильмам 1920–1930-х гг.

Когда Глэдис была, что называется, «в себе», она говорила ровным невыразительным голосом, из которого, казалось, были выжаты все эмоции, как выжимают с силой последние капли воды из мягкой мочалки. В такие моменты она избегала смотреть вам в глаза; она обладала способностью видеть вас насквозь – так мог бы смотреть сквозь вас арифмометр, будь у него глаза. Когда же Глэдис была «не в себе» или только начинала проваливаться в это состояние, она изъяснялась быстро, обрывками слов, не поспевая за своим кипящим разумом. Или же говорила особенно спокойно, логично, как одна из учительниц Нормы Джин, объясняющая общеизвестные вещи.

– Мы заключили пакт с дьяволом. Даже те из нас, кто не верит в дьявола.

И Глэдис, резко повернув голову к Норме Джин, спросила, слушает ли та ее.

– Д-да, мама.

С дьяволом? Пакт? Как это?

У обочины дороги валялся какой-то бледный блестящий предмет, нет, не человеческое тело, возможно, кукла, брошенная кукла. Но первой панической мыслью было, что это именно *ребенок*, забытый впопыхах, когда начался пожар, нет, конечно, никакая это не кукла!.. Глэдис, похоже, не заметила этого предмета, машина промчалась мимо, но Норму Джин вдруг пронзил ужас – она оставила свою куклу дома, на постели! В этой панике и спешке, когда возбужденная мать разбудила ее и затолкала в машину, среди воя сирен, сполохов огня, запаха дыма, она забыла свою куклу-златовласку, и теперь она сгорит!.. Правда, в последнее время кукла была уже не та – золотые волосы потускнели, розовая резиновая кожа уже не была столь безупречна, кружевной чепчик давно потерялся, а халатик в цветочек и белые пинетки на дряблых ножках были безнадежно испачканы. Но Норма Джин все равно очень любила свою куклу, свою единственную куклу, так и оставшуюся безымянной, подаренную ей в день рождения, которую она называла не иначе как «Кукла». Но чаще, в приливе нежности, – просто «Ты». Так обращается человек к своему отражению в зеркале, ведь когда он видит себя, имена не нужны. И Норма Джин вскрикнула:

– Ой, м-мама, а что, если наш дом сгорит? Я там забыла куклу!

Глэдис презрительно фыркнула:

– Кукла! И очень хорошо, если сгорит! Для тебя же лучше. Какая-то нездоровая привязанность.

Глэдис надо было следить за дорогой. Тускло-зеленый «форд» 1929 года выпуска, прошедший уже через несколько рук, она купила за 75 долларов у какого-то приятеля своего знакомого. Тот «сочувствовал» Глэдис как разведенной матери-одиночке. Машина была не слишком надежная, тормоза у нее барахлили, за руль приходилось держаться крепко, обеими руками, причем в самой верхней его части, и еще сильно наклоняться вперед, к лобовому стеклу, чтобы заглянуть за капот и разглядеть дорогу, поскольку все стекло покрывала паутинка мелких трещин. Глэдис сохраняла спокойствие, была даже как-то чересчур спокойна, она успела выпить полстакана крепкого напитка, успокаивающего, вселяющего уверенность, – нет, *не джина, не виски и не водки*. Но поездка в гору по Сансет-стрип была сегодня ночью настоящим испытанием, ибо мимо пролетали пожарные машины с оглушительными сиренами и слепящими фарами, а на Колдуотер-Каньон-драйв, на этой узкой дороге, полно было других машин, едущих навстречу. Они тоже слепили ее фарами, и Глэдис чертыхалась и сетовала на то, что не надела темные очки. А Норма Джин, прикрывая глаза ладонью, поглядывала сквозь пальцы на бледные встревоженные лица за ветровыми стеклами других автомобилей. *Зачем мы едем наверх, в горы, зачем нам туда в эту ночь, когда бушует пожар?*

Но девочка не стала задавать этих вопросов, хотя, возможно, и вспомнила, как ныне покойная бабушка Делла предупреждала ее, Норму Джин, чтобы та следила за «перепадами в настроении» Глэдис. И заставила Норму Джин пообещать, что, если дело «примет опасный оборот», та должна немедленно позвонить ей.

– И если надо, я возьму такси и тут же примчусь, пусть даже это обойдется мне в пять долларов, – решительно добавила она.

Вообще-то, бабушка Делла оставила Норме Джин вовсе не свой телефон, а номер старшего по дому, поскольку у самой Деллы телефона не было. И Норма Джин заучила этот номер наизусть, когда год назад переехала жить к Глэдис, когда свершился тот триумфальный переезд в новую резиденцию Глэдис на Хайленд-авеню, совсем рядом с Голливуд-боул¹¹. Этот номер Норма Джин помнила потом всю жизнь – VB 3-2993, хотя ни разу так и не осмелилась его набрать. К тому же в ту ночь, в октябре 1934-го, бабушки уже не было на свете. Она умерла несколько месяцев назад, а дедушка Монро, так тот умер еще раньше, и некого было ей звать, даже если она отважилась бы позвонить по этому номеру.

На свете вообще не существовало номера, по которому Норма Джин могла бы кому-то позвонить.

Отец! Если бы я знала его номер, позвонила бы ему, где бы он ни был. И сказала бы: ты нужен маме, пожалуйста, приезжай! Помоги нам! И я верила, верила, что он тут же приехал бы.

Впереди, у въезда на Малхолланд-драйв, перекрыл дорогу полицейский кордон. Глэдис выругалась:

– Черт побери! – и резко ударила по тормозам.

Она хотела уехать повыше в горы, чтобы оказаться над городом, и плевать на риск. Плевать на сирены, на хаотичные вспышки огня, на завывающие горячие ветры Санта-Ана, трепавшие машину даже за скалистыми стенами Колдуотер-Каньон-драйв.

Здесь, на этих уединенных престижных холмах – Беверли-Хиллз, Бель-Эйр и Лос-Фелис, – находились частные резиденции кинозвезд; Глэдис часто возила Норму Джин на воскресные экскурсии мимо их ворот, когда, конечно, хватало денег на бензин. То были счастливые мгновения для матери и дочери – *другие ходят в церковь, а мы вместе ездим на прогулки*, – но сейчас была ночь, и воздух загустел от дыма, и никаких домов не было видно, и, возможно, частные резиденции звезд сейчас были объаты пламенем, и поэтому дорога была перекрыта. Вот почему через несколько минут после того, как Глэдис свернула к северу, на Лорел-Каньон-драйв, где у обочины были припаркованы машины «скорой», ее остановили полицейские в форме.

Они грубо спросили, куда это она, черт побери, направляется, и Глэдис объяснила, что живет здесь, на Лорел-Каньон, что здесь у нее жилье, что она имеет полное право ехать к себе домой, и тогда один из полицейских спросил, где именно она живет, а Глэдис ответила:

– Не ваше дело! – И тогда полицейские подошли поближе к машине и стали светить ей в лицо фонариком; они были настроены подозрительно и скептически и спросили, кто это с ней в машине, и Глэдис со смехом ответила: – Ну уж не Ширли Темпл, это точно!

И тогда подошел другой полицейский, помощник шерифа округа Лос-Анджелес. Подошел, чтобы заговорить, но сначала долго смотрел на Глэдис, которая даже под жирным слоем кольдкрема выглядела женщиной красивой и уверенной в себе, похожей на классический образ загадочной Гарбо, если, конечно, не присматриваться. Глаза с расширенными зрачками казались просто огромными, длинный тонкий нос был сердито вздернут, а припухшие губы намазаны алой помадой. Ибо перед тем как выбежать в ночь, из всех ночей ночь, она нашла время накрасить губы, потому что как знать, а вдруг кто станет тебя рассматривать и оценивать?

Помощник шерифа понял, что здесь что-то не так, что перед ним растерянная молодая женщина, полуодетая, в сползающем с плеча зеленом шелковом кимоно и кружевной черной сорочке, сквозь которую видны маленькие обвисшие груди. И рядом с ней – испуганная девочка со встрепанными кудрявыми волосами, в пижамке и босиком, круглое личико с тон-

¹¹ Голливуд-боул – летний театр, представляющий собой природный амфитеатр на склонах Голливудских холмов.

кими чертами, покрасневшие щеки перемазаны копотью, а по копоту – дорожки от слез. И женщина, и девочка кашляли, а женщина еще что-то бормотала себе под нос – она была возмущена, сердита, она кокетничала, она твердила о том, что ее пригласили в частный дом в самом конце Лорел-Каньон.

– У него несгораемый особняк. Мы с дочерью будем там в безопасности. Нет, я не могу назвать вам имени этого человека, сэр, но его имя все знают. Он работает в киноиндустрии. А эта девочка – его дочь. Это песочный город, ему не устоять, а потому *нам надо ехать дальше*. – И в хриплом голосе Глэдис слышались воинственные нотки.

На что помощник шерифа сказал, что ему очень жаль, но она должна повернуть обратно; сегодня никому не разрешается ехать туда, в горы, там опасно, оттуда уже эвакуируют людей целыми семьями, что и ей, и ее дочери будет куда безопаснее в городе.

– Езжайте домой, мэ, и успокойтесь, и уложите дочурку спать. Уже поздно.

Глэдис так и вспыхнула:

– Что за менторский тон, сэр? Не указывайте мне, что *делать*!

Тогда помощник шерифа попросил Глэдис показать водительские права и талон на регистрацию автомобиля, на что Глэдис ответила, что этих документов при ней сейчас нет, – повсюду пожары, ЧП, они собирались второпях, неужели не ясно? Однако она все же протянула ему студийный пропуск. Он бросил на него беглый взгляд и тут же вернул и заметил, что Хайленд-авеню находится в безопасном районе города, по крайней мере на данный момент, так что ей повезло и что она должна немедленно вернуться домой.

Глэдис нехорошо улыбнулась и сказала в ответ:

– Вообще-то, сэр, мне хотелось посмотреть на ад с близкого расстояния. В качестве предварительного ознакомления. – Говорила она теперь хриловато-сексуальным голосом Джин Харлоу; превращение было внезапным и привело собеседника в замешательство.

Офицер нахмурился, когда Глэдис вдруг одарила его соблазнительной улыбкой, а потом стащила шарф с головы и волосы ее рассыпались по плечам. Некогда очень трепетно относившаяся к своей прическе, Глэдис уже несколько месяцев не была у парикмахера. Над левым виском у нее появилась снежно-белая прядь, напоминавшая острую молнию из мультфильма. Помощник шерифа смущенно сказал Глэдис, что она должна повернуть обратно, что, если надо, ее могут даже сопроводить домой, а в противном случае просто арестуют, ибо это приказ. Глэдис расхохоталась.

– Арестуют! Только за то, что я еду в своей машине! – И добавила уже более рассудительным тоном: – Простите, сэр. И, пожалуйста, прошу, не надо меня арестовывать. – А потом шепотом, так чтобы не слышала Норма Джин: – Лучше бы вы меня пристрелили.

Помощник шерифа, похоже, начал терять терпение:

– Езжайте домой, леди! Вы пьяны или под кайфом, но сейчас ни у кого нет времени с вами разбираться. Такие разговоры вас до добра не доведут.

Глэдис мертвой хваткой вцепилась ему в рукав, и сразу стало видно, что перед ней просто мужчина в форме, мужчина средних лет, с мешками под грустными глазами и усталым лицом, с блестящей бляхой на толстом кожаном ремне на талии и револьвером в кобуре. Ему жаль было эту женщину и ее дочку, перемазанную кольдкремом женщину с расширенными зрачками и запахом спиртного изо рта, да и в целом зловонным, нездоровым дыханием. Но ему хотелось от них отделаться, ибо другие помощники шерифа ждали его и до утра им предстоит быть на ногах. Он вежливо высвободил руку из цепких пальцев Глэдис, а та игриво заметила:

– Даже если вы пристрелите меня, сэр, когда я, к примеру, попробую прорвать это ограждение, вы не станете стрелять в мою дочь. Она и так останется сиротой. Она и *без того* уже сирота. Но мне не хотелось бы, чтобы она это знала. Даже если б я ее любила. То есть если бы не любила. Потому как всем известно – человек не виноват, что *рождается на свет*.

– Вы правы, мэ. Теперь же поезжайте домой, о'кей?

Помощники шерифа округа Лос-Анджелес смотрели, как Глэдис неуклюже разворачивала грязно-зеленый «форд» на узкой горной дороге, сочувственно и смущенно покачивали головой, и вся эта сцена почему-то похожа была на стриптиз. Глэдис вся так и кипела от злости под взглядами этих незнакомцев:

– А в головах только грязные мужские мыслишки, только об одном и думают!

Все же Глэдис удалось наконец развернуться, и они двинулись к югу, по Лорел-Каньон, обратно к Сансету, в город. Лицо Глэдис блестело от жирного кольдкрема, губы, намазанные алой помадой, дрожали от возмущения. Рядом с ней молча, сгорая от недетского стыда и смущения, сидела Норма Джин. Она слышала, что говорила Глэдис помощнику шерифа, но лишь краем уха. Она думала, но не была до конца уверена в том, что Глэдис «играла роль» – как часто бывало, когда она входила в раж и становилась не похожа на саму себя. Но то был факт, неоспоримый факт, как сцена из кинофильма, и другие люди тоже видели, как ее мать, Глэдис Мортенсен, гордая, независимая, верная своей работе на Студии, твердо намеренная «сделать карьеру», ни от кого не принимающая подачек, только что вела себя как *чокнутая*, и все *пляли* на нее и *жалели* ее, да, так и было!

Норма Джин терла глаза, их щипало от дыма, и они не переставая слезились, но она не плакала, нет. Ее мучил недетский стыд, но она не плакала, она пыталась сообразить: неужели отец действительно пригласил их к себе домой? Неужели все эти годы он жил всего в нескольких милях от них, в самом конце Лорел-Каньон-драйв? Но почему тогда Глэдис хотела свернуть на Малхолланд-драйв? Неужели хотела обмануть этих помощников шерифа, сбить их со следа? (То была частая присказка Глэдис – «собьем их со следа».) Когда по воскресеньям Глэдис возила Норму Джин на прогулки и они проезжали мимо особняков звезд и других «занятых в киноиндустрии» людей, она иногда намекала: не исключено, что *твой отец* живет здесь, неподалеку, возможно, *твой отец* совсем недавно побывал здесь на вечеринке; но этим Глэдис и ограничивалась, ничего больше не объясняла, и высказывания эти не следовало принимать всерьез.

Как, к примеру, не следовало принимать всерьез или понимать буквально некоторые пророчества и предупреждения бабушки Деллы. То были лишь намеки, как бы игривое подмигивание, и тебе полагалось испытывать при этом легкий всплеск волнения, не более того. И Норме Джин оставалось лишь гадать, правда это или нет и есть ли в том хотя бы доля той самой «правды». Ибо жизнь вовсе не походила на гигантский пазл, где каждый из фрагментов идеально подходит к другому, и дело даже не в том, что составленный из фрагментов пейзаж прекрасен, словно волшебная страна. Дело в том, что собранный пазл *существовал*. Можно было видеть его, любоваться им, даже снова разобрать на кусочки, но он *существовал*. В жизни же, как успела убедиться Норма Джин, когда ей еще не исполнилось и восьми, не существовало ровным счетом *ничего*.

И все же Норма Джин помнила, как отец склонялся над ее колыбелькой – белой, плетеной, с розовыми ленточками. Как-то Глэдис показала ей в витрине такую колыбельку: «Видишь? У тебя была в точности такая же, когда ты была совсем маленькой. Помнишь?» Норма Джин молча мотала головой – нет, она не помнила. Но позднее к ней все чаще стало приходить это видение – наяву, когда она сидела на уроке в школе, рискуя получить очередное замечание (в той новой школе, в Голливуде, ее никто не любил). Ей казалось, что она все же помнит колыбельку, а еще лучше – отца, с улыбкой склонившегося над ней, а рядом – прильнувшую к его руке Глэдис. Лицо у отца крупное, волевое, красивое, чуть ироничное, как у Кларка Гейбла, а густые черные волосы над лбом растут «вдовьим мысом», тоже как у Кларка Гейбла. У отца были тонкие изящные усики и глубокий бархатный баритон, и отец обещал ей: *Я люблю тебя, Норма Джин, и однажды вернусь за тобой в Лос-Анджелес*. А потом легонько целовал в лоб. И Глэдис, любящая мать, смотрела на нее и улыбалась.

Как живо все это в памяти!

Куда «реальнее», чем все вокруг.

– А он все время был з-здесь? – выпалила Норма Джин. – Отец? Все это время? Почему тогда не приходил к нам? Почему мы сейчас не с ним?

Глэдис, похоже, не слышала. Ее кипучая энергия таяла на глазах. Она вся вспотела под тонким шелковым кимоно, и от нее сильно пахло. И еще что-то случилось с фарами автомобиля: то ли накал в лампах ослабел, то ли стекла запачкались грязью. И ветровое стекло тоже было покрыто тонким слоем серого пепла. Горячие ветры трепали машину, вокруг вздымались змеевидные спирали пыли. Над северной частью города нависли зловещие, подсвеченные пламенем облака. Повсюду стоял резкий запах пожара: паленых волос, жженого сахара, горячей помойки, гнилых овощей, мусора. Норма Джин чувствовала, что вот-вот закричит. *Это было невыносимо!*

Именно тогда Норма Джин повторила вопрос, на сей раз уже громче, взволнованным и дрожащим детским голоском. Ей следовало понять, что этого ее обезумевшая мать *уже не выдержит*. Где отец? Неужели все время он жил совсем рядом с ними? Но почему...

– Ты! *Заткнись!* – Быстрее гремучей змеи Глэдис оторвала руку от руля и тыльной стороной ладони вlepила раскрасневшейся Норме Джин пощечину.

Норма Джин взвизгнула, отпрянула, съежилась у дверцы, подтянула колени к подбородку.

В конце Лорел-Каньон-драйв был объезд, и, проехав по нему несколько кварталов, Глэдис наткнулась на второй объезд, а когда наконец, возмущенная, едва не плача, выехала на более широкую улицу, не узнала ее, не поняла, то ли это бульвар Сансет, то ли нет. И если да, если это бульвар Сансет, то какое именно место и как прикажете сворачивать с него на Хайленд-авеню? Было уже два часа ночи. Жуткой ночи, ночи отчаяния. И еще этот ребенок рядом, в слезах и соплях. И ей уже тридцать четыре. И уже ни один мужчина не посмотрит на нее с вожделением. Всю свою молодость она отдала Студии, и вот она, жестокая награда! Она проезжает один перекресток за другим, по лицу струится пот, она вертит головой направо и налево: «О господи! Как же проехать к дому?»

2

Жили-были... На песчаном берегу огромного Тихого океана.

Там была деревня, таинственное местечко. Где солнечный свет отливал золотом на воде. Где небо по ночам было чернильно-черным и подмигивало звездами. Где ветер был теплым и нежным, ласковым.

Где маленькая девочка вошла в Сад за Стеной. Стена была из камня, высотой в двадцать футов и вся увита изумительными пылающе-красными бугенвиллеями. Из Сада за Стеной доносились пение птиц, и музыка, и плеск фонтана! И голоса каких-то незнакомых людей, и смех.

Через эту стену ни за что не перелезть, сил не хватит; девочки не отличаются ни силой, ни ростом; тело у тебя хрупкое и ломкое, как у куклы; твоё тело *и есть* тело куклы; твоё тело предназначено для других – чтобы любовались им и ласкали его; твоё тело для того, чтобы им пользовались другие, не ты; твоё тело – соблазнительный плод, чтобы другие вонзали в него зубы и наслаждались его вкусом; твоё тело – для других, не для *тебя*.

Маленькая девочка заплакала. Сердце маленькой девочки было разбито.

Затем появилась ее крестная фея и сказала: есть тайный путь в Сад за Стеной!

Потайная дверца в стене, но ты должна быть умницей и ждать, пока ее не откроют. Должна ждать терпеливо, ждать тихо. Нельзя ломиться в эту дверцу, как какой-нибудь мальчишка-сорванец. Нельзя кричать и плакать. Ты должна перехитрить привратника – старого безобразного гнома с зеленой кожей. Ты должна сделать так, чтобы он заметил тебя. Должна

сделать так, чтобы он тобой восхищался. Чтобы возжелал тебя. И тогда он полюбит тебя и исполнит твоё желание. Улыбайся! Улыбайся и будь счастлива! Улыбайся и снимай одежду! Ибо твой Волшебный Друг в Зеркале поможет тебе. Ибо твой Волшебный Друг в Зеркале – существо особенное. Старый безобразный гном с зеленой кожей влюбится в тебя, и тогда потайная дверца в Сад распахнется для тебя – и только для *тебя*, и ты войдешь в нее, смеясь от счастья. А в Саду за Стеной цветут роскошные розы и порхают колибри с танаграми, и еще там музыка и плещет фонтан, и ты широко раскроешь глаза при виде всех этих чудес. А старый безобразный гном с зеленой кожей окажется заколдованным Принцем, и злые чары развеются, и он упадет пред тобой на колени, и попросит твоей руки, и женится на тебе, и вы будете жить с ним счастливо и вечно в этом его садовом царстве; *и ты никогда больше не будешь одинокой и несчастной маленькой девочкой.*

Пока будешь со своим Принцем в этом Саду за Стеной.

3

– Норма Джи-и-ин! Домой, *быстро!*

Так прошлым летом часто звала Норму Джин бабушка Делла, чересчур часто, с крыльца своего дома. Прикладывала рупором руки ко рту и кричала что есть мочи. Похоже, старая женщина все больше и больше беспокоилась о маленькой внучке. Точно знала некую зловещую истину, которой не желали знать другие.

Но я спряталась. Я была плохой девочкой. Я не знала, что бабушка зовет меня в последний раз.

Тот день ничем не отличался от всех остальных. Почти не отличался. Норма Джин играла на пляже с двумя своими подружками; и тут точно гром среди ясного неба, точно крик хищной птицы донесся до нее этот голос:

– Норма Джин! НОРМА ДЖИ-И-ИН!

Две маленькие девочки взглянули на Норму Джин и захихикали, – может, им было ее жалко. Норма Джин, надув губки, продолжала рыться в песке. *Не пойду! Попробуй заставь.*

Все в районе знали Деллу Монро, женщину, похожую на персонажа из фильма «Буксирщица Энни». Она часто бывала в церкви четырехстороннего Евангелия – очевидцы клялись и божились, что, когда Делла начинала петь, бифокальные очки ее запотевали. А после этого она бесстыдно проталкивала вперед свою внучку Норму Джин – чтобы молодой светловолосый священник полюбовался кудряшками девочки (в точности как у Ширли Темпл!) и ее чинным воскресным платьем. Что он всякий раз и делал. Улыбался и говорил:

– Господь благословил тебя, Делла Монро! Ты, должно быть, очень благодарна Ему за такую внучку.

В ответ Делла смеялась и вздыхала. Она всегда с изрядной долей недоверия воспринимала самые, казалось бы, сердечные комплименты.

– Я-то благодарна. А уж как там ее мамаша – не знаю.

Бабушка Делла не верила в то, что ребенка можно избаловать. Зато верила, что полезно приучаться к работе с самого раннего возраста, – наверное, потому, что сама проработала всю свою жизнь. Теперь, когда муж ее умер, а пенсия была «мизерной» – «сухие крохи», – Делла продолжала работать. «Покой нам только снится!» Подрабатывала гладильщицей в прачечной на Оушен-авеню, портнихой в маленьком местном ателье, а когда не удавалось отвертеться, сидела с маленькими детьми у себя дома – короче говоря, *справлялась*. Она родилась на *Фронтуре* и вовсе не была похожа на тех глупых *кисейных* барышень, каких показывают в кино, и на свою психопатку-дочь.

О, Делла Монро просто терпеть не могла эту «возлюбленную Америки», Мэри Пикфорд! Она всегда поддерживала девятнадцатую поправку, дающую женщинам право голоса,

а с осени 1920 года голосовала на каждых выборах. Она была практична, остра на язык и вспыльчива. Она принципиально ненавидела кино, говорила, что все это фальшивка, ломаный грош, но при этом восхищалась Джеймсом Кэгни в фильме «Враг общества», который смотрела раза три, – этот низкорослый крепыш и задира лихо расправлялся со всеми врагами и мужественно встретил свою судьбу, когда та выкликнула его номер и бросила на крыльце, забинтованного, словно мумию. Еще она страшно восхищалась парнем-убийцей из фильма «Маленький Цезарь» с Эдвардом Джи Робинсоном в главной роли, произносившим бандитские речи своим по-девчачьи писклявым голоском. То были люди, готовые достойно встретить свою смерть, когда выкликали их номер.

А раз уж его выкликнули, назад дороги нет. И бабушку Деллу нисколько не смущал этот факт.

Иногда, после того, как Норма Джин все утро помогала бабушке убирать квартиру, мыть и вытирать посуду, Делла брала ее с собой на важное мероприятие – кормить птиц. Норма Джин бывала просто счастлива! Они с бабушкой выбирали какой-нибудь укромный уголок и бросали крошки хлеба на песок, а потом стояли неподалеку и смотрели, как слетаются на это угощение птицы. Голодные, но осторожные, они шумно хлопали крыльями и быстро-быстро подбирали крошки своими маленькими острыми клювами. Голуби, африканские горлицы, иволги, шумливые голубые сойки. Целые стайки черноголовых аремонов. А в кустах гнездились и порхали среди цветов кампсиса колибри, совсем маленькие птички, величиной не больше шмеля. Делла говорила, что эта крохотная птичка умеет летать не только вперед, но и назад, и в стороны, в отличие от всех других птиц. «Хитрая маленькая чертовка», почти ручная, но не ест ни хлебных крошек, ни семян. Норму Джин очаровали эти птички с радужным малиново-зеленым оперением, отливающим металлическим блеском под солнцем, которые так быстро махали крылышками, что те сливались в туманное пятно. И еще они, зависнув в воздухе, опускали длинные и тонкие, как иголки, клювы в трубкообразные цветки и высасывали из них нектар. И улетали так быстро!

– Ой, бабушка, а куда они летят?

Бабушка Делла пожала плечами. Настроение развлекать внучку у нее уже прошло.

– Как знать, куда они летают, эти птицы.

Позднее, уже после похорон, люди говорили, что Делла Монро сильно состарилась, потеряв мужа. Хотя когда он был жив, Делла жаловалась на него любому, кто был готов ее слушать: на его пьянство, «слабые легкие», «дурные привычки». Хотя и сама она была грузной женщиной, лицо ее часто краснело – от высокого давления, и о своем здоровье она никогда не заботилась.

Подобно наполненному ветром парусу, носилась она по округе в поисках внучки. Только разрешала Норме Джин выйти поиграть на улицу и тут же звала ее обратно. Часто говорила, что спасает девочку от матери – «той, что собственной матери разбила сердце».

Тем августовским днем жара стояла страшная, солнце палило, и почти все сидели по квартирам, если не считать нескольких детишек, что играли за домом. И у бабушки Деллы вдруг появилось предчувствие – должно что-то случиться, что-то очень плохое. И она рискнула выбежать на жару и стала звать:

– Норма Джин! Норма Джи-и-ин!

Словно рубила слоги мясницким тесаком – раз-два-три и раз-два-три, сначала с улицы перед входом в дом, потом из переулочка за домом, потом побежала туда, где они кормили птиц, а Норма Джин с подружками с хихиканьем убегали и прятались, *и я не откликалась, ей меня не заставить!* Хотя Норма Джин обожала бабушку, единственного на всем свете человека, который по-настоящему любил ее и желал не обидеть ее, но лишь защитить. Разве что соседские

мальчишки обзывали Деллу Монро «толстой старой слонихой», и Норма Джин, услышав эти слова, страшно стеснялась.

И вот Норма Джин спряталась от бабушки. Прошло какое-то время, и она уже больше не слышала ее криков, и тогда Норма Джин решила, что лучше все же пойти домой. И она помчалась с пляжа, вся растрепанная, и кровь стучала у нее в ушах, и какая-то женщина едва ли не старше Деллы успела выбрать ее по дороге: *Эх ты, мисс! Тебя, между прочим, бабушка звала!* Норма Джин вбежала в подъезд, взлетела вверх по ступенькам на третий этаж, как делала много раз, и вдруг поняла, что на этот раз все будет по-другому. Потому что уж очень тихо было в доме, а в фильмах тишина всегда предшествует сюрпризу, от которого можно и закричать, именно потому, что ты к нему не готова. О, глянь-ка – дверь в бабушкину квартиру распахнута настежь. Стало быть, что-то не так. Норма Джин поняла: что-то случилось. И уже знала, что увидит внутри.

Бабушка упала прежде, чем я вернулась. Потеряла равновесие, голова у нее вдруг закружилась. Я найду ее на полу, на кухне. Она будет лежать и тихонько стонать, и так тяжело дышать, и не поймет, что случилось. И я помогу ей подняться и сесть в кресло, а потом принесу ей таблетки и еще завернутый в тряпку лед и стану прикладывать его к лицу бабушки. А лицо у нее будет такое горячее и испуганное, но чуть погодя она вдруг засмеется, и я пойму, что все в порядке.

Но только на сей раз дело было плохо. Бабушка лежала на полу в ванной, огромное потное тело, зажатое между ванной и туалетным бачком, столь тщательно надраенными сегодня утром, и запах чистящего средства был немим укором человеческой слабости. Она лежала на боку, словно выброшенная на песок рыба, с красным и распухшим лицом, глаза приоткрыты, взгляд расфокусирован, дыхание с присвистом.

– Бабушка! *Бабушка!*

То была сцена из кино и в то же время – реальность.

Бабушка Делла шарила рукой в поисках руки Нормы Джин, словно хотела, чтобы та помогла ей подняться. Потом вдруг издала сдавленный гортанный звук, поначалу неразборчивый. Нет, она не сердилась, не бранилась, и Норма Джин поняла: дело плохо! Опустилась на колени рядом с бабушкой, вдыхая тошнотворный запах обреченной плоти, запах пота и кишечных газов, и тут же безошибочно распознала в нем запах смерти и закричала:

– Бабушка, не умирай!

А умирающая женщина конвульсивно сжала ладошку Нормы Джин, так сильно, что едва не сломала ей пальцы, и с трудом выдавила, гулко, словно не говорила, а забивала гвозди:

– *Благослови тебя Бог, дитя, я люблю тебя.*

4

Это я виновата! Я виновата, что бабушка умерла.

Не болтай глупостей. Никто не виноват.

Она меня звала, а я все не приходила! Я плохо себя вела.

Ничего подобного. Это Бог виноват. Давай спи.

Мама, а она нас слышит? Скажи, бабушка сейчас нас слышит?

О боже! Надеюсь, что нет.

Это я виновата в том, что случилось с бабушкой. О мамочка...

Перестань называть меня мамочкой, дура проклятая! Просто выкликнули ее номер, вот и все.

И она острым локотком оттолкнула от себя девочку. Давать ей пощечину не хотелось, очень уж чесались трещины на покрасневших руках.

(Руки Глэдис! Она постоянно пребывала в страхе, что от всех этих химикатов в кости просочился рак.)

И не смей ко мне прикасаться, черт бы тебя побрал! Ведь знаешь, я этого не переношу.

То были трудные времена для всех рожденных под знаком Близнецов, трагической парочки.

Когда Глэдис Мортенсен позвонили в монтажную, ее пришлось чуть ли не волоком тащить к телефону – так она испугалась. Ее начальник мистер Икс – некогда он был влюблен в нее, да и умолял выйти за него замуж, даже был готов бросить ради нее семью, тогда, в 29-м, она работала у него помощницей, а потом заболела, и ее перевели на более низкую должность, *но разве она в том виновата?* – молча протянул ей трубку. Обрезиненный шнур скрутился, как змея. Эта штука была живая, однако Глэдис упрямо отказывалась это признать. Глаза у нее слезились от ядовитых химикатов, с которыми она работала (на эту должность должны были поставить другого человека, менее ценного сотрудника, но Глэдис никогда не жаловалась мистеру Икс, не желала доставлять ему такую радость), в ушах слегка шумело, будто голоса из фильмов бормотали: *Сейчас! сейчас! сейчас! сейчас!* – но она и на них не обращала внимания. Она уже научилась, с двадцати шести лет, после рождения ее последней дочери, не слышать, фильтровать хор назойливых голосов в голове. Ведь она понимала, что на самом деле нет никаких голосов; но порой, когда она уставала, сквозь эту защиту пробивался какой-нибудь особенно звучный, как у радиодиктора, голос. Если бы ее спросили, она тут же ответила бы, что это «срочный звонок» насчет ее дочери Нормы Джин. (Две другие дочери, жившие с отцом в Кентукки, исчезли из ее жизни. Отец просто взял и забрал их. Сказал, что она «больная», что ж, может, так оно и было.) *Кое-что случилось. С вашим ребенком. Примите соболезнования. Это был несчастный случай.*

Но звонок был насчет матери Глэдис! Деллы! Деллы Монро! *Кое-что случилось. С вашей матерью. Примите соболезнования. Не могли бы вы поскорее приехать?*

Глэдис выпустила трубку из рук, и та повисла на перекрученном, похожем на змею шнуре. И мистер Икс вынужден был подхватить ее, ибо Глэдис едва не лишилась чувств.

О господи, она забыла о Делле. О собственной матери, Делле Монро. Выкинула ее из головы, вот с ней и случилась беда. Делла Монро родилась под знаком Тельца. (Отец Глэдис умер прошлой зимой. Тогда у Глэдис как раз случилась одна из ее страшных мигреней, и она не смогла приехать на похороны, даже до Венис-Бич была не в состоянии доехать, чтобы повидаться с матерью. Каким-то образом она смогла забыть Монро, забыть своего отца, рассудив, что Делла оплатит его за двоих. И если Делла будет на нее злиться, это лишь поможет ей забыть, что отныне она вдова. «Мой бедный отец погиб во Франции. Был отравлен газами в Мойзе-Аргоне, – так уже много лет говорила Глэдис своим друзьям. – Я толком его и не знала».)

И все последние годы у Глэдис как-то не получалось любить Деллу. Ведь любовь – штука страшно утомительная, требующая много сил. И еще она почему-то считала, что Делла ее переживет. Переживет и дочку-сиротку Норму Джин, оставленную ей на попечение. Глэдис не любила Деллу Монро, может, просто потому, что боялась ее старушьего порицания. *Око за око, зуб за зуб. Ни одной матери на свете, бросившей свое дитя, не сойдет это с рук.* А если она и любила Деллу, то любовь эта была какая-то куцая. Такая любовь не могла защитить Деллу от несчастий.

А что есть любовь, как не защита от несчастий?

И если несчастье случилось, значит то была *куцая любовь*.

Во всяком случае, девочка по имени Норма Джин, которую трудно было не винить в происшедшем и которая обнаружила бабушку умирающей на полу, осталась цела и невредима.

Бабушку словно «молнией ударило», так говорила Норма Джин.

Но молния пощадила Норму Джин, не попала в нее, и уже за это Глэдис решила быть благодарна.

Может, то был знак. Ведь и Глэдис, и Норма Джин родились под знаком Близнецов, в июне. А Делла, с которой было чрезвычайно трудно ладить, родилась под знаком Тельца, а этот знак отстоит от Близнецов дальше всех. *Противоположности притягиваются, противоположности отталкиваются.*

Другие дочери Глэдис родились под совершенно другими знаками. Для Глэдис облегчением было знать, что там, в Кентукки, в тысяче миль от Калифорнии, они вышли из-под влияния своей больной матери и теперь полностью и безраздельно принадлежат отцу. Жизнь их пощадила!

Разумеется, Глэдис взяла Норму Джин к себе. Она вовсе не собиралась отдавать свою кровиночку в сиротский приют округа Лос-Анджелес, хоть Делла и намекала мрачно, что именно такой была бы судьба девочки, если б не *она*, бабушка Делла. Глэдис почти хотелось уверовать в Господа и Небеса, чтобы Делла глядела с Небес на нее и Норму Джин в маленьком бунгало на Хайленд-авеню и сердилась бы, видя, что ее предсказание не сбылось. *Вот видишь? Я вовсе не такая уж плохая мать. Просто я была слаба. Больна. Мужчины плохо со мной поступали. Но теперь я в порядке. Теперь я сильная!*

И однако же, первая неделя с Нормой Джин была сущим кошмаром. Такая тесная квартира, и все бунгало пропахло плесенью! И спать приходилось на одной продавленной кровати. Спать было вообще невозможно. Видя, что дочь ее побаивается, отскакивает от нее, вся сжимается, как побитая собака, Глэдис приходила в ярость. *Я же не виновата, что твоя драгоценная бабушка умерла! Я же ее не убивала!* Глэдис не выносила детского плача и сопливого дочкиного носа и видеть не могла, как Норма Джин, словно беспризорница из фильма, не выпускает из рук свою куклу, теперь уже грязную и потрепанную.

— Что, она до сих пор у тебя, эта штуковина? Я запрещаю тебе говорить с ней! Это первый шаг к... — Тут Глэдис, вся дрожа, умолкала, она не осмеливалась озвучить свой страх.

(Почему, думала Глэдис, почему я так ненавижу эту куклу? Ведь это же мой собственный подарок Норме Джин на день рождения. Неужели я ревную к этой кукле, к тому, что дочь уделяет ей столько внимания? А может, все дело в том, что эта белокурая кукла с пустыми голубыми глазами и застывшей улыбкой *и была* Нормой Джин?) Глэдис подарила куклу дочери почти что в шутку, она досталась ей от одного приятеля. Тот сказал, что подобрал ее где-то, просто нашел, но Глэдис, неплохо знакомая с этим укурком, предполагала, что он стащил куклу из чужой машины или с крыльца и ушел прочь с чьей-то любимой куклой, разбив сердце какой-нибудь девочке, словно злодей из фильма «М убийца» в исполнении Питера Лорри! Но она не могла отобрать у Нормы Джин эту чертову куклу. По крайней мере, пока.

5

И они изо всех сил уживались, мать и дочь. До самой осени 1934 года, когда подули ветры Санта-Ана и в городе начался сущий ад.

Они жили вместе и снимали три комнатки в бунгало по адресу: 828, Хайленд-авеню, Голливуд, — «стол и кров», всего в пяти минутах ходьбы от Голливуд-боул, как часто говорила Глэдис. Хотя на самом деле они так никогда и не дошли до Голливуд-боул.

Матери было тридцать четыре года, дочери — восемь.

И тут крылся небольшой подвох. Искажение, как в аттракционе «Комната кривых зеркал», — с виду отражение *почти нормальное*, и ты веришь ему, а верить ему не следует. Дело в том, что Глэдис было уже тридцать четыре года, а жизнь ее так и не началась по-настоящему. Она родила троих детей, и их у нее забрали, в каком-то смысле стерли из ее жизни, и вот теперь рядом с ней была эта восьмилетняя девочка с печальными глазами, юной и одновре-

менно старой душой. Она, словно живой упрек, постоянно маячила перед глазами, и это было совершенно невыносимо, но приходилось выносить. Потому что *больше у нас с тобой никого нет*, – часто говорила дочери Глэдис, – *и если у меня хватит сил, будем держаться вместе*.

Пожаров следовало ожидать. По преступлению и наказание, так всегда бывает.

Еще задолго до начала пожаров 1934-го в Лос-Анджелесе, в самом воздухе Южной Калифорнии, казалось, висела угроза. И без ветров, дувших из пустыни Мохаве, было ясно, что скоро хаос выйдет из-под контроля. Предчувствие это читалось на озадаченных, обветренных лицах уличных бродяг (так их тогда называли), виднелось в демоническом нагромождении вечерних облаков над Тихим океаном, скользило в завуалированных намеках, сдержанных улыбках и сдавленных смешках некоторых людей со Студии, которым ты некогда доверяла. Лучше уж не слушать новостей по радио. Лучше даже не заглядывать в новостные колонки газет, даже в «Лос-Анджелес таймс», которая часто лежала в бунгало (нарочно, что ли?.. чтобы окончательно вывести из равновесия чувствительных жильцов, вроде Глэдис?). Ибо кому хочется знать о тревожной статистике роста безработицы в Америке, о выселенных и ныне бездомных семьях, что мыкались по всей стране, о самоубийствах банкротов и о ветеранах Первой мировой войны, инвалидах, оставшихся без работы и без «надежды на будущее». Да и новости из Европы, из Германии, тоже не сулили ничего хорошего.

Потому что в следующей войне мы будем сражаться именно здесь. И на сей раз спасения не будет.

Глэдис закрыла глаза от боли. Боль обрушилась внезапно, как начало приступа мигрени. Эта фраза прозвучала не у нее в голове, а по радио, и произнес ее властный мужской голос.

По этим причинам Глэдис поселила Норму Джин у себя в бунгало на Хайленд-авеню. Однако она до сих пор целыми днями работала на Студии и пребывала в беспрестанном страхе, что ее отстранят от работы (сотрудников голливудских студий уже начали отправлять в неоплачиваемые отпуска или даже увольнять насовсем); и бывали дни, когда она едва находила в себе силы подняться с постели, – казалось, на душе ее лежала тяжесть всего мира. Она вознамерилась стать «хорошей матерью» ребенку, пусть даже жить им осталось недолго. Потому что если война не придет из Европы или с Тихого океана, она непременно обрушится на них с небес: Г. Уэллс предсказал и описал весь этот ужас в «Войне миров», романе, который по неким причинам Глэдис знала почти назубок, как и целые отрывки из его же «Машины времени». (Она смутно припоминала, что отец Нормы Джин подарил ей сборник Уэллса с этими и другими романами, а также несколько томиков со стихами, хотя на деле их подарил ей «для общего развития» один из сотрудников Студии. В середине двадцатых он дружил с отцом Нормы Джин, тоже сотрудником Студии, но дружба эта продлилась недолго.) Нашествие марсиан – почему бы, собственно, и нет? В периоды экзальтации Глэдис верила в знаки зодиака, в мощное влияние звезд и других планет на человечество. Она не исключала, что во Вселенной могут обитать другие разумные существа, созданные другим Богом, по другому образу и подобию, питающие злобные и хищнические чувства по отношению к землянам. Подобному вторжению самое место в Откровении Иоанна Богослова, в Апокалипсисе. Лишь эту книгу Библии Глэдис считала убедительной, особенно здесь, в Южной Калифорнии. Но только вместо разгневанных ангелов с огненными мечами на Землю явятся мерзкие грибовидные марсиане и будут стрелять невидимыми жаркими лучами, превращая в пепел и прах все вокруг, а мишенью их будут люди.

Неужели Глэдис действительно верила в марсиан? В возможность инопланетного вторжения?

– На дворе двадцатый век. Времена изменились, они уже не те, что при Яхве. А потому и катаклизмы будут новые.

И никто не знал, говорит ли все это Глэдис шутя или всерьез. Она делала подобные заявления сексуальным голосом Джин Харлоу, опустив руку на стройное бедро ладонью вверх.

Сверкающие глаза смотрели пристально, не мигая, а губы были припухшие, красные, влажные. И Норма Джин с беспокойством замечала, что другие взрослые, особенно мужчины, точно околдованы мамой и смотрят на нее заворуженно, как на женщину, что наполовину высунулась из окна на верхнем этаже или поднесла горящую свечу к волосам. И это – несмотря на седую прядь надо лбом (Глэдис категорически отказывалась ее закрашивать, просто из чувства «протеста»), на морщинистые мешки под глазами, на лихорадочно-беспокойные движения. Везде: в фойе бунгало, на дорожке у входа, на улице – везде, где только находились слушатели, Глэдис начинала *играть роль*. Любому, кто хоть раз бывал в кино, ясно было, что Глэдис *играет роль*. Потому как *исполнение роли*, даже не очень понятной, привлекало внимание окружающих, а оно, в свою очередь, помогало Глэдис успокоиться. И еще волновало, поскольку внимание это всегда имело эротический оттенок.

Эротический: то есть ты «желанна».

Ибо безумие соблазнительно, оно сексуально, женское безумие.

Пока женщина не слишком стара и все еще привлекательна.

Норма Джин была ребенком застенчивым, ребенком-невидимкой, и ей нравилось видеть, как взрослые, особенно мужчины, с таким интересом взирают на женщину, которая доводилась ей матерью. И если бы нервный смех Глэдис и ее непрерывная жестикуляция не отбивали первый интерес, она, возможно, нашла бы другого мужчину, который полюбил бы ее. Мужчину, который бы на ней женился. И мы были бы спасены! Однако Норме Джин не нравилось, что после очередной оживленной «сцены» Глэдис, вернувшись домой, проглатывала пригоршню таблеток и валилась на кровать с медной спинкой, где лежала без чувств, сотрясаемая мелкой дрожью. Нет, она не спала, даже глаз не закрывала, просто они были словно подернуты слезой. Проходило несколько часов. Если Норма Джин пыталась хотя бы расстегнуть ей одежду, Глэдис начинала драться и сквернословить. А если Норма Джин пробовала стащить с нее одну из узких туфель-лодочек, мать могла ее лягнуть.

– Нет! Не трогай! А не то заразишься от меня проказой! Оставь меня в покое.

Может, если бы она постаралась получше с теми мужчинами... может, тогда что-нибудь да получилось?

6

Где бы ты ни была, я тоже буду там. Даже прежде, чем ты там окажешься, я уже буду там. Буду тебя ждать.

Я в твоих мыслях, Норма Джин. Всегда.

Чудесные воспоминания! Она чувствовала себя привилегированной особой.

Она была единственной ученицей в хайлендской начальной школе, у которой водились «карманные деньги» – в маленьком атласном кошелечке клубнично-красного цвета, чтобы покупать завтрак в ближайшей лавке на углу. Пирожки с фруктовой начинкой, апельсиновую газировку. Иногда – пакетик крекеров с арахисовым маслом. Ну и вкуснятина! Даже годы спустя при одном воспоминании обо всех этих яствах у нее текли слюнки. Иногда после уроков, даже зимой, когда на улице темнело рано, Норме Джин разрешалось одной пройти две с половиной мили до «Египетского театра» Граумана на Голливудском бульваре, где за каких-то десять центов можно было посмотреть два фильма подряд.

О Принцессе-Блондинке и Темном Принце! Эти двое всегда готовы были утешить ее, ее и Глэдис.

– Смотри никому не рассказывай об этих походах в кино.

Глэдис учила Норму Джин, что ни с кем нельзя откровенничать, никому нельзя верить, даже друзьям. Они могут неправильно все понять и станут резко высказываться о Глэдис. Но ей частенько приходилось работать допоздна. Были кое-какие нюансы в «проявке», о которых

знала только Глэдис Мортенсен; на нее полагалось ее начальство; без участия Глэдис такие кассовые картины, как «Счастливые дни» с Дикси Ли и «Кики» с Мэри Пикфорд, потерпели бы полный провал. И вообще, Глэдис считала, что в «Египетском театре» Граумана вполне безопасно.

– Просто садись сзади, у прохода. Смотри только перед собой, на экран. И пожалуйста билетеру, если кто будет к тебе приставать. И не разговаривай с незнакомыми людьми.

Уже в сумерках, возвращаясь домой и пребывая в восторженно-обалделом состоянии, мыслями вся еще в фильме, Норма Джин следовала и другим наставлениям матери – «иди быстро и уверенно, показывай, что твердо знаешь, куда идешь, держись поближе к фонарям и краю тротуара. В глаза никому не смотри и, если кто предложит подвезти, отказывайся, *всегда отказывайся*».

И со мной ни разу ничего не случилось. Это я точно помню.

Потому что она всегда была со мной. И он – тоже.

Темный Принц. Если он где и был, так только в кино. Чем ближе к «Египетскому театру», напоминавшему кафедральный собор, тем чаще стучало сердечко. И первый взгляд на него – еще снаружи. Лицо на афише, красивые глянцевые фотографии за стеклом, словно картины в музее. *Фред Астер, Гари Купер, Кэри Грант, Шарль Буайе, Пол Муни, Фредрик Марч, Лью Эйрс, Кларк Гейбл.*

А на экране он просто исполин, и так близко: руку протяни – и коснешься, ну почти! Говорит с другими людьми, обнимает и целует красивых женщин и все равно принадлежит только тебе. А эти женщины, они тоже совсем близко, их тоже почти что можно потрогать, они – твоё собственное отражение в волшебном зеркале, твои Волшебные Друзья, заключенные в чужих телах, и лица их по загадочной причине выглядят как твоё лицо. Или как лицо, которое однажды станет твоим. *Джинджер Роджерс, Джоан Кроуфорд, Кэтрин Хепберн, Джин Харлоу, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Констанс Беннетт, Джоан Блонделл, Клодетт Кольбер, Глория Свенсон.* И, словно сны, которые сняты один за другим и сливаются в один сон, их истории сливаются в одну. Веселые незамысловатые мюзиклы, печальные драмы, бурлескные комедии, саги о приключениях, войне, древних временах – видения, в которых появлялись, исчезали и снова появлялись все те же выразительные лица. В разном гриме и разных костюмах, с разными судьбами. И там был он! *Темный Принц.*

И его Принцесса.

Где бы ты ни была, я тоже буду там. Но в школе это не всегда получалось.

В бунгало на Хайленд-авеню обитали преимущественно люди взрослые. Исключение составляла лишь кудрявая малышка Норма Джин, и все соседи в ней души не чаяли. («Хотя, конечно, не слишком тут подходящая атмосфера для детей, иногда такие типы ошиваются», – сказала как-то Глэдис одна из соседок. «Как это понять, „типы“? – несколько раздраженно осведомилась Глэдис. – Все мы работаем на Студии». – «Именно это я и хотела сказать, – рассмеялась женщина, – все мы работаем на Студии».) Но в школе детей было полно.

Я так их боялась! Особенно волевых ребят. Чтоб одержать над ними верх, надо было действовать быстро. Второго шанса у тебя не было. Без братьев и сестер ты совершенно одинока. Ты здесь совсем чужая. Наверное, я страшно старалась им понравиться, так мне теперь кажется. А они придумали мне прозвища: Пучеглазая и Головастик. Я так и не поняла почему.

Глэдис говорила друзьям, что «ей покою не дает низкое качество бесплатного образования» у дочери в школе. Но за те одиннадцать месяцев, что Норма Джин проучилась в начальной школе Хайленда, мать побывала там лишь однажды. Да и то лишь потому, что ее вызвали.

Темный Принц не появился там ни разу.

Даже в мечтах наяву, даже с крепко зажмуренными глазами Норме Джин никак не удалось увидеть его. Он ждал ее в других мечтах, в кино; и то была ее тайная радость.

– А у меня есть на твой счет кое-какие планы, Норма Джин. И это касается *нас обеих*.

Маленькое белое пианино «Стейнвей» было так красиво, что Норма Джин не сводила с него замороженных глаз, робко гладила кончиками пальцев полированную поверхность. О, неужели это *для нее*?

– Будешь брать уроки музыки. Я всегда этого хотела.

Гостиная в трехкомнатной квартире Глэдис была совсем крохотная и уже заставленная мебелью, но место для пианино все же нашлось. Раньше инструмент принадлежал самому Фредрику Марчу, часто хвасталась знакомым Глэдис.

Знаменитый мистер Марч, сделавший себе имя в немых фильмах, работал на Студии по контракту. Однажды он «подружился» с Глэдис в студийной столовой; и он продал ей пианино «по довольно скромной цене», в качестве доброго жеста, зная, что денег у нее немного. По другой версии, которую любила излагать Глэдис, когда ее спрашивали, как это ей удалось приобрести столь необыкновенное пианино, мистер Марч просто подарил ей инструмент «в знак уважения». (Глэдис водила Норму Джин на фильм с Фредриком Марчем «Ничего святого», где играла также Кэрол Ломбард. Водила во все тот же «Египетский театр» Граумана. Мать и дочь смотрели эту картину трижды. «Твой отец ревновал бы, если б узнал», – таинственно говорила при этом Глэдис.) Поскольку на профессионального преподавателя для Нормы Джин пока что не хватало денег, Глэдис договорилась с соседом по бунгалу, чтобы Норма Джин время от времени брала у него уроки. То был англичанин по фамилии Пирс, дублер нескольких ведущих актеров, в том числе Шарля Буайе и Кларка Гейбла. Среднего роста мужчина, довольно красивый, с тонкими усиками. Однако никакого тепла от него не исходило – не было «шарма». Норма Джин старалась угодить ему, занимаясь с усердием; ей нравилось играть на «волшебном пианино», когда она была одна. Но, слыша ее игру, мистер Пирс лишь вздыхал и кривил лицо, и она сгорала от стыда. И быстро обрела скверную привычку произвольно повторять ноты.

– Дорогуша, не следует так *запинаться* на клавишах, – насмешливо и с легким акцентом чеканил мистер Пирс. – Достаточно того, что *запинаешься* при разговоре.

Глэдис, которая в свое время немножко «насобачилась» играть на пианино, пыталась научить Норму Джин тому, что знала, но эти уроки давались еще тяжелее, чем занятия у мистера Пирса. Глэдис сердито кричала:

– Неужели не слышно, что ты берешь не ту ноту? *Бемоль, диэз?* Тебе что, *слон на ухо наступил?* Или ты просто *глухая*?

И тем не менее уроки игры на пианино продолжались, хоть и нерегулярно. Кроме того, время от времени Норма Джин брала у одной из приятельниц Глэдис уроки пения. Та жила в этом же бунгалу и тоже работала на Студии, в музотделе. Мисс Флинн – так ее звали – сказала Глэдис:

– У тебя очень милая малышка, очень хорошая девочка. *Очень* старается. Куда больше, чем некоторые молодые певцы, что работают у нас по контракту. Но пока что, – тут Джесс Флинн начинала говорить совсем тихо, так чтобы не слышала Норма Джин, – у нее совсем нет голоса.

На что Глэдис отвечала:

– Ничего, будет!

Вот чем мы занимались, вместо того чтобы ходить в церковь. Вот каким богам поклонялись.

По воскресеньям, когда у Глэдис находились деньги на бензин (или она одалживала горючее у кого-нибудь из приятелей), они с Нормой Джин ездили смотреть особняки звезд.

В Беверли-Хиллз, Бель-Эйр, Лос-Фелис и на Голливудских холмах. Всю весну, лето и часть засушливой осени 1934-го Глэдис с гордостью поясняла своим mezzo-сопрано: вот дворец Мэри Пикфорд, вот дворец Дугласа Фэрбенкса, вот – Пола Негри, а вот – Тома Микса и Теды Бара.

– Бара подцепила мультимиллионера, бизнесмена, вышла за него замуж и ушла из кино. Очень умно поступила.

Норма Джин смотрела во все глаза. Ну и огромные же дома! Действительно, прямо дворцы или замки, что она видела на картинках в книжках со сказками. Мать и дочь разъезжали по этим великолепным улицам, и то были самые счастливые моменты их жизни. В такие мгновения Норма Джин не опасалась рассердить маму заиканием, ибо говорила только Глэдис.

– А вот дом Барбары ла Марр, «девушки, которая была слишком красива». (Это шутка, дорогая. Нельзя быть слишком красивой. Красоты, как и денег, много не бывает.) Дом У. К. Филдса. А вот это бывший дом Греты Гарбо – прелестный, правда, но мог бы быть и побольше. А вон там, видишь, вон за теми воротами, особняк в мексиканском стиле, там живет несравненная Глория Свенсон. А это дом Нормы Толмадж, «нашей» Нормы.

И Глэдис останавливала машину, чтобы вместе с дочкой вдоволь полюбоваться богатым каменным особняком, в котором жила в Лос-Фелис Норма Толмадж вместе со своим мужем-продюсером. Вход в него охраняли восемь великолепных гранитных львов – точь-в-точь как с эмблемы «Метро-Голдвин-Майер»! Норма Джин не могла на них насмотреться. И трава тут была такая зеленая и сочная! Если Лос-Анджелес и правда был песочным городом, этого никак нельзя было сказать про Беверли-Хиллз, Бель-Эйр, Лос-Фелис или же Голливудские холмы. Дождей не выпадало уже несколько недель, трава повсюду была выжжена солнцем, поникшая, мертвая, сухая, но в этих сказочных местах все лужайки были одинаково зелеными. А малиновые и пурпурные бугенвиллеи – вечно в цвету. И еще там росли деревья идеальной формы – таких Норма Джин не видела больше нигде – вечнозеленые кипарисы, так называла их Глэдис. И пальмы здесь были совсем другие, мощные, высокие, выше самых высоких крыш. Совсем не то что растущие повсюду растрепанные хилые пальмочки.

– А это бывший дом Бастера Китона. А вон там – Хелен Чандлер. А вон за теми воротами – Мэйбл Норманд. И Гарольда Ллойда. И Джона Барримора, и Джоан Кроуфорд. И Джин Харлоу – «нашей» Джин.

Норме Джин нравилось, что Джин Харлоу и Норма Толмадж живут в таких прекрасных, утопающих в зелени дворцах.

И всегда над этими домами солнце почему-то светило мягко, нежно и совсем не слепило глаз. И если появлялись облака, то были они здесь пушистые, белые, воздушные, а небо – безупречно голубое.

– Вон дом Кэри Гранта! А ведь Грант такой молодой! А вон там – Джона Гилберта. Лилиан Гиш – это только один из ее особняков. А вон тот, на углу, принадлежал покойной Джинн Иглс. Бедняжка...

Норма Джин тут же спросила, что случилось с Джинн Иглс.

Раньше Глэдис отвечала грустно и просто: *Она умерла*. Но теперь мать лишь презрительно фыркнула:

– Иглс! Конченная наркоманка. Говорят, перед смертью была тощая как скелет. Уже в тридцать пять была *старухой*.

Глэдис ехала дальше. Экскурсия продолжалась. Иногда Глэдис начинала прогулку с Беверли-Хиллз, и лишь к концу дня поворачивали они обратно, к Хайленд-авеню. Иногда она ехала напрямик к Лос-Фелис, а потом уже направлялась к Беверли-Хиллз, а порой начинала с менее населенных Голливудских холмов, где жили молодые звезды или актеры, которые вот-вот станут звездами. Иногда, как будто против собственной воли, она, словно сомнамбула, сворачивала на улицу, по которой они уже проезжали сегодня, и повторяла свои реплики:

– Видишь? Вон там, за воротами, дом в мексиканском стиле, там живет Глория Свенсон. А вон там – Мирна Лой. А там, впереди, – Конрад Найджел.

Экскурсия продолжалась, и напряжение росло, и Глэдис ехала все медленнее, всматриваясь в ветровое стекло вечно немывтого тускло-зеленого «форда». Или же стекло всегда было покрыто тонкой пленкой пыли? Казалось, у этих поездок есть некая неведомая цель, которая, как в фильме со сложным, запутанным сюжетом, вот-вот станет явной. Глэдис, как обычно, говорила с почтительным восторгом, но за ним слышалась холодная непримиримая ярость.

– А вон там, вон он, самый знаменитый из всех, – «СОКОЛИНОЕ ГНЕЗДО»! Дом покойного Рудольфа Валентино. *Полная бездарность, никудышный актеришка!* Он даже жизнь свою прожил бездарно. Но был фотогеничен. И умер вовремя. Запомни, Норма Джин, *умирать нужно вовремя.*

Мать и дочь сидели в тускло-зеленом «форде» 1929 года выпуска и разглядывали барочный особняк величайшей звезды немого кино, Рудольфа Валентино. И им не хотелось уезжать отсюда никогда.

8

И Глэдис, и Норма Джин оделись на похороны с величайшим тщанием и вкусом. Хотя кто бы заметил их в почти семитысячной толпе «скорбящих», собравшейся на бульваре Уилшир возле синагоги.

Синагога была «еврейской церковью», так объяснила Норме Джин Глэдис.

А евреи – это «те же христиане», только куда более древняя, мудрая, трагическая раса. Христиане были первопроходцами западных земель – в буквальном смысле; евреи же стали пионерами киноиндустрии и стояли у истоков кинореволюции.

Норма Джин спросила:

– А мы с тобой можем стать евреями, мама?

Глэдис хотела ответить отрицательно, потом передумала, рассмеялась и сказала:

– Это только в том случае, если б они того захотели. Если б сочли нас достойными. Если б мы могли родиться заново.

Глэдис, уже несколько дней твердившая, что знала мистера Тальберга – «ну, может, не близко, но всегда восхищалась его продюсерским талантом», – выглядела просто сногшибательно. На ней было черное платье из крепа в стиле двадцатых. Платье с заниженной талией, шуршащей многослойной юбкой до середины икры и с искусно исполненным черным кружевным воротником. Еще на ней была черная шляпка-колокол с черной вуалью, которая то вздымалась, то опускалась, то вздымалась, то опускалась в унисон с теплым и учащенным ее дыханием. И перчатки на ней были новенькие – черные атласные перчатки до локтя. А на ногах – дымчатые чулки и черные кожаные туфли на высоком каблуке. Лицо под бледно-восковым слоем макияжа походило на лицо манекена, веки, брови, губы подведены так, что бросаются в глаза, – в вышедшем из моды стиле Полы Негри. Духи она выбрала резкие, сладкие, и пахли они, как подгнившие апельсины в холодильнике Глэдис, где всегда не хватало льда. А в ушах при каждом повороте головы блистали серьги – то ли бриллиантовые, то ли из горного хрусталя, то ли из искусно ограненного стекла.

Никогда не жалея, что вошла в долги ради стоящей цели.

А смерть великого человека – как раз тот самый случай.

(Вообще-то, Глэдис купила лишь аксессуары. Черное траурное платье она без разрешения «позаимствовала» на Студии, в костюмерной.)

Норма Джин, оробевшая при виде всего этого столпотворения незнакомых людей, конных полицейских в форме, вереницы строгих черных лимузинов и волн стонов, криков, воплей и даже аплодисментов, была в платье из темно-синего бархата с кружевными воротничком и

манжетами. Наряд довершали белые кружевные перчатки, шотландский клетчатый берет, темные ластичные чулки и блестящие туфли из черной лакированной кожи. В школу ее сегодня не пустили. С самого утра ее только дергали и распекали.

Еще до рассвета вымыли волосы (Глэдис сделала это собственноручно, тщательно и сосредоточенно). Ночь у Глэдис выдалась тяжелая, от прописанных врачом таблеток ее тошнило, мысли «путались в голове, как серпантин», и поэтому кудрявые волосы Нормы Джин необходимо было выпрямить во что бы то ни стало – сперва безжалостной расческой с длинными острыми зубьями, а после того – щеткой, щеткой, щеткой, до тех пор, пока они не засияли. А потом с помощью Джесс Флинн, которая слышала, как несчастный ребенок рыдает уже с пяти утра, волосы Нормы Джин были аккуратно заплетены в косички и уложены вокруг головы. И, несмотря на заплаканные глаза и надутые губы, Норма Джин была теперь похожа на принцессу с картинки.

Он будет там. На похоронах. Возможно, даже будет нести гроб или распоряжаться, кто где сядет. Нет, он не заговорит с нами. Только не на людях. Но он нас увидит. Увидит тебя, свою дочь. Когда именно, предсказать невозможно. Но ты должна быть к этому готова.

Уже в квартале от синагоги люди толпились на обоих тротуарах. Хотя не было еще половины восьмого, а похороны были назначены на девять. Множество полицейских, конных и пешеходов; снующие вокруг фотоаппараты, жаждущие запечатлеть на снимках это историческое событие. На проезжей части и тротуарах были выставлены ограждения, а за ними кишела бесконечная масса мужчин и женщин. Все жадно, с невероятным и неестественным нетерпением, ожидали появления кинозвезд и других знаменитостей: те подъедут в лимузинах с шоферами, выйдут из машин и скроются в синагоге, а затем, часа через полтора, выйдут и уедут прочь. И все это время гудящая толпа, не допущенная на поминальную службу, огражденная от любых – тем более тесных – контактов со знаменитостями, будет разбухать прямо на глазах; и Глэдис с Нормой Джин, притиснутые к деревянному заградительному барьеру, будут стоять, цепляясь за него и друг за друга.

Наконец из широких дверей синагоги вынесли блестящий черный гроб, его несли на руках элегантно одетые мужчины со скорбными лицами. Их узнавали, в толпе зеваяк послышались возбужденные возгласы: *Рональд Колман! Адольф Менжу! Нельсон Эдди! Кларк Гейбл! Дуглас Фэрбенкс-младший! Эл Джолсон! Джон Барримор! Бэзил Рэтбоун!* А за ними, пошатываясь, шла убитая горем вдова Норма Ширер, тоже кинозвезда, в шикарном черном наряде с головы до пят, красивое лицо закрыто вуалью. А за ней, за миссис Ширер, выплеснулся из собора целый поток знаменитостей, точно золотая лава растеклась по тротуару. И у всех были мрачные скорбные лица, и их имена звучали одно за другим, словно в литании, и Глэдис повторяла их Норме Джин, присевшей у ограждения, возбужденной и испуганной, – только бы не затоптали. *Лесли Говард! Эрик фон Штрогейм! Грета Гарбо! Джоэл Маккри! Уоллес Бири! Клара Боу! Хелен Твелвтрис! Спенсер Трейси! Рауль Уоли! Эдвард Джи Робинсон! Чарли Чаплин! Лайонел Барримор! Джин Харлоу! Братья Маркс: Граучо, Харпо и Чико! Мэри Пикфорд! Джейн Уитерс! Ирвин С. Кобб! Ширли Темпл! Джеки Куган! Бела Лугоши! Микки Рунни! Фредди Бартоломью* – надо же, в том самом бархатном костюме из «Юного лорда Фаунтлероя»! *Басби Беркли! Бинг Кросби! Лон Чейни! Мэри Дресслер! Мэй Уэст!* Тут охотники за фотографиями и автографами прорвали ограждение, и конная полиция, чертыхаясь и размахивая дубинками, принялась теснить их обратно.

Началась свалка. Сердитые возгласы, вопли. Кажется, кто-то упал. Кого-то, кажется, огрели резиновой дубинкой, кого-то затоптала лошадь. Полицейские кричали в мегафоны. Нарастал рев автомобильных моторов. Но суматоха быстро улеглась. От страха Норма Джин даже плакать не могла, а клетчатый берет ее съехал набекрень. Она цеплялась за неподатливую руку Глэдис. *И мама не была против, она меня не оттолкнула.*

Постепенно напор толпы начал ослабевать. Словно колесница Смерти, уехал красивый черный катафалк, а за ним – вереница длинных лимузинов с шоферами. Остались лишь зеваки, обычные люди, представлявшие друг для друга не больше интереса, чем стайка воробьев. Люди начали расходиться, теперь их никто не сдерживал. Идти было некуда, но и оставаться здесь тоже не имело смысла. Историческое событие – похороны одного из пионеров Голливуда Ирвинга Тальберга – осталось в прошлом.

Там и здесь женщины терли глаза. Зеваки смотрели растерянно, словно понесли великую потерю, не понимая толком, в чем она заключалась.

Одной из них была мать Нормы Джин. Косметика на лице размазалась, вуаль стала влажной и липкой, в глазах у Глэдис стояли слезы, а взгляд ее был расфокусирован, точно две миниатюрные рыбки уплывали прочь друг от друга. Натянуто улыбаясь, Глэдис что-то шептала себе под нос. Она скользила взглядом по Норме Джин, но, казалось, не видела ее. Затем побрела куда-то, нетвердо ступая на высоченных каблуках. Норма Джин заметила двух мужчин, стоявших порознь, они не сводили с Глэдис глаз. Один из них вопросительно свистнул ей вслед. Все это напоминало на внезапное начало танца в мюзикле с Фредом Астером и Джинджер Роджерс – за тем исключением, что музыка так и не грянула, и Глэдис, похоже, не замечала того мужчину, и он тут же потерял к ней всякий интерес, развернулся, зевнул и зашагал в другую сторону. Второй, рассеянно почесывая мошонку, точно был на улице один и никто его не видел, двинулся в противоположном направлении.

Зацокали копыта! Вскинув изумленный взгляд, Норма Джин увидела человека в форме. Он сидел верхом на высокой, красивой, пучеглазой гнедой лошади и, шурясь, смотрел на нее сверху вниз.

– Девочка, где твоя мама? Ты же здесь не одна, нет?

Оробевшая Норма Джин лишь отрицательно помотала головой – нет, не одна. И бросилась вдогонку за Глэдис, и взяла Глэдис за руку в перчатке, и снова Глэдис не вырвала руку, не оттолкнула Норму Джин, ибо конный полицейский пристально смотрел на них. *Скоро это случится. Скоро, но не сейчас.* Глэдис была не в себе. Казалось, она не может вспомнить, где оставила машину. Но Норма Джин помнила, точно или хотя бы примерно, и в конце концов они нашли свой тускло-зеленый «форд» 1929 года выпуска на торговой улице, идущей перпендикулярно бульвару Уилшир. Норма Джин подумала: как это странно, ну прямо как в кино, что у тебя есть ключ от определенной машины; из сотен, тысяч машин у тебя есть ключ только от одной; ключ, который Глэдис называла ключом «зажигания». И когда ты поворачиваешь его, этот ключ «зажигания», заводится мотор. И теперь ты уже не потеряешься, не останешься в затруднительном положении за много миль от дома.

В машине было жарко, как в печке. Норме Джин хотелось в туалет, просто ужас до чего хотелось, и от этого она так и ерзала на сиденье.

Вытирая глаза, Глэдис раздраженно заметила:

– Одного хочу: не горевать. Но помалкиваю. – И неожиданно резко добавила, обращаясь к Норме Джин: – Что стало с твоим платьем, черт побери, а?

Кромка его порвалась, зацепившись за выщербину в ограждении.

– Я... я не знаю. Это не я.

– А кто? Санта-Клаус?

Глэдис хотела поехать на «еврейское кладбище», но понятия не имела, где оно находится. Несколько раз останавливалась на бульваре Уилшир, чтобы спросить дорогу, но никто не мог ничего сказать. Закурив «Честерфилд», она продолжала ехать вперед.

Сняла со шляпки-колокола липкую вуаль и швырнула ее на заднее сиденье – туда, где месяцами валялись газеты, киножурналы, книги в мягких обложках, задубелые носовые платки и разнообразные предметы гардероба. Норма Джин продолжала ерзать на сиденье, а Глэдис задумчиво заметила:

– Может, у евреев вроде Тальберга все по-другому. Иной взгляд на вселенную. Даже календарь у них не такой, как у нас. И то, что кажется нам новым, необыкновенным, для них давным-давно уже не новость. Ведь они наполовину живут в Ветхом Завете со всеми его бедствиями и пророчествами. Будь у нас такой взгляд... – Тут она умолкла. Покосилась на Норму Джин, которая изо всех сил старалась не описаться, но хотелось ей так сильно, что боль между ногами была острой, точно игла. – В *нем* еврейская кровь. Еще одно препятствие между нами. Но сегодня он нас видел. Заговорить не мог, но глаза его все сказали. Он видел *тебя*, Норма Джин.

И в этот момент, меньше чем в миле от Хайленд-авеню, Норма Джин намочила трусики – о несчастье, о стыд и позор! – но остановиться она никак не могла, стоило только начать, и все. Глэдис тут же учуяла запах мочи и, не притормозив, принялась в ярости лупить Норму Джин и кулаком, и раскрытой ладонью:

– Вот поросенок! Свинья, скотина! Испортила такое красивое платье, а ведь оно даже не наше! Ты это все нарочно, назло, да?

Четыре дня спустя задули первые ветры Санта-Ана.

9

Потому что она любила этого ребенка и хотела избавить его от несчастий.

Потому что была отравлена. И эта маленькая девочка тоже была отравлена.

Потому что песочный город рушился, объятый пламенем.

Потому что в воздухе стоял запах гари.

Потому что рожденные под знаком Близнецов должны были согласно календарю «действовать решительно», а также «проявлять мужество в определении дальнейшей своей судьбы».

Потому что в этом месяце у нее была задержка, месячные прекратились, и отныне она не будет женщиной, желанной для любого мужчины.

Потому что вот уже тринадцать лет она работала в провочной на Студии, тринадцать лет верно и преданно помогала создавать великие фильмы с главными звездами американского кино, влиявшие на самую суть Америки. А теперь вдруг выяснилось, что молодость прошла, а душа ее поражена смертельным недугом.

Ей лгали в студийном лазарете, и нанятый той же Студией врач уверял, что кровь ее вовсе не отравлена, хотя она *была* отравлена. Химические яды проникали даже сквозь двойные резиновые перчатки, просачивались в кожу и кости рук. Тех самых рук, которые целовал ее возлюбленный, восхищаясь их красотой и изяществом. «Руки, которые утешают» – так он говорил. Яды проникали в костный мозг, разносились по кровотоку, отравили мозг, пары их просочились в ничем не защищенные легкие. Перед глазами все дрожало. Глаза болели даже во сне. Ее коллеги боялись признаться, что тоже больны, боялись, что их уволят и они станут «безработными». Потому что в 1934-м в Соединенных Штатах настали просто адские времена. Адские и позорные. Потому что она звонила и говорила, что заболела, звонила и говорила, что больна, звонила и говорила, пока ей не сообщили, что «она уже больше не в штате Студии, что пропуск ее аннулирован и охрана ее не пропустит». И это после тринадцати лет.

Потому что больше никогда она не будет работать на Студии. Никогда не будет продавать свою душу за гроши ради биологического выживания. Потому что должна очиститься сама и очистить свою пораженную недугом дочь.

Потому что в глубине души она сама была как дочь, а дочь ее была как на ладони.

Потому что на самом деле дочь ее была безобразным уродцем и лишь притворялась хорошенькой кудрявой девочкой. *Потому что все вокруг сплошной обман.*

Потому что даже отец этой девочки не хотел, чтобы она появилась на свет.

Потому что сомневался, что это его ребенок.

Потому что он дал ей денег, швырнул банкноты на кровать.

Потому что в сумме эти банкноты составляли ровно 225 долларов, такова была стоимость их любви.

Потому что он сказал, что никогда не любил ее; просто она не так все поняла.

Потому что он велел больше не звонить ему и не ходить за ним по улице.

Потому что все вокруг сплошной обман.

Потому что до беременности он любил ее, а потом перестал. Потому что он взял бы ее в жены, она в этом не сомневалась.

Потому что ребенок родился на три недели раньше срока и тоже оказался Близнецом, как и она сама. И так же, как она, был проклят.

Потому что никто никогда не полюбит такого мерзкого проклятого ребенка.

Потому что низовые пожары в холмах были четким знаком, приказом «на выход».

За мамой пришли, но то был не Темный Принц.

До конца жизни меня не оставлял этот страх. Что однажды за мной тоже придут совсем чужие люди и уведут меня, а я буду голая и буду отбрыкиваться и кричать что-то бессвязное. Жалкое зрелище.

Пришлось пропустить школу и остаться дома. Мама не разрешала ей общаться с «врагами». Джесс Флинн иногда можно было доверять, иногда – нет. Ибо Джесс Флинн работала на Студии и вполне могла оказаться шпионкой. И в то же время Джесс Флинн была им другом, приносила еду. Заскакивала с улыбкой – «просто взглянуть, как вы тут». Даже предлагала Глэдис денег взаймы, если нужно, а если не нужно – свою щетку для чистки ковров. Большую часть времени Глэдис проводила в потемках, в постели, лежала обнаженная под грязными простынями. Рядом на тумбочке был фонарик – чтобы высматривать скорпионов, которых Глэдис ужасно боялась. Жалюзи на всех окнах, во всех комнатах, были опущены до подоконника, и невозможно было отличить день от ночи, сумерки от рассвета. Даже в самый яркий солнечный день в спальне висела туманная дымка. Запах болезни. Запах грязных простыней и нижнего белья. Запах лежалой кофейной гущи, прокисшего молока и апельсинов в холодильнике, где не было льда. Запах джина, сигарет, запах человеческого пота, гнева и отчаяния. Джесс Флинн «прибиралась немного», если ей разрешали. А если не разрешали – на нет и суда нет.

Время от времени в дверь стучал Клайв Пирс. Через дверь говорил или с Глэдис, или с ее дочуркой. Хотя слышно его было плохо. В отличие от Джесс Флинн он никогда не входил. Летом уроки игры на пианино прекратились. Он говорил, что это «трагедия», но «могло бы быть гораздо хуже». Другие жильцы совещались: что делать? Все они работали на Студии: дублеры и статисты, а еще один помощник оператора, массажистка, костюмерша, двое укладчиков реплик, тренер по гимнастике, техник из проявочной лаборатории, стенографистка, декораторы и несколько музыкантов. И все они, в общем, сходились во мнении, что Глэдис Мортенсен «психически неуравновешенная», а может, просто «эксцентричная и темпераментная» особа. Почти все соседи знали, что проживает миссис Мортенсен вместе с маленькой девочкой, которая, если б не кудряшки, была похожа на нее «самым сверхъестественным образом».

Однако никто не знал, что делать и надо ли вообще что-то делать. Никому не хотелось лезть не в свое дело. Никому не хотелось навлечь на себя гнев этой Мортенсен. Все исходило из смутного предположения, что Джесс Флинн является подругой Глэдис Мортенсен, вот пусть она и разбирается.

Девочка, обнаженная и рыдающая, забилась за пианино, спряталась там вопреки материнским приказам. Она старалась не попадаться матери на глаза. Потом выползла на ковер,

съежившись, будто испуганный зверек, ибо мать принялась бить по клавишам кулаками, извлекая резкие нестройные звуки, вибрирующие, как натянутые нервы. В духе Мака Сеннета¹². Словно Мэйбл Норманд из фильма «Хромоножка», который Глэдис смотрела еще девочкой.

Раз вы смеетесь, значит это комедия. Даже если при этом вам больно.

Вода, чистая и обжигающе горячая, хлестала из крана в ванну. Глэдис раздела девочку и разделась сама. Потом потащила дочь в ванную, пыталась приподнять и опустить в воду. Но девочка кричала и упиралась. В полном смятении, поскольку мысли ее смешались с едким привкусом дыма и насмешливо-злобными, невнятными из-за проглоченных таблеток голосами, Глэдис думала, что ребенок куда моложе, что они вернулись на несколько лет назад, и девочке всего года два или три, и весит она всего лишь – сколько? – фунтов тридцать. И доверяет маме, и ничего не подозревает. Но девочка сопротивлялась, вырывалась, ускользала, кричала: *Нет! Нет!* Такая большая, сильная, *своевольная*, перечит материнскому слову, отказывается идти в ванную, не хочет, чтобы ее поднимали и сажали в чистую, обжигающе горячую воду. Борется, вырывается из голых, цепких рук матери, выбегает из распаренной ванной.

– Все из-за тебя. Из-за тебя он ушел. Это *ты* была ему не нужна. – Эти слова произнесла она почти спокойно, вслед перепуганной девочке, и те ударили ей в спину, словно пригоршня колючей щебенки.

Голая девочка сломя голову выбежала в коридор и застучала в соседскую дверь с криком:

– Помогите! Помогите нам! – Но ответа не было. Тогда девочка побежала дальше и застучала во вторую дверь с криком: – Помогите! Помогите нам! – Но ответа не было. И тогда девочка подбежала к третьей двери и застучала в нее изо всех своих сил, и на этот раз дверь отворилась, а за дверью стоял удивленный молодой человек, загорелый, мускулистый, в майке и тренировочных брюках, стоял и смотрел на нее сверху вниз. У него было типично актерское лицо, но сейчас он моргал от искреннего удивления при виде этой девочки, обезумевшей и совершенно голый. По лицу девочки бежали слезы, и она кричала: – П-помогите, моя мама заболела, помогите маме, она больна!

Первым делом молодой человек сорвал со спинки стула собственную рубашку и укутал в нее девочку, чтобы прикрыть ее наготу, а потом сказал:

– Вот и все, малышка. Говоришь, твоя мама больна? И что же с ней случилось?

¹² *Мак Сеннет* (1880–1960) – американский режиссер и актер, начинал карьеру как артист бурлеска и цирка, один из основателей комедийного жанра в немом кино.

Тетя Джесс и дядя Клайв

Она меня любила. Ее у меня забрали, но она всегда меня любила.

– Твоей мамочке уже лучше. И теперь ее можно навестить, Норма Джин.

Это говорила мисс Флинн, а мистер Пирс стоял у нее за спиной, в дверях, и выглядели оба так, словно на плечах у них был гроб с покойником. У подружки Глэдис Джесс Флинн веки покраснели, а кончик носа дергался, словно у крольчихи. Друг Глэдис Клайв Пирс все время поглаживал подбородок, нервно так поглаживал подбородок и перекатывал во рту мятный леденец.

– Твоя мамочка зовет тебя, Норма Джин, – сказала мисс Флинн. – Врачи говорят, что теперь ей лучше и к ней уже можно. Ну так что, поедем?

Поедем? Разговор прямо как в кино, и девочка насторожилась, почуяв опасность.

Нет, в кино нужно отыгрывать роль. Нельзя выказывать своих подозрений. Потому что заранее ничего не известно. Вот если посмотреть фильм второй раз, тогда совсем другое дело. Тогда ты уже будешь понимать, что означают эти вымученные улыбочки, эти уклончивые взгляды, эти неуклюжие слова.

И девочка радостно улыбнулась. Улыбнулась доверчиво, так чтобы видно было, что она купилась.

С тех пор как Глэдис «забрали», прошло уже десять дней. Ее положили в больницу штата в Норуолке, к югу от Лос-Анджелеса. Воздух в городе все еще был дымным и влажным, и от него слезились глаза, но пожары в каньонах пошли на спад. Все реже завывали по ночам сирены. Семьям, эвакуированным из каньонов к северу от города, разрешили вернуться в свои дома.

Почти во всех школах возобновились занятия. Однако Норма Джин в школу не пошла. Она так и не вернется в четвертый класс хайлендской начальной школы. Девочка то и дело заливалась слезами и вела себя «нервно». Спала она у мисс Флинн в гостиной, на раздвижном диване мисс Флинн, на небрежно наброшенных на него простынях из квартиры Глэдис. Иногда ей удавалось поспать целых шесть-семь часов кряду. Когда мисс Флинн давала ей «только половинку» какой-то белой таблетки (по вкусу та была как прогорклая мука), Норма Джин проваливалась в глубокий ступорозный сон, и сердце ее билось громко и размеренно, словно кузнечный молот, и кожа становилась липкой, словно тельце слизня. Когда она пробуждалась от этого сна, то ровным счетом ничего не помнила. Даже не понимала, где находится. *Я ее не видела. Меня не было рядом, когда ее забрали.*

Бабушка Делла, бывало, рассказывала Норме Джин одну сказку. А может, то была вовсе не сказка, а история, которую придумала сама бабушка. К маленькой девочке, которая слишком много видит, к девочке, которая слишком много слышит, прилетает ворон и выклеивает ей глаза. Потом «приходит на хвосте огромная рыба» – проглотить ее уши. И наконец, прибегает рыжая лисица, чтобы откусить ей любопытный носик. Поняла, как оно бывает, мисс?

День обетованный. И все же он пришел неожиданно. Мисс Флинн нервно потирала пальцы, и улыбалась, показывая зубы, крупноватые для ее небольшого рта, и говорила, что Глэдис «ее зовет».

Жестоко со стороны Глэдис было обзывать Джесс Флинн тридцатипятилетней девственницей. Джесс работала на Студии преподавателем вокала и помощником звукорежиссера и поступила на работу много лет назад, выпустившись из Школы хорового пения Сан-Франциско, и сопрано у нее было не хуже, чем у Лили Понс¹³. Глэдис говорила: «Вот ведь Джесс невезучая! Да в Голливуде таких сопрано пруд пруди! Как тараканов. Или членов». Но нельзя

¹³ Элис Джозефин (Лили) Понс (1898–1976) – оперная певица, звезда театра Метрополитен-опера.

было смеяться, нельзя было даже улыбаться, когда Глэдис «говорила непристойности», смущая тем самым своих друзей. Нельзя было даже показывать, что ты все слышишь, пока Глэдис тебе не подмигнет.

И вот оно пришло, это утро, и Джесс Флинн улыбалась одними губами, и глаза у нее были влажные, а кончик носа беспрестанно дергался. Ей пришлось на целый день отпроситься с работы. Она сказала, что говорила по телефону с врачами и что «мамочка» Нормы Джин уже почти поправилась и можно ее навестить. И что они с Клайвом Пирсом отвезут ее в больницу и еще захватят «чемоданы с кое-какими вещами», которые она, Джесс, соберет сама, а Норма Джин тем временем может пойти поиграть на задний двор, потому что Джесс справится и без ее помощи. (Но как это можно «играть», когда твоя мама больна и лежит в больнице?) Выйдя на улицу и вытирая слезящиеся от пыльного воздуха глаза, девочка запрещала себе думать, что тут что-то не так; слово «мамочка» совсем не подходило для Глэдис, и Джесс Флинн наверняка это знала.

Не видела, как ее забирали. Руки в длинных рукавах, завязанных узлом за спиной. Сама голая, лежит на носилках, и кто-то накинул на нее тонкое одеяло. Плюется, кричит, рвется на волю. А санитары «скорой» с потными лицами клянут ее в ответ и уносят прочь.

Норме Джин сказали, что она ничего не видела, что ее там не было.

Может, мисс Флинн закрыла ей лицо ладонями? Уж гораздо лучше, чем ждать, что прилетит ворон и выклюет тебе глаза!

Мисс Флинн, мистер Пирс. Но они совсем не пара. Разве что киношная пара в какой-нибудь кинокомедии. Просто близкие друзья Глэдис, соседи по бунгалу. И они очень любят Норму Джин, правда-правда! Мистер Пирс был крайне огорчен случившимся, а мисс Флинн обещала «позаботиться» о Норме Джин и заботилась о ней целых десять нелегких дней. Теперь, когда поставили диагноз, решение было принято. Норма Джин подслушала, как в соседней комнате говорит по телефону Джесс, долго говорит, всхлипывает и шмыгает носом. *Я так ужасно себя чувствую! Но это не может продолжаться до бесконечности. Господь да простит меня, знаю, что обещала. От чистого сердца, потому что люблю эту девчушку, как собственного ребенка, если бы он у меня был. Но мне надо работать. Господь свидетель, я должна работать! У меня нет никаких сбережений, и тут уж ничего не поделаешь!* Была она в бежевом льняном платье, под мышками уже проступили темные полукружия пота. Прорывавшись в ванной, она долго и яростно чистила зубы. Она всегда чистила зубы, когда нервничала, и теперь из бледных десен сочилась кровь.

Клайва Пирса соседи прозвали Джентльмен Брит.

Он работал на Студии по контракту, было ему уже под сорок, однако до сих пор надеялся «выбиться в люди». А Глэдис потешно кривила губы и говорила: «Скорее, выбьется из сил, как и остальные». Клайв Пирс носил темный костюм, белую хлопчатобумажную сорочку и аскотский галстук¹⁴. Был красив, но не мог побриться, не порезавшись. От него пахло спиртным, мятными леденцами и шоколадными конфетами – этот запах Норма Джин узнала бы с закрытыми глазами. Таков был «дядя Клайв» – именно так предложил он Норме Джин называть себя, но девочка так и не заставила себя выговорить эти два слова, потому что так нельзя, *потому что никакой он мне не дядя*. И тем не менее мистер Пирс нравился Норме Джин, даже очень и очень нравился! Ведь он учил ее музыке, и она всячески старалась ему угодить и счастлива была, когда на узких губах его появлялась улыбка. И мисс Флинн ей тоже очень нравилась, а та в последние дни настаивала, чтобы Норма Джин называла ее «тетей Джесс» или «тетушкой Джесс», – но слова эти застревали в горле Нормы Джин, *потому что никакая она мне не тетя*.

Мисс Флинн откашлялась. «Ну так что, едем?» И снова улыбнулась жуткой улыбкой.

¹⁴ Аскотский галстук — галстук с широкими концами, наложенными друг на друга и сколотыми декоративной булавкой.

Мистер Пирс смотрел виновато, шумно перекатывал во рту мятный леденец. Подхватил чемоданы Глэдис, два маленьких чемоданчика взял в одну здоровенную руку, третий – в другую. Не глядя на Норму Джин, пробормотал:

– *Чему быть, того не миновать, на все воля Божья.*

Наверное, был на свете фильм, где дядя Клайв и тетя Джесс были женаты, а она, Норма Джин, была их дочкой. Но то был другой фильм, не этот.

Широкоплечий мистер Пирс понес чемоданы к автомобилю у тротуара. Нервно щебеча, мисс Флинн вела Норму Джин за руку. На улице было жарко, как в печке, и солнце, скрытое за дымными облаками, казалось, было везде и повсюду. За руль, разумеется, сел мистер Пирс, ведь это мужское дело – вести машину. Норма Джин умоляла мисс Флинн сесть на заднее сиденье, рядом с ней и ее куклой, но мисс Флинн уселась впереди, рядом с мистером Пирсом. Ехали они, наверное, целый час, и по дороге между передним и задним сиденьем не прозвучало почти ни слова. Только мотор тарахтел да ветер посвистывал в открытых окнах. Мисс Флинн, шмыгая носом, заглядывала в листок бумаги и подсказывала мистеру Пирсу, куда ехать. Сейчас они направлялись «в больницу, навестить Мать»; но если оглянуться в прошлое, окажется, что ехали они совсем в другое место. Если, конечно, можно было бы пересмотреть этот фильм.

Всегда очень важно выбрать правильный костюм, вне зависимости от того, какая будет сцена. На Норме Джин был ее единственный наряд, что годился для школы: клетчатая юбочка в складку, белая хлопчатобумажная блузка (тем утром мисс Флинн собственноручно ее отгладила), относительно чистые и заштопанные белые носки и самые новые трусики. Кудрявые и вечно спутанные волосы лишь слегка приглажены щеткой, но не расчесаны.

(– Бесполезно! – вздохнула мисс Флинн, выронила расческу, и та упала на кровать. – Если расчесывать и дальше, Норма Джин, я вырву у тебя половину волос.)

Мисс Флинн и мистера Пирса, похоже, несколько смутил тот факт, что Норма Джин отчаянно вцепилась в куклу и не выпускала ее из рук. Кукла никуда не годилась – кожа ее оплавилась, волосы сгорели почти подчистую, в стеклянно-голубых глазках застыл идиотский ужас. Мисс Флинн обещала купить Норме Джин другую куклу, но то ли времени у нее не было, то ли просто забыла. Однако Норма Джин крепко держала свою куклу и не собиралась с ней расставаться. «*Это моя кукла! Мне ее мама подарила.*»

Кукла пережила пожар в спальне Глэдис. Ускользнув из ванной, где ее ждала обжигающе горячая вода, Норма Джин бросилась звать на помощь соседей. Она знала, что поступает неправильно, что «нельзя ничего делать у матери за спиной», как говорила Глэдис, но у Нормы Джин не было выбора. И тогда разъяренная Глэдис подожгла постельное белье на кровати. Заперла за девочкой дверь и, чиркая спичками, стала поджигать все подряд – спалила шикарное черное креповое платье и темно-синее бархатное платье, в котором Норма Джин ходила на бульвар Уилшир смотреть похороны. Потом порвала несколько снимков и подожгла их (наверное, на одном из них был отец Нормы Джин, ибо девочка больше не видела той красивой фотографии). Потом бросила в огонь туфли, косметику; в гневе она решила сжечь все свои вещи, в том числе и красивое белое пианино, некогда принадлежавшее Фредрику Марчу, то самое пианино, которым она так гордилась.

Она и сама хотела сгореть, но помешали санитары. Взломали дверь, выпустив из квартиры клубы дыма, и увидели Глэдис Мортенсен, обнаженную женщину, такую худую, что кости просвечивали сквозь землистого цвета кожу, с морщинистым перекошенным лицом ведьмы. Изрыгая скверные слова, женщина набросилась на своих спасителей, царапалась, лягалась, и поэтому ее пришлось скрутить – «для ее же собственной пользы». Именно так выражалась мисс Флинн и другие жильцы бунгало, раз за разом описывая эту сцену, которой сама Норма Джин не видела, поскольку ее там не было или же кто-то закрыл ей глаза.

– Ты же знаешь, Норма Джин, тебя там не было. Ты была со мной, в полной безопасности.

Нехватка любви – вот самое страшное наказание для женщины.

Итак, настал день, когда Норму Джин повезли «навещать мамочку» в больницу. Но где же этот Норуолк? К югу от Лос-Анджелеса, так ей сказали. Мисс Флинн откашлялась и продолжила объяснять мистеру Пирсу, куда ехать. Сам мистер Пирс был, похоже, взволнован и недоволен. Теперь он уже не был дядей Клайвом. Во время уроков музыки мистер Пирс, бывало, молчал и лишь грустно вздыхал. Иногда, напротив, был весел и оживлен. И все это было связано с запахом. Если от его дыхания пахло «тем самым», Норма Джин знала, что сегодня урок пройдет на славу, как бы скверно она ни играла.

Мистер Пирс отбивал такт карандашиком, постукивал им по пианино – *раз-два, раз-два, раз-два*, – а иногда по голове маленькой своей ученицы, отчего она тут же начинала хихикать. А потом подносил пахнувший виски рот прямо к уху Нормы Джин и гудел ей на ухо, будто шмель, а карандашик все громче отбивал такт – *раз-два, раз-два*. А потом игриво просовывал ей кончик языка в ухо и начинал щекотать! Норма Джин взвизгивала и хохотала и вскакивала с табурета, ей хотелось убежать, спрятаться, но мистер Пирс сердито говорил: «Куда это ты собралась, глупышка?» – и тогда она возвращалась к пианино, дрожа и хихикая, и урок продолжался. *Мне нравилась щекотка! Пусть даже иногда было больно. Мне нравилось, когда меня целовала и обнимала бабушка Делла, я так скучаю по бабушке Делле! И не страшно, что на лице иной раз оставались царапины.*

Но иногда на уроках музыки мистер Пирс вдруг начинал дышать тяжело и часто, резко захлопывал крышку пианино (чего никогда не делала Глэдис, и пианино с закрытой крышкой выглядело так странно!). Заявлял: «На сегодня хватит!» – и выходил из комнаты, даже не обернувшись.

Однажды вечером, тем же летом, произошла довольно странная история. Норма Джин, которой уже давно пора было спать, всячески старалась привлечь внимание мистера Пирса: тот зашел к Глэдис выпить по стаканчику. Она старалась забраться на диван и пристроиться между Глэдис и ее гостем, залезть к нему на колени, словно щенок, и Глэдис посмотрела на нее страшными глазами и сказала резко:

– Норма Джин, води себя прилично! Смотреть противно. – А потом, понизив голос, обратилась к мистеру Пирсу: – Что это значит, Клайв?

И непослушную, хихикающую девочку изгнали в спальню, откуда не было слышно, о чем говорят взрослые. Впрочем, через несколько напряженных минут раздался дружный взрыв смеха, а затем – *дзинь!* – горлышко бутылки примирительно звякнуло о стакан. Именно с этого момента Норма Джин поняла, что мистер Пирс бывает совсем разным и что глупо было бы ожидать от него другого поведения. Ведь и Глэдис бывала совсем разной. Да что там далеко ходить, сама Норма Джин тоже себя удивляла: то веселилась дурашливо, то вдруг ни с того ни с сего могла расплакаться, то витала в облаках и манерничала, то была, по словам Глэдис, «вся на нервах» и «пугалась своей собственной тени, словно то была не тень, а змея».

А в зеркале всегда был Волшебный Друг Нормы Джин. То тихонько подглядывал за ней из уголка, то вставал в полный рост и смотрел открыто и беззастенчиво. Зеркало было очень похоже на кино, – возможно, зеркало и *было* не что иное, как кино, и эта хорошенькая кудрявая девочка, что отражалась в нем, была *она сама*.

Крепко вцепившись в куклу, Норма Джин рассматривала затылки взрослых, сидевших на переднем сиденье автомобиля мистера Пирса. Джентльмен Брит в красивом темном костюме и аскотском галстуке совсем не походил на того мистера Пирса, что сидел за пианино и, забывшись от восторга, вдохновенно исполнял душераздирающую «Für Elise»¹⁵ Бетховена. «Нотка к нотке, идеальнейшая музыка на свете», – с видом знатока заявляла Глэдис. Не был он похож и на того мистера Пирса, который, будто шмель, гудел Норме Джин на ухо и щекотал ее, сидевшую рядом с ним у пианино. Перебирал паучьими пальцами ее ребрышки, словно клавиши,

¹⁵ «К Элизе» (нем.).

и тело ее дрожало. Да и мисс Флинн, прикрывавшая глаза рукой во время приступа мигрени, мисс Флинн, обнимавшая ее, и рыдавшая над ней, и просившая называть себя «тетей Джесс» или «тетушкой Джесс», тоже была сама не своя.

Однако Норма Джин до сих пор не верила, что эти двое взрослых нарочно обманули ее. Ну, во всяком случае, не больше, чем в свое время ее обманывала Глэдис. То были разные времена и разные сцены. На киноплёнке не обязательна строгая последовательность, ибо все в фильме происходит сейчас, в настоящем времени. Плёнку можно прокрутить задом наперед. Безжалостно смонтировать. Наконец, просто *засветить*. На плёнке вечно хранится то, что не удалось запомнить. И однажды, когда Норма Джин навсегда переедет в Царство Безумия, она будет вспоминать, как логично был выстроен тот жестокий день. Вспомнит (и ошибется), как мистер Пирс, перед тем как отправиться в это путешествие, играл «Für Elise», – «еще разок, дорогая, последний раз». Вскоре познакомится она с учением Христианской науки, и многое из того, что казалось неясным в тот день, станет ясным. *Мысль – это все. Истина делает нас свободными; ложь, обман, боль и зло есть не что иное, как человеческие иллюзии, вызванные нами же для собственного наказания, и они нереальны. Мы прибегаем к ним лишь из слабости и по невежеству нашему.* Ибо всегда есть способ простить, через веру в Иисуса Христа.

Вот бы еще понять, где та боль, которую ты должен простить.

В тот день Норму Джин повезли навестить «мамочку» в больнице в Норуолке. Но вместо этого привезли к кирпичному зданию на Эль-Сентро-авеню, где над входом висела вывеска; и каждая буква этой вывески отпечаталась в душе Нормы Джин, хотя в первый момент она смотрела на нее невидящими глазами.

ОКРУЖНОЙ СИРОТСКИЙ ПРИЮТ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Основан в 1921 г.

Так это не больница? Но где же больница? *Где же Мать?*

Мисс Флинн сморкалась и ворчала и была взволнована – Норма Джин впервые видела ее такой, – и ей пришлось силой вытаскивать перепуганную девочку с заднего сиденья машины мистера Пирса.

– Норма Джин, прошу тебя, ну пожалуйста. Будь умницей, Норма Джин. *Не лягайся, Норма Джин!*

Мистер Пирс развернулся к ним спиной, не желая быть свидетелем этой схватки, поспешно отошел в сторонку и закурил. Он столько лет выступал в роли статиста, зачастую просто позировал в профиль, демонстрируя загадочную британскую улыбку, и понятия не имел, как сыграть настоящую сцену; он получил классическое британское образование в Королевской академии, а там импровизации не учили. Мисс Флинн крикнула ему:

– Клайв, черт побери, хоть бы чемоданы занес!

Вспоминая то тяжелое утро, мисс Флинн рассказывала, что ей чуть ли не на руках пришлось тащить дочку Глэдис Мортенсен в сиротский приют. Она то бранилась, то умоляла:

– Пожалуйста, прости меня, Норма Джин, просто сейчас нет другого выхода... твоя мама больна, врачи говорят, она *очень больна*... она хотела причинить тебе вред, сама знаешь. Она просто не может быть сейчас тебе мамой... и я тоже не могу быть тебе мамой – ой, Норма Джин, негодяйка, *больно же!*

Оказавшись в сыром и душном помещении, Норма Джин непроизвольно задрожала, а в кабинете директора разрыдалась. И, заикаясь, стала объяснять полной женщине с каменным

лицом, что никакая она не сирота, что у нее есть мама. *Не была она сиротой. У нее была мама.* Мисс Флинн в спешке удалилась, сморкаясь в носовой платок. Мистер Пирс занес чемоданы Глэдис в вестибюль и удалился едва ли не в большей спешке. Заплаканная, шмыгающая носом Норма Джин Бейкер (именно под таким именем значилась она в документах; родилась 1 июня 1926 года, в окружной лос-анджелесской больнице) осталась наедине с доктором Миттельштадт, которая призвала в кабинет матрону чуть помоложе себя, хмурую женщину в грязном комбинезоне. А девочка продолжала протестовать. *Она не сирота. У нее есть мама. У нее есть папа, он живет в огромном особняке на Беверли-Хиллз.*

Доктор Миттельштадт разглядывала восьмилетнюю подопечную окружного сиротского приюта сквозь неровные стекла бифокальных очков. А потом сказала, не жестко, а скорее добродушно, со вздохом, от которого на миг приподнялся ее внушительный бюст:

– Побереги слезы, дитя мое! Они тебе еще пригодятся.

Потеряшка

Будь я по-настоящему хорошенькой, отец приехал бы и забрал меня.

Четыре года девять месяцев и одиннадцать дней.

На всем североамериканском континенте начался сезон брошенных детей. И больше всего их было в Южной Калифорнии.

После того как улеглись сухие, горячие, безжалостные ветры, дувшие со стороны пустыни, в песке и мусоре начали находить младенцев. Повсюду – в дренажных канавах, высохших водостоках, у железнодорожных насыпей, прибитых ветром к гранитным ступеням церквей, больниц, муниципальных зданий. Только что рожденных младенцев с окровавленной, еще не отрезанной пуповиной находили в общественных туалетах, на церковных скамьях, в мусорных баках и на свалках. Как же завывал, целыми днями стонал ветер, но, когда он улегся, оказалось, что стоны эти издают младенцы. А также их братья и сестры постарше: детишки лет двух-трех ошалело блуждали по улицам, у некоторых дымились волосы и одежда. У этих детей не было имен. Эти дети не умели говорить, они ничего не соображали. Раненые, многие с сильными ожогами. Другим повезло еще меньше: они или умерли сами, или были убиты – их трупы, часто обугленные до неузнаваемости, мусорщики в спешке убирали с улиц Лос-Анджелеса. Забрасывали в грузовики, везли в каньоны и хоронили в безымянных общих могилах. Ни по радио, ни в газетах ни слова! Никто не должен об этом знать.

«Потеряшки» – так их называли. Те, кому «недостало милосердия».

Над Голливудскими холмами сверкали ослепительные молнии, гроза обрушилась на город, точно гнев Иеговы, постель, которую Норма Джин делила с мамой, взорвалась в ослепительной вспышке. А потом – опаленные волосы и ресницы, жжение в глазах, как будто Норму Джин заставляли долго смотреть на яркий свет, и она одна, без мамы, в этом месте, для которого у нее нет другого названия, кроме как *это место*.

По ночам, встав на казенную кровать (босая, в ночной рубашке), Норма Джин всматривалась в узкое оконце под карнизом и видела далекие (как знать, насколько далекие?) пульсирующие неоновые буквы на голливудской башне кинокомпании «RKO Pictures»¹⁶.

RKO RKO RKO

Когда-нибудь...

Кто привез ее в *это место*, девочка не помнила. В памяти не осталось ни четких лиц, ни имен. На долгие дни она словно потеряла дар речи. В горле пощипывало, и было больно глотать, словно ее заставляли вдыхать огонь. Есть она не могла, давилась едой, ее часто рвало. У нее был болезненный вид. Она надеялась, что скоро умрет. Она была достаточно взрослой, чтобы сформулировать это желание: *Мне стыдно, что я никому не нужна, и я хочу умереть*. Однако она была слишком мала и не способна была пожелать этого с нужной силой. И еще не было в ней того безумного исступления, желания отомстить миру, завоевав его тем или иным способом, – хотя любой человек способен «завоевать мир», даже маленькая девочка, что осталась без родителей, одинокая, брошенная, не более значимая, чем одинокий муравей в огромном муравейнике. *И все же я заставляю всех вас полюбить меня, а потом накажу себя вопреки этой любви*. О нет, тогда еще Норма Джин никому так не угрожала. Ибо, несмотря на

¹⁶ Название одной из крупнейших студий Голливуда в 1930–1940 гг.

рану в душе, понимала: ей еще повезло, что ее привезли сюда, в это место. Повезло, что ее не сварила в кипятке обезумевшая мать, что она не сгорела живьем в бунгало на Хайленд-авеню.

И потом, в сиротском приюте были другие дети, пострадавшие куда больше, чем Норма Джин. Она понимала это, даже несмотря на смутение и обиду. Дети с задержкой в развитии, умственно отсталые, дети-калеки – с первого взгляда ясно было, почему матери от них отказались. Уродливые, озлобленные, отверженные, не дети, а зверьки. К ним даже прикоснуться было страшно, чтобы от такого прикосновения ваша собственная кожа не стала такой же липкой, как у них.

Там была десятилетняя девочка, ее койка стояла рядом с койкой Нормы Джин, в спальне для девочек на третьем этаже. Звали ее Дебра Мэй. Так вот, эту девочку били и насиловали (какое грубое, страшное, взрослое слово «насиловали»). Норма Джин инстинктивно догадывалась, что оно означает, или почти догадывалась. В нем был свист, с которым лезвие бритвы рассекает воздух, и еще нечто постыдное, связанное с тем, «что у девочек между ногами и что нельзя никому показывать». С тем местом, где плоть мягка, чувствительна, уязвима, и Норме Джин становилось дурно при одной мысли о том, что ее могут туда ударить, и уж тем более – ударить чем-то твердым и острым. Были там и пятилетние мальчишки-близнецы, чуть не умершие от голода в одном из каньонов хребта Санта-Моника. Их, как выяснилось, связала и бросила там мать, задумавшая «принести жертву, как Авраам в Библии» (так, во всяком случае, объяснялось в материнской записке). Была девочка постарше, с которой подружится Норма Джин, одиннадцатилетняя девочка по имени Флис, чье настоящее имя было Фелис. Она, точно замороженная, снова и снова рассказывала о своей годовалой сестренке, как мамин приятель «бил и бил ее головой о стенку, пока мозги не полезли, ну прямо как семечки из лопнувшей дыни». Норма Джин, вытирая слезы, признавалась, *что ее и вовсе не били*.

По крайней мере, она этого не помнила.

Будь я по-настоящему хорошенькой, отец приехал бы и забрал меня. Эта мысль была связана с мерцающими неоновыми буквами на голливудской башне за много миль от сиротского приюта. Норма Джин видела ее из окна над кроватью, а иногда и с крыши. То был маячок в ночи, некий тайный сигнал, хотя остальные тоже его видели и, наверное, думали о нем так же. *Обещание – но что за обещание?*

Норма Джин ждала, что Глэдис выпишут из больницы и они снова заживут вместе. Ждала с отчаянной детской надеждой, к которой примешивались взрослые мысли фаталиста: *она никогда не придет, она бросила меня, я ее ненавижу*.

Хотя она места себе не находила от тревоги: что, если Глэдис не узнает, куда ее забрали, где стоит это здание из красного кирпича, обнесенное восьмифутовой провололочной сеткой, с зарешеченными окнами, крутыми лестницами, бесконечными коридорами; со спальнями, где теснились койки (здесь их называли «кровати») и где пахло всем, чем угодно, но по большей части кислой мочой. Со «столовой», где стоял одинаково сильный запах прокисшего молока, горелого жира и моющего средства, где она, косноязычная, оробевшая, должна была принимать пищу, не давиться едой и сдерживать рвотные позывы, потому что «надо поддерживать силы», чтобы не заболеть и не угодить в лазарет.

Эль-Сентро-авеню, где же это, в скольких милях от Хайленд?

Норма Джин думала: *что, если я вернусь туда, а она уже там, ждет?*

За первые несколько дней в окружном сиротском приюте Норма Джин выплакала все слезы. Слишком быстро выплакала, и слез у нее осталось не больше, чем у потрепанной синеглазой куклы. Безымянной, просто Куклы. Некрасивая, но приветливая женщина, директор приюта, которую положено было называть «доктор Миттельштадт», ее предупреждала. Низкорослая и плотная матрона, с красным лицом и в грязном халате, ее предупреждала. Девочки

постарше – Флис, Лу, Дебра Мэй, Джанет – тоже предупреждали. «Хватит реветь! Ты такая же, как все». В общем, прав был веселый румяный священник из церкви, в которую ходила бабушка Делла, и можно было смело повторить его слова: все остальные дети в приюте не были чужаками, которых следовало с опаской избегать. На деле они были ее братьями и сестрами, разве что раньше Норма Джин о них не знала, *и весь этот огромный мир был населен несметным количеством ее братьев и сестер, их больше, чем песчинок на пляже, и у каждого есть душа, и все одинаково любимы Богом.*

Ожидая, что Глэдис выпишут из больницы, что мама приедет и заберет ее, Норма Джин оставалась сиротой среди ста сорока других сирот. Она была моложе многих, и ее приписали к спальне на третьем этаже, спальне для младших девочек (от шести до одиннадцати лет). К железной койке с тонким свалявшимся матрасом, застланным клеенкой в пятнах, от которой все равно разило мочой. Койка эта стояла у самого окна в большой прямоугольной комнате, до отказа забитой другими девочками, комнате, где даже днем царил полумрак. В жаркие солнечные дни здесь было очень душно, а в пасмурные, дождливые дни – то есть почти всю зиму – сыро и зябко и от оконной рамы сквозило. Тумбочка была одна на троих: для нее, Дебры Мэй и еще одной девочки. Ей выдали два комплекта одежды – два голубых хлопчатобумажных джемпера и две белые батистовые блузки, а также застиранную «постель» и «нижнее белье». Выдали полотенца, носки, туфли, галоши. Выдали плащ-дождевик и тонкое шерстяное пальто.

В тот ужасный, самый первый день Норма Джин произвела в этой спальне настоящий фурор. Кряжистая краснолицая матрона поставила у ее кровати чемоданы Глэдис, остатки былой роскоши, если, конечно, не приглядываться к ним слишком внимательно. В чемоданах была странная, причудливая одежда – шелковые платья, оборчатый передник, юбочка из красной тафты, клетчатый шотландский берет, клетчатый плащ на атласной подкладке, маленькие белые перчатки, блестящие черные туфли из лакированной кожи и другие вещи, что второпях виновато запихнула в чемоданы женщина, просившая называть ее «тетей Джесс» или же «тетушкой Джесс». Через несколько дней почти все вещи эти, провонявшие дымом, украли, присвоили себе другие девочки – даже те, что выказывали Норме Джин явные знаки расположения и с которыми она со временем подружилась. (Позже Флис сконфуженно объяснила, что здесь, в детдоме, «каждый за себя».)

Но на куклу Нормы Джин никто не позарился. Никто не украл у Нормы Джин ее куклу, к тому времени уже лысую, голую, грязную, с широко распахнутыми стеклянными глазами и ртом в виде розового бутона, куклу, на чьем кокетливом лице застыла гримаса ужаса. Флис беззлобно называла ее «жуть какая-то». Норма Джин спала с ней по ночам, а на день прятала ее в постели, словно осколок разбитой души, смешной и нелепый для остальных, но по-прежнему прекрасный для нее самой.

– Подождите Мышку! – так кричала Флис подружкам, и они снисходительно ждали Норму Джин, самую младшую, самую маленькую и робкую из всей компании. – Давай, Мышка, шевели жопкой!

Длинноногая Флис, с тонкими губами, жесткими черными волосами, загрубелой оливковой кожей и бегающими ярко-зелеными глазками, наверное, привязалась к Норме Джин из жалости, хотя порой и срывала на ней раздражение. Снова примерила на себя роль старшей сестры, увидев в Норме Джин ту малышку, чьи мозги так живописно разметались по стене – «ну прямо как семечки из дыни». Флис и Дебра Мэй первыми взяли Норму Джин под свое покровительство. Позже воспоминания о Флис пробуждали в душе Нормы Джин всю палитру эмоций, от любви до страха и трепетного благоговения, потому что нельзя было предугадать, как она себя поведет, неведомо было, какие жестокие и грубые слова слетят с ее губ или когда она стукнет тебя рукой, стремительной, как у боксера, – чтобы то ли сделать больно, то ли привлечь внимание, как восклицательный знак в конце предложения. Ибо, сумев вытрясти из

Нормы Джин несколько слов (та, запинаясь, доверчиво рассказала, что на самом деле она не сирота, что м-мама в больнице, а п-папа живет в большом особняке на Беверли-Хиллз), Флис расхохоталась ей в лицо и так сильно ущипнула за руку, что на бледно-восковой коже Нормы Джин осталась красная отметина, словно от поцелуя Иуды, осталась и не сходила несколько часов.

– Чушь! Брех-ло! Твои мать с отцом умерли, как и все остальные. *Никого в живых не осталось.*

Дары волхвов

Они явились в приют вечером накануне сочельника и принесли сиротам свои дары.

Принесли две дюжины выпотрошенных индеек для рождественского стола и великолепную двенадцатифутовую елку, и эльфы Санта-Клауса установили ее в зале для посетителей сиротского дома, и затхлое пространство мигом превратилось в дивный храм чудес. Дерево было такое высокое, такое пушистое, яркое, живое; от него даже издали остро пахло лесом, тьмой и тайной. Елка сверкала стеклянными украшениями, а на самой верхней ветке пригнулся белокурый ангел с глазами, возведенными к небесам, и молитвенно сложенными руками.

А под елкой – россыпи подарков в ярких веселых обертках.

Вокруг – море света, и звуки рождественских песенок льются из громкоговорителя на грузовике, что стоит у входа в приют: «Тихая ночь», «Мы, три короля», «Украсьте залы». Такие громкие, что сердце начинало биться им в унисон.

Дети постарше уже всё знали, в прошлые сочельники им уже выпадало такое счастье. А новенькие и те, кто помоложе, испугались, не понимая, что творится.

Тихо! Тихо! Встаньте в строй! И дети, построившись парами, по команде вышли из столовой, где после ужина их заставили ждать больше часа без всяких объяснений. Вышли скорым маршем, нет, на учебную пожарную тревогу не похоже, да и для прогулки слишком поздно. Норма Джин ничего не понимала, сзади напирали другие дети: что случилось? кто это там? И тут она увидела в дальнем конце зала для посетителей, на возвышении, нечто поразительное: по-мужски красивого Принца и белокурую красавицу Принцессу!

Здесь, в сиротском приюте Лос-Анджелеса!

Сперва я подумала: они пришли за мной, и только за мной.

Вокруг крики, громкие голоса, возбужденный смех. Рождественская музыка гремит жизнерадостным стаккато, и дышишь быстрее, чтобы поспеть за ее ритмом. Повсюду ослепительные вспышки света – это прибыла команда кинооператоров: снимать, как царственная чета раздает подарки нуждающимся. И фотографов налетела тьма-тьмушая, и у всех камеры со вспышками, и все норовят протолкнуться вперед. Занять удобное местечко. Важная, солидная директриса сиротского дома, доктор Эдит Миттельштадт, принимает от Принца с Принцессой *дарственную*, и на красном несвежем лице ее, высвеченном вспышками фотоаппаратов, застыла неловкая, неотрепетированная улыбка. А Принц с Принцессой, стоя по обе стороны от этой пожилой женщины, улыбаются красиво, отрепетированно. И на них хочется смотреть и смотреть, и глаза отвести невозможно.

– При-вет, дети! Счастливого вам Р-рождества, дети! – восклицает Темный Принц и поднимает руки в перчатках, точно священник, благословляющий паству.

А Принцесса-Блондинка вторит ему:

– Веселого вам Р-рождества, дорогие дети! *Мы вас любим!*

Этим ее словам, похоже, поверили, и в ответ раздается восторженный и восхищенный рев, настоящая лавина счастья.

Какими знакомыми казались лица Принца и Принцессы! Но при этом Норма Джин никак не могла их узнать. Принц похож был на Рональда Колмана, Джона Гилберта, Дугласа Фэрбенкса-младшего – и, однако же, он не был ни тот, ни другой, ни третий. Принцесса похожа была на Дикси Ли, Джоан Блонделл, грудастую Джинджер Роджерс – и, однако же, она не была ни та, ни другая, ни третья. На Принце смокинг, белая шелковая рубашка, в петлице – веточка с красными ягодами. На черных, щедро залитых лаком волосах задорный колпак Санта-Клауса – красного бархата с пушистой белой оторочкой.

– Дети, подходите за подарками! Не стесняйтесь! (Он что, этот Принц, дразнится? Ведь все дети, особенно те, кто постарше, так и рванули вперед, к елке, стремясь получить подарок, пока не разобрали, и вовсе не стеснялись.)

– Да, *подходите! Просим, просим!* Дорогие дети!.. *Да благослови вас Господь!* (Она что, эта Принцесса, вот-вот разрыдается? Подкрашенные глаза отливают стеклянным блеском и смотрят так искренне, а лощенные малиновые губы то растягиваются в улыбке, то сжимаются бантиком, словно своеправное живое существо.)

На Принцессе сверкающее платье из красной тафты с пышной юбкой, туго стянутое в тонюсенькой талии; лиф, усыпанный красными блестками, облегает полную грудь, как тесная перчатка. На залитых лаком платиновых волосах диадема – неужели бриллиантовая? Ради раздачи подарков в сиротском доме Лос-Анджелеса? На Принце короткие белые перчатки, на Принцессе – тоже белые, но длинные, до самого локтя. Вокруг царственной четы – эльфы Санта-Клауса, у некоторых белые бакенбарды и колючие накладные брови, тоже белые. И эти подручные непрерывно берут из-под елки подарки и передают их царственной чете. Просто волшебное, завораживающее зрелище – как ловко Принц и Принцесса перехватывают в воздухе эти подарки, даже не глядя, не говоря уже о том, чтобы нагнуться за ними.

Атмосфера в зале царил веселая, но лихорадочная. Рождественские песенки гремели во всю мощь; микрофон Принца искрил статическим электричеством, и Принц, похоже, был этим недоволен. Помимо подарков, Принц и Принцесса раздавали длинные полосатые леденцы и глазированные яблоки на палочках, и запасы их быстро подходили к концу. Кажется, в прошлом году подарков на всех не хватило, и дети постарше с удвоенной силой пробивались вперед. *По очереди! Все по очереди!* Матроны в униформе ловко выхватывали нарушителей порядка из шеренги, хорошенько встряхивали их, награждали шлепком и отправляли наверх, в спальню. К счастью, царственная чета этого не замечала, и фотографы не замечали, а если и замечали, то не подавали виду: *все, что вне фокуса, в расчет не принимается.*

Наконец настал черед Нормы Джин! Она терпеливо отстояла в очереди за подарком от Темного Принца, который вблизи выглядел куда старше, чем издали. Кожа у него была странная, румяная, без пор, такая кожа раньше была у куклы Нормы Джин; губы казались накрашенными, а глаза отливали тем же стекляннным блеском, что и у Принцессы-Блондинки. Но Норме Джин некогда было обращать внимание на такие мелочи. Она, споткнувшись от волнения, вышла вперед, в ушах стоял звон и рев, а чей-то острый локоть подталкивал в спину. И вот она робко подняла обе руки, принять подарок, а Принц воскликнул:

– Малышка! Слав-ная моя малышка!

Не успела Норма Джин понять, что происходит, прямо как в сказках бабушки Деллы, не успела она опомниться, как Принц, схватив ее за руки, поднял на возвышение и поставил рядом с собой!

Здесь свет был поистине ослепительным, таким, что ничего не разглядеть. Комната, полная детей и взрослых, расплывалась и рябила перед глазами, точно взволнованная вода. Принц с шутиливой галантностью протянул Норме Джин леденец в розовую полоску, глазированное яблоко на палочке – оба лакомства оказались страшно липкими, – а также завернутый в красную бумагу подарок. Потом поставил ее лицом к шквалу фотовспышек и улыбнулся великолепно разученной улыбкой:

– Счастливого тебе Р-рождества, малышка! Наилучшие пожелания от Сан-нты!

В полной панике девятилетняя Норма Джин, должно быть, широко разинула рот и распахнула глаза, и фотографы – все до единого мужчины – довольно расхохотались, и один из них крикнул:

– Так и стой, милая!

И – щелк, щелк, щелк – замигали вспышки, и Норма Джин совершенно от них ослепла, и ей не выпало второго случая улыбнуться в камеру, как следовало бы улыбаться, когда тебя

снимают для «Вэрайети», «Лос-Анджелес таймс», «Скрин уорлд», «Фотогрэфи», «Пэрейд», «Пикс» или же для новостной службы Ассошиэйтед Пресс. Как она улыбалась десятки раз, когда смотрела на Волшебного Друга в Зеркале, как умела она улыбаться дюжиной разных способов, известных только ей. Но Друг в Зеркале покинул ее в тот миг, она спугнула его своим изумлением и поклялась, что отныне меня ничем не удивишь.

В следующий миг ее уже спустили с возвышения, единственного почетного места в этом зале, и она вновь стала сиротой, одной из самых младших и маленьких сирот, и матрона в униформе грубо втолкнула ее в колонну детей, которые поднимались наверх, в дортуар.

Те уже срывали обертки с рождественских подарков, бросая на пол обрывки блестящей бумаги.

Это была мягкая игрушка для ребенка лет двух-трех или четырех; Норма Джин была вдвое старше, однако ее страшно растрогал этот полосатый тигренок – размером с котенка, сделанный из мягкой пушистой ткани. Его хотелось приложить к щеке, потереться. Хотелось прижимать к себе, мять, тискать, уложить с собой в постель. У него были золотистые глазки-пуговицы, смешной плоский нос, упругие щекотные усы, а сам он был в оранжево-черную полоску. Еще у него был изогнутый в дугу хвостик с проволочкой внутри, и его можно было двигать вверх-вниз и сворачивать в знак вопроса.

Мой полосатый тигренок! Мой рождественский подарок. От Него.

Леденец и глазированное яблоко отобрали у Нормы Джин девочки постарше, прямо в спальне, и тут же жадно сгрызли.

Ей было все равно. Ей нужен был лишь полосатый тигренок.

Но через несколько дней тигренок тоже исчез.

Она была осторожна, прятала его в постели глубоко-глубоко, вместе с куклой. И тем не менее однажды, вернувшись в спальню после трудовой повинности, Норма Джин обнаружила, что постель ее перерыта, а тигренок исчез. (Куклу не взяли.) После Рождества в приюте было полно полосатых тигрят, а также панд, кроликов, собачек и кукол. Такие подарки предназначались детям помоложе, старшим же дарили авторучки, коробки цветных карандашей, настольные игры. Даже если б Норма Джин и узнала своего полосатого тигренка, у нее все равно не хватило бы смелости заявить на него свои права или же просто выкрасть, подобно той девочке, что уже его украла.

Зачем обижать другого человека? Достаточно того, что обидели тебя.

Сирота

Кто будет верить и креститься, спасен будет; а кто не будет верить, осужден будет.

Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками;

будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы.

Иисус Христос¹⁷

Любви Божественной всегда не хватало и не будет хватать каждому человеку.

Мэри Бейкер Эдди. Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию¹⁸

1

– Норма Джин, твоя мама попросила еще один день на размышления.

Еще день! Но голос доктора Миттельштадт звучал ободряюще. Она была не из тех, кто склонен сомневаться, выказывать слабость или беспокойство; в ее присутствии полагалось излучать оптимизм. Полагалось отбросить все дурные мысли. И Норма Джин улыбнулась, а доктор Миттельштадт продолжила пересказывать ей мнение главного врача психиатрической клиники в Норуолке, которое сводилось к тому, что теперь Глэдис Мортенсен уже менее «подвержена галлюцинациям», менее «склонна к агрессии». И есть надежда, что на этот раз, в третий раз, когда Норму Джин хотели удочерить, Глэдис Мортенсен примет разумное решение и ответит утвердительно.

– Потому что, вне всякого сомнения, мама любит тебя, дорогая, и желает тебе счастья. Желает только самого лучшего, как и мы все. – Доктор Миттельштадт умолкла и вздохнула, а потом со страстью сказала то, что хотела сказать с самого начала: – Ну что, дитя, помолимся?

Доктор Миттельштадт была яркой сторонницей Христианской науки, однако не навязывала никому своих убеждений. За исключением разве что тех девочек, что были у нее «в фаворе», да и с ними делала это очень деликатно и малыми дозами, как кормят долго голодавших людей.

За четыре месяца до этого, когда Норме Джин исполнилось одиннадцать, доктор Миттельштадт вызвала ее к себе в кабинет и подарила книгу Мэри Бейкер Эдди «Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию». На внутренней стороне обложки была надпись, сделанная безупречным почерком доктора Миттельштадт:

Норме Джин в день рождения!

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною». Псалом 22: 4.

¹⁷ Мк. 16: 16–18.

¹⁸ Мэри Эдди Бейкер (1821–1910) – основательница религиозного течения Христианская наука, доказывала, что единственная реальность – это человеческий дух, что телесные недуги иллюзорны и поддаются лечению только силой духа.

Эта великая американская Книга Премудрости изменит твою жизнь, как изменила мою!

Эдит Миттельштадт, д. ф.

1 июня 1937

Каждую ночь Норма Джин читала эту книгу перед сном и каждую ночь шептала вслух эту надпись. *Я люблю вас, доктор Миттельштадт.* Она считала эту книгу первым настоящим подарком в своей жизни. Тот день рождения запомнился ей как самый счастливый день с тех пор, как ее сдали в детдом.

– Мы будем молиться о верном решении, дитя. И чтобы Отец наш дал нам силы смириться с ее решением, каким бы оно ни было.

Норма Джин преклонила колени на ковре. Доктор Миттельштадт, чьи суставы были поражены артритом, осталась сидеть за столом, низко склонив голову и сложив руки в молитвенном экстазе. Ей было всего пятьдесят, но отчего-то она напоминала Норме Джин бабушку Деллу. То же таинственное обилие женской плоти, бесформенной, если бы не тугой корсет, та же необъятная вислая грудь. Добродушное красноватое лицо, подернутые сединой волосы, толстые ноги с набухшими венами в утягивающих чулках. Глаза ее смотрели с тоской и надеждой. *Я люблю тебя, Норма Джин. Как родную дочь.*

Может, она произнесла эти слова вслух? Нет.

Может, она обняла Норму Джин и поцеловала ее? Нет.

Доктор Миттельштадт подалась вперед (старое кресло ее скрипнуло) и со вздохом приготовилась читать с Нормой Джин молитву из Христианской науки, ибо та была величайшим ее даром этому ребенку и великим Божиим даром для нее самой.

Отче наш, сущий на небесах!

Отче-Мать, Боже наш, всегармоничный,

Да святится имя Твое,

Единый, достойный поклонения.

Да приидет Царствие Твое,

Твое царство пришло, Ты всегда присутствуешь.

Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.

Дай нам познать, что как на небе, так и на земле, Бог всемогущ и превыше всего.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день,

Ниспошли нам благодать на сей день, крепи ослабевшую любовь;

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

И любовь отражается в любви;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

И Бог не вводит нас в искушение, а избавляет нас от греха, болезни и смерти.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки¹⁹.

¹⁹ Мф. 6: 9–13.

Ибо Бог бесконечен, вся сила, вся Жизнь, Истина, Любовь, над всем, Он
– Все.

Аминь!

И Норма Джин отозвалась робким эхом:

– Аминь.

2

Куда ты уходишь, когда исчезаешь?

И ты одна там, куда ушла?

Три дня ждали решения Глэдис Мортенсен, отдавать ли дочь на удочерение. Дни разбивались на часы и даже минуты, невыносимо долгие, как бывает, когда задерживаешь дыхание.

Мэри Бейкер Эдди, Норма Джин Бейкер. О, это очевидное знамение!

Зная, как нервничает Норма Джин, ее подружки, Флис и Дебра Мэй, погадали ей на ворованной колоде карт.

В приюте разрешалось играть только в «черву», «джин рамми» и «рыбу» и запрещалось играть в покер, а также юкер – эти игры считались азартными и чисто мужскими. Запрещалось и гадание, ибо его считали «колдовством» и оскорблением Христа. Поэтому девочки гадали тайком, после отбоя, трепеща от волнения.

Норме Джин не очень-то хотелось, чтобы подружки предсказывали ей судьбу, потому что карты могли помешать молитвам. И еще из страха, что ей нагадают что-нибудь плохое, а плохого лучше не знать, пока есть такой выбор.

Но Флис и Дебра Мэй настояли на своем. Они верили в магическую силу карт куда больше, чем в волшебные способности Иисуса Христа. Флис перетасовала колоду, дала Дебре Мэй снять, снова перетасовала и начала раскладывать карты на столике перед Нормой Джин. Та в ожидании затаила дыхание: дама бубен, семерка червей, червовый туз и бубновая четверка...

– Все красной масти, видишь? Это означает, что наша Мышка получит добрую весть.

Может, Флис врет? Норма Джин обожала свою подружку, которая дразнила ее, а то и мучила, но в то же время защищала и в приюте, и в школе, где младшие девочки-сироты нуждались в защите. И тем не менее Норма Джин ей не доверяла. *Просто Флис хочет, чтобы я осталась в этой тюрьме вместе с ней. Потому что ее никто никогда не удочерит.*

Это было правдой, горькой, но правдой. Ни одна супружеская пара на свете не захочет удочерить ни Флис, ни Джанет, ни Джуэлл, ни Линду, ни даже Дебру Мэй, эту хорошенькую рыжеволосую и веснушчатую двенадцатилетнюю девочку. Потому что они были уже не детьми, а девочками, слишком большими, с таким «особенным» взглядом. Взгляд выдавал их, говорил, что взрослые их обижали и что они этого не простят. Но в основном потому, что они уже были большие. Они успели побывать в приемных семьях, но «не сложилось», и их вернули в приют, где они останутся на попечении государства, пока не достигнут шестнадцати лет и не смогут себя обеспечивать. Ребенок старше трех-четырёх лет уже считался в приюте «большим». Приемным родителям нужны были грудные младенцы или совсем маленькие дети, чей характер не успел сформироваться. Дети, не умевшие говорить и потому не имевшие воспоминаний.

И это было чудо, что кто-то захотел удочерить Норму Джин. Причем за время пребывания в приюте о ней спрашивали целых три супружеские пары. Эти люди влюбились в нее – так, во всяком случае, они утверждали. И готовы были закрыть глаза на тот факт, что девочке исполнилось сначала девять, затем десять и вот теперь – одиннадцать лет; что мать ее жива и содержится в психиатрической клинике штата Калифорния в Норуолке с официальным диа-

гнозом «острая хроническая параноидная шизофрения, осложненная невропатией на почве злоупотребления алкоголем и, возможно, наркотиками» (ибо такие сведения были доступны потенциальным приемным родителям по запросу).

Это и впрямь было чудо. Если бы не один неоспоримый факт, который все уже давно успели заметить. Входя в зал для посетителей, серая мышка Норма Джин как будто расцветала. Даже если минуту назад она грустила, в присутствии важных гостей Норма Джин загоралась, словно электрическая лампочка. Милое, луноподобное, идеальное личико, пылкий взгляд синих глаз, мимолетная застенчивая улыбка, манеры, как у Ширли Темпл, только сдержанные, – «Да она просто ангелочек!».

А в синих глазах светилась мольба: *«Любите меня! Видите, я уже люблю вас!»*

Первой подала заявку на удочерение Нормы Джин пара из Бербанка, владельцы тысячаакровой фруктовой фермы. Они утверждали, что просто влюбились в эту девочку, потому что она очень похожа на их дочь Синтию Роуз, которую в возрасте восьми лет забрал полиомиелит. (Они показывали Норме Джин фотографию умершей девочки, и Норма Джин начала верить, что станет им настоящей дочерью, что такое вполне возможно. Что, если она будет жить с этими людьми, звать ее станут по-другому, Синтией Роуз. И с нетерпением ждала этого. «Синтия Роуз»! Волшебное имя.) Той паре хотелось взять ребенка помоложе, пока они не увидели Норму Джин. «Словно Синтия Роуз воскресла и вернулась к нам. Чудо!» Однако из Норуолка пришло известие, что Глэдис Мортенсен отказывается подписать согласие на удочерение. Пара из Бербанка была безутешна: «Точно нашу Синтию Роуз отняли у нас во второй раз!» Однако ничего нельзя было поделать.

Норма Джин плакала, забившись в укромный уголок. Ей так хотелось стать Синтией Роуз! И жить на тысячаакровой фруктовой ферме, в месте с красивым названием Бербанк, с любящими отцом и матерью.

Второй была супружеская пара из Торранса, они хвастали, что «вполне обеспечены», невзирая на плачевное состояние экономики. Муж был владельцем фордовского автосалона, и у них была целая куча собственных ребятишек – пять мальчиков! – но жена мечтала о девочке. Им тоже хотелось взять ребенка помоложе, но едва супруга увидела Норму Джин... «Ой, ну прямо ангелочек!» Женщина попросила Норму Джин называть ее мамитой – может, по-испански это «мамочка»? – и Норма Джин послушалась. Само это слово казалось ей волшебным. Мамита! *Теперь у меня будет настоящая мамочка. Мамита!* Норме Джин очень понравилась эта полная сорокалетняя женщина, решившая найти ее из одиночества, от которого страдала в доме, полном мужчин, – таковы были ее слова. У нее было загорелое морщинистое лицо, но улыбка такая же сияющая и исполненная надежды, как у Нормы Джин. И еще у нее была манера то и дело прикасаться к Норме Джин, сжимать ее ручку в своей, дарить ей подарки – то белый детский платочек с инициалами «Н. Д.», то коробку цветных карандашей, то пять центов, то десять, то маленькие шоколадки в фольге, и Норма Джин спешила поделиться ими с Флис и другими девочками, чтобы те поменьше ей завидовали.

Но и этому удочерению, весной 1936 года, помешала Глэдис Мортенсен. Не лично, но через заведующего норуолкской больницей: тот сообщил доктору Миттельштадт, что миссис Мортенсен очень больна, что у нее то и дело бывают галлюцинации. Однажды она якобы видела, что на Землю в космических кораблях прилетели марсиане, чтобы забрать человеческих детей; в другой раз сказала, что отец ее девочки хочет похитить Норму Джин и спрятать в некоем потаенном месте, чтобы она, настоящая мать своей дочери, никогда ее не увидела. Миссис Мортенсен «идентифицирует себя лишь с ролью матери Нормы Джин и пока что недостаточно здорова, чтобы отказаться от этой единственной своей роли».

И снова Норма Джин плакала в укромном уголке, но на сей раз не только из-за разбитого сердца. Она стала старше, ей уже исполнилось десять, и ей было горько, и она гневалась на несправедливую судьбу. У нее отняли мамиту, ту, что ее полюбила. Отняла ее жестокая

равнодушная женщина, та, что не разрешала называть себя мамочкой. Она уже не будет мне матерью. Но и ни за что не допустит, чтобы у меня была настоящая мать. Она не позволит, чтобы у меня были мать с отцом, нормальный дом, настоящая семья.

Из окошка туалета для девочек на третьем этаже можно было тайком выбраться на крышу и спрятаться там за высокой печной трубой из крашеного кирпича. Вечером оттуда были прекрасно видны неоновые буквы РКО; даже с закрытыми глазами можно было ощущать их пульсирующий жар на вытянутых руках и плотно сжатых веках. Запыхавшись, Флис прибегала туда же, обнимала Норму Джин тонкими и сильными, как у мальчишки, руками. Флис, у которой всегда пахло от подмышек и от солевых волос, Флис утешала ее неуклюже и грубо, словно громадный пес. Норма Джин начинала беспомощно рыдать:

– Лучше б она умерла! Как же я ее ненавижу!

Флис терлась теплой щекой о щеку Нормы Джин:

– Ага! Я тоже ее ненавижу, эту суку.

Кажется, в одну из таких ночей они придумали план – как пробраться в больницу в Норуолке и устроить там пожар. Или же Норма Джин что-то путает? Может, это ей приснилось? И она там была, видела пламя, слышала дикие крики, смотрела, как мечется обнаженная женщина с горящей шевелюрой и безумными, но всезнающими глазами. Ох, как же она кричала! *А я лишь зажмурилась и прижала ладони к ушам.*

Много лет спустя Норма Джин навещала Глэдис в Норуолке, говорила с медсестрами и узнала, что весной 1936-го Глэдис пыталась покончить с собой, перерезала себе горло и запястья заколками для волос и «потеряла много крови». А нашли ее в подвале, в котельной.

3

11 октября 1937 г.

Дорогая мама!

Я – Никто! А ты – ты кто?

Может быть – тоже Никто?

Тогда нас двое. Молчок!

Чего доброго – выдворят нас за порог.

Это мое любимое стихотворение из твоей книжки, помнишь ее? «Маленькую сокровищницу американской поэзии»? Ее привезла мне тетя Джесс, и я все время ее читаю и вспоминаю, как ты читала мне эти стихи. Они мне так нравились. Я читаю их и думаю о тебе, мама.

Как у тебя дела? Я о тебе все время думаю и надеюсь, что тебе гораздо лучше. У меня дела хорошо. Не поверишь, как я выросла! Здесь, в приюте, у меня много друзей, и в начальной школе Херста тоже. Я в шестом классе, и я там почти что выше всех. У нас в приюте очень хорошая директриса и весь персонал – тоже хорошие и добрые люди. Строгие, но ведь без этого никак, правда? Потому что нас тут очень много. Мы ходим в церковь, и я пою там в хоре. Хотя, сама знаешь, мне слон на ухо наступил!

Иногда ко мне приезжает тетя Джесс, и мы ходим в кино, и в школе учиться трудновато, особенно по арифметике [sic], но вообще там весело. Если не считать арифметики, все оценки у меня не ниже четверок, а сказать, что у меня по арифметике, мне стыдно. По-моему, мистер Пирс тоже ко мне приезжал.

Есть одна очень милая пара, миссис и мистер Джосайя Маунт, они живут в Пасадене, мистер Маунт работает адвокатом, а у миссис Маунт есть огромный сад, где растут почти одни только розы. Они берут меня на воскресенье и возят на прогулки. И я даже была у них в гостях. И дом у них очень большой и смотрит на пруд. Мистер и миссис Маунт приглашают меня переехать к ним. Жить у них как дочь. Они очень надеются, что ты скажешь «да». И я тоже очень надеюсь.

Норма Джин решилась-таки написать письмо Глэдис. Краснея от смущения, она показала это письмо доктору Миттельштадт – вдруг там что-нибудь не так. Но доктор Миттельштадт похвалила Норму Джин, сказала, что это «очень милое письмо», да и ошибок в нем совсем немного, и она все исправит. Вот только не мешало бы закончить его молитвой.

И Норма Джин приписала внизу:

Молюсь за нас обеих, мама, надеюсь, ты позволишь меня удочерить. От души благодарю тебя за это, и да благословит тебя Бог. Аминь.

Твоя любящая дочь Норма Джин

Двенадцать дней спустя пришел ответ – первое, и последнее письмо от Глэдис Мортенсен, адресованное в сиротский приют Лос-Анджелеса дочери Норме Джин. Письмо на обрывке желтой бумаги, написанное косым и неровным почерком, где строки походили на шеренги подвыпивших муравьев.

Дорогая Норма Джин, если тебе не стыдно говорить такое, вот ты кто в глазах всего мира...

Получила твое поганое письмо & пока жива & способна не допустить такой пакости, знай: никто & никогда не удочерит мою Дочь! Как это можно ее «удочерить», когда у нее есть МАТЬ, которая жива & невредима & обязательно поправится & заберет ее домой.

Прошу, не смей оскорблять меня такими омерзительными просьбами, поскольку они лишь делают мне больно! Не нужен мне твой сраный Бог, чихать я хотела на все Его проклятия & благословения! & буду чихать, пока у меня не отвалится нос! Найму адвоката & будь уверена, сделаю все, чтобы мое оставалось моим до самой Смерти.

«Твоя любящая мама» САМА ЗНАЕШЬ КТО

Проклятие

– Глянь-ка на ту блондиночку! Вот это задница!

Слышишь такое, краснеешь и возмущенно притворяешься, что ничего не слышишь. Идешь по Эль-Сентро, возвращаешься из школы в приют. В белой блузке, голубом джемпере (уже маловат, туго обтягивает бюст и бедра) и белых коротких носках. Тебе двенадцать лет. Но в глубине души чувствуешь себя лет на восемь или девять, не больше, словно развитие твое остановилось, когда ты голой вылетела из спальни Глэдис и с криком бросилась искать помощи и защиты. Убежала от кипятка и горячей постели, своего погребального костра.

Стыд и позор!

И вот он настал, этот день. На второй неделе сентября, когда она пошла в седьмой класс. Не то чтобы этот день застал ее врасплох. Ей просто не верилось. С другой стороны, разве она не слышала разговоров старших девочек и грубых мальчишеских шуток? Разве не смотрела она с отвращением, но замороженно на мерзкие окровавленные «гигиенические прокладки», завернутые в туалетную бумагу, а иногда и незавернутые, в мусорных корзинах в туалете для девочек?

А когда ее заставляли выносить мусор на задний двор приюта, разве не тошнило ее от вони засохшей крови?

Кровавое проклятие, так с ухмылкой повторяла Флис, *и от него никуда не деться.*

Но Норма Джин в глубине души ликовала: *есть куда деться, есть один способ!*

Ни своим подругам по приюту, ни друзьям из школы (там у Нормы Джин имелись среди друзей и дети из нормальных семей, с «настоящими» домами) она никогда не говорила о том, что это за *способ*. А научила ее этому *способу* Христианская наука, премудрости которой раскрыла Норме Джин доктор Миттельштадт. Что Бог – это прежде всего Разум. Что Разум вездесущ, а простой «материи» и вовсе нет на свете.

Что Бог излечивает нас через Иисуса Христа. При условии, что мы безоглядно веруем в Него.

Однако же в тот день, в середине сентября, она вдруг ощутила странную тупую боль в нижней части живота. Случилось это в спортивном зале, где Норма Джин в свободной майке и спортивных штанах играла в волейбол, – для семиклассницы она была довольно рослой и делала успехи в спорте, хотя иногда (из стеснительности) медлила при передаче мяча, чем выводила из терпения других девочек. (На эту Норму Джин никогда нельзя положиться!) А уж как она старалась опровергнуть это суждение, с какой решимостью!.. И все же в тот день в душном спортивном зале она вдруг выронила мяч из рук, чувствуя, что в трусиках собралось что-то горячее. Тут же сильно заболела голова. Уже после урока, в раздевалке, переодеваясь в комбинацию, блузку и джемпер, она твердо вознамерилась не обращать внимания на это происшествие, чем бы оно ни было. Она была потрясена, оскорблена до глубины души: *этого просто не могло с ней случиться!*

– Эй, Норма Джин, что это с тобой?

– Со мной? Со мной все в порядке.

– Но ты выглядишь... – Девочка хотела сочувственно улыбнуться, но вместо этого выплюнула: – Как больная.

– Со мной все в порядке. Может, с *тобой* что-то не так?

И Норма Джин вышла из раздевалки, дрожа от возмущения. *Стыд и позор! Но стыдиться нечего, ибо на все воля Божья.*

И она, не дожидаясь подруг, побежала из школы домой. Обычно они возвращались небольшой группой, в которой выделялись Флис и Дебра Мэй. Но сегодня она предпочла одиночество, шла быстрыми мелкими шажками, стараясь посильнее сжимать бедра, нелепой ути-

ной походкой, в трусиках было мокро, но горячая жидкость течь, похоже, перестала. *Еще бы, ведь она велела ей остановиться! Она не сдалась!* Глаза ее были опущены на тротуар, и она пропускала мимо ушей свист и окрики мальчишек, и школьников, и парней постарше, лет под двадцать, что ошивались на Эль-Сентро-авеню. «Нор-ма Джин!.. Так тебя звать, да, крошка? Эй, Нор-ма Джин!» Ну до чего же он стал тесный, этот джемпер! Она клялась себе, что похудеет. Фунтов на пять! Никогда не буду толстой, как некоторые девчонки в классе, ни за что не отяжелею, как доктор Миттельштадт. *Но плоти не существует, Норма Джин. Материя – это не Разум, а только Разум и есть Бог!*

Только когда доктор Миттельштадт в осторожных выражениях поведала ей правду, она все поняла. Когда она читала книгу миссис Эдди, особенно главу под названием «Молитва», она понимала ее лишь отчасти. Но наедине мысли ее путались, словно кусочки оброненного на пол пазла. Какой-то порядок в них был, но как его найти?

Итак, в тот день мысли ее были подобны падающим осколкам разбитого стекла. То, что простые, непросвещенные люди называли головной болью, было всего лишь иллюзией, слабостью. Однако, прошагав девять кварталов от школы Херста до приюта, Норма Джин почувствовала, что голова у нее просто раскалывается и что она почти ничего не видит.

Ей нужен аспирин. Всего одна таблетка!

Медсестра в лазарете запросто выдавала аспирин, когда тебе нездоровилось. Когда у девочек наступали «критические дни».

Но Норма Джин поклялась, *что не сдастся.*

Все это было испытанием, проверкой, крепка ли ее вера. Разве не сказал Иисус Христос: *ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него?*

Она с отвращением вспомнила, как мать крошила таблетки аспирина, а потом бросала их в стакан фруктового сока (тогда Норма Джин была совсем маленькой), после чего наливала из бутылки без этикетки ложку-другую «лечебной водички» – должно быть, то была водка – Норме Джин в стакан. Самой девочке было тогда всего три – или и того меньше! – и она не способна была защитить себя от этой отравы. От таблеток, спиртного. Христианская наука осуждала все нездоровые привычки. Что ж, придет день, и Норма Джин осудит Глэдис за жестокое обращение с ребенком-несмышлеником. *Она не только травилась сама, она и меня хотела отравить. Я никогда не буду принимать таблеток и не возьму в рот спиртного!*

За ужином, ослабевшая от голода, она не смогла есть из-за тошноты, не сумела проглотить макароны с тертым сыром и оскребышами подгорелого жира со сковородки. Заставила себя прожевать лишь кусок белого хлеба, медленно прожевать и так же медленно проглотить. Убирая со стола, она чуть не выронила поднос с тарелками и столовыми приборами, и выронила бы, не подхвати его какая-то девочка. А потом на душевной кухне пришлось скрестить и отмывать котелки и жирные сковородки под хмурым взглядом поварахи. Из всех работ в приюте эта была самая противная, не лучше, чем мыть туалеты. За десять центов в неделю.

Стыд и позор! Но ты возликуешь над стыдом!

В ноябре 1938-го, когда Норма Джин выйдет наконец из приюта и поселится с приемными родителями в Ван-Найсе, «на счете» у нее будет 20 долларов 60 центов. В качестве прощального подарка доктор Миттельштадт удвоит эту сумму. «Поминай нас добрым словом, Норма Джин».

Иногда – да, но чаще всего нет. Однажды она напишет историю своей сиротской жизни. Ее гордость так дешево не продается.

Если честно, не было у меня никакой гордости! И стыда тоже! Я была благодарна за любое доброе слово, за каждый взгляд встречного парня. Собственное юное тело казалось мне таким странным, словно луковица, что начала разбухать в земле, того и гляди лопнет. Нет, разумеется, она замечала изменения в своей фигуре: как набухают груди, как становятся шире бедра, как округляется «задница» – именно так одобрительно и шутивно-любовно было

принято называть эту часть женского тела. *Славная задница! Ты только глянь, какая славная задница! Эй, детка, детка! Кто она такая? Шикарная телка!* Норму Джин пугали эти анатомические перемены. Если б Глэдис видела, не преминула бы сказать какую-нибудь колкость. Глэдис была такой стройной и гибкой, и ей больше всего нравились женственно-худощавые кинозвезды, вроде Нормы Толмадж, Греты Гарбо, юной Джоан Кроуфорд и Глории Свенсон, а вовсе не мясистые пышки, такие как Мэй Уэст, Маргарет Дюмон или же Мэй Мюррей. Глэдис очень давно не видела Норму Джин и определенно не одобрила бы этих *возрастных изменений*.

Норме Джин и в голову не приходило задуматься, как выглядит сама Глэдис после долгих лет заточения в норуолкской больнице.

То письмо, в котором Глэдис отказалась подписать бумаги на удочерение Нормы Джин, было последним. Да и Норма Джин больше не писала матери писем, разве что посылала, как обычно, открытки ко дню рождения и Рождеству. (А взамен ничего! Впрочем, Христос учил, что давать всегда лучше, чем брать.)

Обычно робкая и послушная, Норма Джин закатила перед Эдит Миттельштадт настоящую истерику. С какой стати ее гадкая мать, больная мать, *гадкая, ужасная, сумасшедшая мать* имеет право ломать ей жизнь? Почему из-за дурацких законов Норма Джин оказалась во власти женщины, закрытой в сумасшедшем доме – не исключено, что навсегда? Это нечестно, это несправедливо, Глэдис просто ревнует ее к мистеру и миссис Маунт и ненавидит *Норму Джин*.

– И это после всех молитв! – рыдала Норма Джин. – Я ведь по вашему совету читала *молитву за молитвой!*

Тут доктор Миттельштадт заговорила с ней сурово и строго, как говорила с остальными сиротами на ее попечении. Упрекнула Норму Джин в «слепом эгоизме». В том, что она читала «Науку и здоровье» без должного внимания. А ведь там ясно сказано, что *молитва не может изменить Науку бытия, она способна лишь смирить нас с нею*.

В таком случае, молча кипела Норма Джин, что толку от всех этих молитв?

– Понимаю твое разочарование, Норма Джин, и твою обиду, – со вздохом добавила доктор Миттельштадт. – Я и сама разочарована. Эти Маунты такие милые люди, добрые христиане, хоть и не сайентисты, и очень тебя полюбили. Но твоя мать... Пойми, ее сознание до сих пор затуманено. Она – ярко выраженный «современный» типаж, «неврастеник». Болеет, потому что сама отравляет себя негативным мышлением. Ты же вольна отринуть такие мысли, и тебе следует ежеминутно возносить хвалу Господу за этот бесценный дар, твою *жизнь!*

Больно нужен ей этот сраный Господь со всеми Его проклятиями и благословениями.

Но она, вытирая детские слезы, выслушивала убедительные речи доктора Миттельштадт и кивала. Да! Так оно и есть.

Директриса говорила с расстановкой, но и с сочувствием. Пытливо смотрела на Норму Джин, и в глазах ее сияла ее душа. И ты почти не видела, что лицо у нее усталое, дряблое и морщинистое, не видела, что мягкие руки покрыты печеночными пятнами (она не замазывала эти пятна тональным кремом и не прятала их под длинными рукавами, ибо, в отличие от других женщин, не была тщеславна), а на подбородке пробились жесткие волоски. Словно на киноэкране видела Норма Джин все эти пугающие изъяны. Ведь согласно логике кино, эстетика превалирует над этикой. Быть «некрасавицей» прискорбно, но быть «некрасавицей» по собственному выбору просто аморально. При виде доктора Миттельштадт Глэдис содрогнулась бы. Глэдис насмеялась бы над ней у нее за спиной, широченной спиной, затянутой в темно-синий серж. Но Норма Джин восхищалась директрисой Миттельштадт. *Она сильная. Ей плевать, что думают другие. И правильно.*

А доктор Миттельштадт тем временем говорила:

– Я тоже заблуждалась. Меня ввели в заблуждение врачи из норуолкской больницы. Возможно, тут нет ничьей вины. Но мы, Норма Джин, можем отдать тебя в отличную приемную семью, и для этого не потребуется согласия твоей матери. Я найду семью сайентистов, милая. Обещаю.

Семью сайентистов? Да хоть какую.

И Норма Джин пробормотала тихо:

– Спасибо, доктор Миттельштадт.

А потом вытерла покрасневшие глаза предложенным ей платком. Казалось, она стала меньше ростом, снова превратилась в робкую и послушную девочку и заговорила детским голоском. И доктор Миттельштадт сказала:

– В этом же году, к Рождеству, Норма Джин! С Божьей помощью. Обещаю.

Нет, вряд ли это совпадение, что вторым именем Мэри Бейкер Эдди было *Бейкер*, а фамилия Нормы Джин Бейкер тоже была *Бейкер*, думала Норма Джин и вся светилась от радости.

В школе Норма Джин нашла в энциклопедии статью о МЭРИ БЕЙКЕР ЭДДИ и узнала, что основательница «Сайентистской Церкви Христа» родилась в 1821 году, а умерла в 1910-м. Не в Калифорнии, но это не так уж и важно; люди путешествуют по всей стране, то поездом, то самолетом. Первый муж Глэдис, мужчина по фамилии Бейкер, тоже отправился в путешествие и исчез из ее жизни. Возможно – почему бы и нет? – он был родственником миссис Эдди. Ведь неспроста же «Бейкер» было вторым ее именем. Наверняка она в каком-то смысле тоже была Бейкер.

Во Вселенной, созданной Господом, как и в любом пазле, не бывает случайных совпадений.

Моей бабушкой была Мэри Бейкер Эдди.

Моей бабушкой со стороны отца.

Потому что моя мать вышла замуж за сына миссис Эдди.

Правда, он не был мне родным отцом, но он меня удочерил.

Мэри Бейкер Эдди была мне приемной бабушкой.

И доводилась свекровью моей матери.

Но сама мать не была знакома с миссис Эдди.

Лично, я имею в виду.

Я и сама никогда не была знакома с миссис Эдди,

Которая основала «Сайентистскую Церковь Христа».

Она умерла в 1910-м.

Я родилась 1 июня 1926 г.

Этот факт мне доподлинно известен.

Она съеживалась под взглядами мальчишек постарше. Сколько же их, этих глаз! И в них всегда ожидание. Новая, средняя школа находилась по соседству с первой, начальной. И ходить в нее теперь... о, это совсем не то, что в шестой класс.

Норма Джин старалась затеряться среди девочек. То был единственный способ защиты. И еще этот голубой джемпер, так тесно обтягивающий грудь и бедра. Он все время задирался вверх, заворачивался швом наружу. А вдруг и комбинация видно? Почему-то обязательно приходилось надевать комбинацию, у которой все время перекручивались и пачкались бретельки. Под мышками полагалось мыть два раза в неделю. Но иногда этого было недостаточно. В школе шутили: *от сирот воняет!* Крикнув такие слова, мальчишка картинно зажимал нос и морщился, и все вокруг непременно смеялись.

Даже приютские дети смеялись. Те, кто знал – к ним это не относится.

Эти мерзкие шутки про девочек! Про их особый запах. *Проклятие. Кровавое проклятие.* Нет, она не будет об этом думать, никто не заставит ее думать об этом.

Несколько недель она не решалась попросить воспитательницу выдать ей джемпер на размер больше. Потому что знала: эта женщина обязательно отпустит ехидное замечание. *Растешь как на дрожжах, да? Наверное, это у вас семейное.*

За «гигиеническими прокладками» нужно было идти в лазарет. Все девочки, что постарше, за ними ходили. А Норма Джин не пойдет. И цыганить аспирин тоже не пойдет. Все эти способы не для нее.

Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу.

Так говорилось в Новом Завете, в Евангелии от Иоанна, и Норма Джин часто шептала эти слова себе под нос. Ибо перво-наперво доктор Миттельштадт прочитала ей в тиши своего кабинета историю о том, как Иисус исцелил слепца, просто взял и исцелил. *Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому*, и глаза слепца открылись, и он прозрел. Вот и все. Если, конечно, веруешь.

Бог есть Разум. Излечиться можно лишь через Разум. Если веруешь, нет для тебя ничего невозможного.

И однако – правда, об этом она никогда не расскажет ни доктору Миттельштадт, ни даже подружкам, – ее постоянно преследовало видение наяву, любимое видение, словно нескончаемый фильм. Видение о том, как она срывает одежды, чтобы ее *увидели*. Повсюду – в церкви, в столовой, в школе, на Эль-Сентро-авеню с ее шумным движением. *Смотрите на меня, смотрите, смотрите!*

Ее Волшебному Другу в Зеркале был неведом страх. Боялась только сама Норма Джин.

Ее Волшебный Друг в Зеркале проделывал нагишом разные пируэты, крутил хулахуп, покачивал бедрами и грудью, улыбался, улыбался и улыбался, торжествуя в своей наготы перед Богом, как торжествует змея, гордится своей гладкой блестящей кожей.

Потому что тогда я буду не так одинока. Пусть даже все вы станете осыпать меня бранью.

Ибо вы не сможете смотреть ни на кого, кроме МЕНЯ.

– Эй, поглядите-ка на Мышку! Хоро-ошенькая!

Одна из девочек раздобыла пудреницу с ароматной пудрой персикового цвета и страшно затертой пуховкой. Другая нашла яркую кораллово-розовую помаду. Эти драгоценные предметы «находили» в школе или в Вулворте²⁰, если повезет, конечно. В приюте девочкам моложе шестнадцати запрещалось пользоваться косметикой. Однако они, спрятавшись где-нибудь в укромном уголке, старательно пудрили свои вымытые до блеска лица и мазали губы помадой. Норма Джин разглядывала себя в мутном зеркальце пудреницы с чувством вины – или возбуждения? – острым и резким, как боль между ногами. Да она, оказывается, *действительно* хорошенькая, хоть и не одна такая.

Девочки дразнили ее. Она краснела, она терпеть не могла, когда ее дразнят. Вообще-то, раньше дразнилки ей даже нравились. Но сейчас в них было нечто новое, пугающее, непонятное. Рассердившись, чего подружки никак не ожидали от робкой Мышки, она сказала:

– Ненавижу! Ненавижу всю эту фальшь! Ненавижу этот *привкус*!

Она оттолкнула пудреницу и стерла ярко-коралловую помаду с губ.

Но сладкий восковой привкус остался на всю ночь.

²⁰ Вулворт – сеть дешевых универмагов в США.

Она молилась, молилась, молилась, *молилась*. Чтобы прошла боль в голове и между ногами. Чтобы остановилось кровотечение (если это и правда было кровотечение). Она отказывалась лечь в постель, потому что время спать еще не пришло, потому что не хотела сдаваться. Потому что другие девочки догадались бы. Потому что тогда она стала бы такой же, как они. А Норма Джин не такая, как они. Потому что у нее была вера, и не было ничего, кроме веры. Потому что ей нужно делать уроки, огромное домашнее задание. Ученицей она была нерасторопной. Прятала страх за улыбкой, даже когда бывала одна и рядом не было учительницы, на которую требовалось произвести хорошее впечатление.

Она была уже в седьмом классе. Занималась математикой. Домашнее задание напоминало путаницу из узелков, и ее нужно было распутать. Но стоило только развязать один узелок, как за ним появлялся второй; развяжешь его – тут же возникнет следующий. И новая задача всегда была сложнее предыдущей. *Черт побери!* Да Глэдис просто бы разрубила узел, вместо того чтобы его распутывать, взяла бы ножницы и *чик-чик!* Так она вырезала колтуны из волос дочери. *Черт побери*, иногда проще взять ножницы – *чик*, и все!

До девяти, до того как выключат свет, оставалось всего минут двадцать. О как она спешила! Закончив с уборкой на кухне, с жирными, противными котелками и сковородками, она заперлась в туалете и не глядя напихала в трусики туалетной бумаги. Но теперь вся эта бумага намокла, напиталась той жидкостью, что Норма Джин отказывалась признать за кровь. Совать туда палец? Да никогда в жизни! Ох какая мерзость. Флис, бесшабашная, нахальная и несносная кривляка, могла остановиться прямо на лестнице, по которой шумной толпой сбегает мальчишки, отойти в сторонку, сунуть палец под юбку, потом – в трусики. «Э, аббат пожаловал!» Увидев, что начались месячные, Флис поднимала блестящий красный палец, показывала его другим девочкам, а те возмущенно охали и хохотали. Норма Джин крепко зажмурилась, голова у нее кружилась.

Но я не Флис.

Я не такая, как вы.

Среди ночи Норма Джин часто вставала и тайком пробиралась в туалет. Девочки спали. Ей же нравилось не спать в такой поздний час. Не спать и быть наедине с собой. Много лет назад Глэдис так же бродила по дому среди ночи, точно большая неугомонная кошка, не могла уснуть или не хотела. С сигаретой в одной руке, иногда со стаканом в другой, она нередко подсаживалась к телефону. Словно в киносцене, и слова доносились до Нормы Джин сквозь ватное покрывало сна. *Ну привет, думал обо мне, да? Ага, конечно. Да ну?! Ну и что думаешь делать? Ага, ага. Но нас будет трое. Ну, ты меня понял.*

В такие моменты в грязном зловонном туалете она волновалась, как будто в кинотеатре, перед тем как погаснут огни, раздвинется занавес и начнется фильм. Но только в том случае, когда Норма Джин точно знала, что она здесь одна. Она снимала ночную рубашку, как снимают в кино накидку, плащ или облегающее платье, и тут же начинала тихо пульсировать киномузыка – по мере того как обнажался в зеркале ее Волшебный Друг. Который прятался доселе под этой жалкой рубашкой и только и ждал, когда бы обнажиться. Девочка, только что бывшая Нормой Джин, уже была не Нормой Джин, а незнакомкой. Девочкой во всех отношениях особенной, какой Норме Джин не стать никогда.

Она с удивлением отмечала, что ее прежде тоненькие руки и плоская, как у мальчишки, грудь теперь словно «наполняются» – именно так, с одобрением, называла она это чудо. Что маленькая твердая грудь быстро растет, становится упругой, а бледно-сливочная кожа на удивление нежна. Сложив ладони в чашечки, она брала в них грудь и не могла налюбоваться – надо же, соски, а вокруг сосков мягкая коричневая кожа, и соски твердеют, а кожа вокруг покрывается гусиными пупырышками. Странно, что у мальчишек тоже есть соски, грудей нет, а соски есть (и мальчишкам от них никакой пользы, ведь кормить ребенка может только женщина). И еще Норма Джин знала (ее сто раз заставляли смотреть!), что у мальчиков есть пенисы –

«штуковины», как их еще называли, «болты», «члены» – липкие колбаски между ногами. Из-за них мальчишки были мальчишками и важничали, а девочкам не положено было важничать, потому что не такие уж они важные. И разве не заставляли ее смотреть (правда, то было очень смутным воспоминанием, и неизвестно, всамделишным или нет) на толстые, набухшие влажные и горячие «штуковины» взрослых мужчин, бывших когда-то друзьями Глэдис?

Хочешь потрогать, лапочка? Не бойся, не укусит.

– Норма Джин?.. Эй!

Это подошла Дебра Мэй и ткнула ее пальцем в ребра. Сама Норма Джин навалилась грудью на исцарапанный стол и хватала ртом воздух, как рыба. Кажется, она даже потеряла сознание, но если и так, то всего на минуту. Боли она не чувствовала, а капли горячей крови сочились как будто и не из нее вовсе. Она слабо оттолкнула руку Дебры Мэй, но та заметила резко:

– Эй, ты что, с ума сошла? Ты же кровью истекаешь! Не видишь, что ли? Вон, посмотри-ка на стул! Гос-споди!..

Залившись от стыда краской, Норма Джин с трудом поднялась из-за стола. Тетрадка по математике упала на пол.

– Уйди. Отставь меня в покое.

В ответ Дебра Мэй сказала:

– Да ты посмотри сама. Это *по-настоящему*. И спазмы *настоящие*. И кровь *настоящая*. У тебя месячные, вот что у тебя.

Норма Джин, пошатываясь, вышла из комнаты для учебы. Перед глазами все плыло. По внутренней поверхности бедра сбегала струйка горячей жидкости. Она молилась и, закусив нижнюю губу, приказывала себе не сдаваться. И еще не хотела, чтобы ее трогали и жалели. За спиной слышались чьи-то голоса. Спрятаться под лестницей, забиться в чулан. Укрыться, запереться в кабинке туалета. Вылезти из окна, пока никто не видит. А потом ползком, на четвереньках добраться до конька крыши.

И перед ней распахнется ночное небо с грядями темных облаков, а за ними – бледная четвертинка луны, и свежий холодный ветер ударит в лицо, и в милях от нее замигают знакомые буквы РКО. *Разум есть единственная Истина. Бог есть Разум. Бог есть Любовь. Любви Божественной всегда хватало и будет хватать для любой человеческой потребности.*

Что? Кто-то окликает ее по имени? Она не расслышала.

Ее охватила радость, уверенность в своих силах. Она сильна и станет еще сильнее! У нее есть силы и воля перетерпеть всю эту боль и страх. Она это знает. Знает, что получила на это благословение и Божественная Любовь переполняет ей сердце.

И вот уже боль, пульсирующая в теле, отступает, словно это боль другой, более слабой девочки. Она вышла, выкарабкалась из этой боли благодаря волевому усилию! Поднялась на покату ю крышу приюта к небу, где громоздятся облака, похожие на ступени, ведущие все выше и выше, и края их освещены ушедшим за горизонт солнцем. Один неверный шаг, одно неловкое движение, секунда замешательства или сомнения – и она полетит вниз и будет лежать на земле, точно сломанная кукла. Но этого не случится, *повелеваю, чтобы этого не случилось*. И этого не случилось. Она поняла, что отныне сама будет управлять своей жизнью, до тех пор пока сердце ее переполняет Божественная Любовь.

К Рождеству, так ей обещали. Но где же он, новый дом Нормы Джин?

Девушка 1942–1947

Акула

Сперва были лишь очертания акулы, потом появилась сама акула. Глубокая зеленая вода тиха и неподвижна. Акула скользит в зеленой глубине. Должно быть, я сама была под водой, за линией прибоя, но не плыла, нет – глаза мои были открыты, их щипало от соли. В те дни я неплохо плавала, дружки возили меня на пляжи Топанга, Уилл-Роджерс, Лас-Тунас, Редондо, но любимыми моими местами были Санта-Моника и Венис-Бич. Последний еще называли «пляжем мускулов», там тусовались симпатичные культуристы и серферы. И я все смотрела и смотрела на нее, на акулу, на очертания акулы, скользившей в глубине темных вод, хоть и не могла оценить ее размеров, даже понять, что это была за акула.

Акула нападает в самый неожиданный момент. Создатель дал ей огромные цепкие челюсти и ряды острых как бритва зубов.

Как-то мы видели пойманную акулу. Еще живая, она висела на пирсе в Эрмозе, и из нее хлестали потоки крови. Мы с женихом. Мы только что отпраздновали помолвку. Мне было всего пятнадцать, совсем еще девчонка. Господи, как же я была счастлива!

Да, но ты же знаешь, что ее мать в Норуолке.

Я не на матери женюсь. Я женюсь на Норме Джин.

Она хорошая девочка. По крайней мере, похоже на то. Но по молодым это не всегда видно.

Что не всегда видно?

То, что будет дальше. С ней.

Я этого не слышала! Просто не слушала. Позволь напомнить, что я была на седьмом небе от счастья. Надо же, всего пятнадцать – и уже помолвлена, и все девочки страшно завидуют, а замуж выйду сразу, как только исполнится шестнадцать. И это вместо того, чтобы еще целых два года ходить в школу. Тем более какая тут может быть уверенность в будущем, когда США вступили в войну, прямо как в «Войне миров»?

«Пора замуж»

1

– Знаешь, что я думаю, Норма Джин? Тебе пора *замуж*!

Эти бойкие слова вылетели неожиданно – так бывает, когда включишь радио, а там кто-то поет. Она не планировала их произносить. Она была не из тех женщин, что сначала думают, а потом говорят. Она понимала, что именно хочет сказать, только когда слышала звук собственного голоса. Она редко сожалела о своих словах, просто говорила, когда хотела что-нибудь сказать. Так и надо, верно? А уж если сказано – значит сказано. Она распахнула затянутую москитной сеткой дверь, ведущую на заднее крыльцо, где стояла гладильная доска, а у доски стояла девушка. Корзина с бельем почти уже опустела, и над головой, на проволочных вешалках, болтались рубашки Уоррена с короткими рукавами, и Норма Джин смотрела на Элси и улыбалась.

Она то ли не расслышала ее, то ли расслышала, но не поняла, то ли приняла слова Элси за шутку. Норма Джин была в коротеньких шортах, топе в черно-белую горошину – таком, что виден был верх белой округлой груди. Лоб блестел от испарины, на ногах и под мышками – светлый пушок, а непослушные каштановые кудри убраны под старую косынку Элси, чтобы не падали на лицо. Ну просто солнечная девушка! Прелесть, а не девушка. Всегда радостная, веселая. Совсем не похожа на других девушек, которые, если даже подойти к ним с улыбкой, тарашатся и кривятся, словно ты собралась их отколошматить. В доме было несколько детей помоложе, мальчиков и девочек, и они могли даже описаться, если подходишь к ним неожиданно. Но Норма Джин не такая. Норма Джин вообще не была похожа на детей, которых они брали раньше.

В том-то и беда. Норма Джин – особый случай.

Она живет с ними уже восемнадцать месяцев. На втором этаже, в одной комнате с двоюродной сестрой Уоррена, та работает на «Радиоплейн Эйркрафт». Она понравилась им с первого взгляда. Можно даже сказать, хотя это было бы, наверное, преувеличением, они почти полюбили ее. Потому что она разительно отличалась от всех остальных детей, которых присылал сюда округ. Тихая, но внимательная, всегда готовая улыбнуться, всегда хохочущая над шутками (а в доме Пиригов уж чего-чего, а пошутить любили, будьте уверены!). Не гнушалась никакой работы по дому, а иногда брала на себя обязанности других ребятешек. И в мансарде на ее половине всегда было чисто прибрано, а постель застлана аккуратно, как учили в приюте. И еще, садясь за стол, она всегда опускала глаза и произносила про себя молитву, даже если, кроме нее, никто не молился. И Лиз, двоюродная сестра Уоррена, всегда смеялась над ней и говорила, что она столько молится на коленях у кровати, что даже странно, как это она до сих пор ни до чего не домолилась.

Но Элси никогда не смеялась над Нормой Джин. Девочка была такая робкая, что, если на кухне в мышеловку попадала мышь и принималась волочь ее за собой по полу, или Уоррен давил каблуком таракана, или сама Элси прихлопывала муху мухобойкой, у Нормы Джин делалось такое лицо, словно наступил конец света. Не говоря уже о том, как она выбегала из комнаты, стоило лишь заговорить о каких-нибудь ужасах (к примеру, о некоторых новостях с войны или о марше смерти после битвы Коррегидора, когда людей хоронили живьем). И ее, конечно, мутило, когда они с Элси потрошили и оципывали цыплят, но Элси никогда над ней не смеялась. Элси всегда хотелось дочку, а Уоррен вряд ли согласился бы брать приемных детишек, если бы не деньги, а деньги лишними не бывают. Уоррен был из тех мужчин, что

хотят только собственных детей или вообще никаких. Но даже он всегда отзывался о Норме Джин добрым словом. В общем, как бы ей это сказать?

Все равно что свернуть котенку шею. Но, видит Бог, никуда не денешься.

– Угу. Я тут подумала, что пора бы тебе замуж.

– Тетя Элси, вы чего?

Чье-то громогласное пение доносилось из пластмассового радиоприемничка на перилах крыльца, похоже на как его там? Карузо? Элси сделала то, чего прежде никогда не сделала бы. Подошла и выключила радио.

– Ты когда-нибудь об этом думала? Ну, замуж выйти? В июне тебе будет шестнадцать.

Норма Джин с непонимающей улыбкой смотрела на Элси, не выпуская из руки тяжелого утюга. Даже растерявшись, девочка не забыла снять раскаленный утюг с гладильной доски.

– Сама я вышла замуж почти в таком же возрасте. Правда, были кое-какие обстоятельства...

– 3-замуж?.. – пробормотала Норма Джин. – Я?

– Ну, – расхохоталась Элси, – не я же! Мы же не обо *мне* говорим!

– Но у меня... даже нет постоянного парня.

– Полно у тебя парней.

– Да, но *постоянного* нет. Я не *в-влюблена*.

– Влюблена? – снова рассмеялась Элси. – Ну, влюбиться ты всегда успеешь. В твоём возрасте влюбляются быстро.

– Вы меня дразните, да, тетя Элси? Нет, скажите, вы меня дразните, да?

Элси нахмурилась. Нашарила в кармане пачку сигарет. Она была без чулок, но в домашних тапочках. Бледные ноги с венозной сеткой все еще сохранили стройность, если не считать опухших коленей. На ней был дешёвый ситцевый халатик на пуговицах, не слишком чистый. Она потела сильнее, чем хотелось бы, от подмышек пахло. Она не привыкла, что в доме кто-то способен поставить ее слова под вопрос, за исключением Уоррена Пирига, и пальцы ее задержались – скверный признак. *А что, если сейчас я влеплю тебе пощечину, ты, хитрая сучка с невинной физиономией?*

Ярость захлестнула ее так внезапно! Хотя она знала, конечно, знала, что Норма Джин тут не виновата. Виноват муж, да и он, несчастный придурок, виноват лишь отчасти.

Так она считала. Исходя из того, что она видела собственными глазами. Но, возможно, она видела далеко не все?

Она видела это уже несколько месяцев и уже не могла такого видеть без того, чтобы не утратить к себе уважения. Видела, как Уоррен смотрит на эту девчонку. А Уоррен Пириг был не из тех, кто любит смотреть на людей. При разговоре он странно скашивал глаза, отводил их в сторону, словно на вас и смотреть не стоит, словно он уже видел вас и все про вас понял. Даже общаясь с собутыльниками, которых он любил и уважал, он почти все время смотрел куда-то в сторону, словно друзья его не заслуживали взгляда. Левый глаз ему повредили, когда он служил в армии США на Филиппинах и занимался там любительским боксом. Правый глаз видел на единицу, вот Уоррен и отказывался носить очки, говорил, что «они ему мешают».

Если уж быть честным до конца, следовало признать, что Уоррен и на самого себя толком не смотрел, не следил за собой. Вечно куда-то торопился, брился через раз, надевал чистые рубашки, только когда их подсовывала ему Элси. Грязные она прятала в бельевой корзине, откуда муж не стал бы их выуживать. Для продавца, пусть даже продавал он металлолом, подержанные покрышки, автомобили и грузовики не первой свежести, Уоррен не слишком-то старался произвести на людей хорошее впечатление. А ведь какой симпатичный был парень, молодой, стройный, в форме, когда семнадцатилетняя Элси впервые увидела его в Сан-Фернандо! Теперь он уже не был молод и строен и давным-давно не носил военной формы.

Может, если бы перед ним вдруг предстал Джо Луис²¹ или президент Рузвельт, Уоррен Пириг удостоил бы их своим вниманием. Но чтоб обычного человека или тем более пятнадцатилетнюю девчонку – да никогда в жизни!

Элси видела, как муж провожает взглядом Норму Джин и глазные яблоки в глазницах у него перекатываются, словно шарики в корпусе подшипника.

Он никогда не смотрел так ни на одного из окружающих детей, ну разве что кто-то из них проказничал или собирался напроказить. Но на Норму Джин он прямо *пялился*.

Только не за едой. Элси это заметила. Нарочно, что ли? Ведь то было время, когда они собирались за столом все вместе, сидели близко, лицом друг к другу. Уоррен был мужчина крупный, любил поесть, а потому блюда подавались основательные, «для еды, а не для баловства», как он любил выражаться. Норма Джин обычно сидела за столом тихо, лишь изредка хихикая над шуточками Элси, но сама почти ничего не говорила. Эти манеры «маленькой леди», которым ее обучили в приюте, в доме Пиригов выглядели, на взгляд Элси, несколько комично.

Итак, она вела себя скромно и тихо и ела примерно столько же, сколько и остальные, за исключением, разумеется, Уоррена. Уоррен, сидя рядом с Нормой Джин, никогда на нее не смотрел, равно как и на всех остальных тоже, лишь читал газету, сложенную по вертикальному сгибу. И это не расценивалось как грубость, просто таков уж он был, Уоррен Пириг. Но в другие моменты, даже когда Элси была рядом, Уоррен неотрывно следил за девушкой. С таким видом, будто не понимает, что делает; и эта беспомощность в нем, это болезненное и потерянное выражение на лице – на израненном лице, это лицо напоминало изображение горной местности на карте – все это западало Элси в душу, и она начинала об этом думать и ловила себя на этих мыслях даже в те минуты, когда ей казалось, что она вовсе ни о чем не думает. Элси была не из задумчивых. Были родственники, с которыми она враждовала уже лет двадцать, были старые подружки, увидев которых на улице она переходила на другую сторону, не желая даже здороваться; но чтобы о ком-то из них думать? Нет, она просто выбрасывала их из головы, и все.

Но теперь в ее сознании точно появился уголок для грязных мыслей о муже и этой девчонке; и Элси это страшно не нравилось, потому что Элси Пириг всегда была не из ревнивых, гордость не позволяла. А тут вдруг она поймала себя на том, что роется в вещах этой девчонки, в маленькой комнатке под самой крышей, где уже в апреле жарко и душно, как в печке, и осы гудят под карнизом. Но нашла она лишь дневник Нормы Джин в красном кожаном переплете, который девочка и без того уже успела ей показать. Норма Джин очень гордилась этим подарком от директрисы лос-анджелесского приюта.

Элси перелистывала дневник, руки у нее дрожали (у нее! Элси Пириг! да она ли это?), она боялась увидеть то, чего ей вовсе не хотелось увидеть. Однако ничего интересного в дневнике Нормы Джин не обнаружилось, по крайней мере на первый взгляд. Там были стихи, переписанные, по всей видимости, из каких-то книжек или учебников аккуратным школьным почерком Нормы Джин.

Птичка в небо залетела высоко,
Что уже как будто и не в небе.
Рыба в море заплыла так глубоко,
Что уже и плыть как будто негде.

И еще:

²¹ Джо Луис (1914–1981) – профессиональный боксер, негр, многократный чемпион мира в тяжелом весе.

Если видит все слепой,
Как же быть тогда со мной!

Это стихотворение Элси понравилось, но она не понимала смысла других, особенно если рифма в них была нечеткой, не такой, как положено в стихах.

Сама я Смерти не звала,
Но Смерть была ко мне добра,
Приехала и увезла в карете.
Втроем в карете – я, Она
И, кажется, Бессмертие.

Еще менее понятными были молитвы – по догадке Элси, молитвы Христианской науки. Очевидно, бедняжка свято верила во всю эту чепуху, которую столь прилежно переписала, по молитве на страничку.

Отец Небесный
Дай мне слиться с Твоим совершенством
Во всем что Вечно – Духовно – Гармонично
И пусть Божественная Любовь отринет все Зло
Ибо Божественная Любовь Вечна
Помоги мне любить Тебя как любишь Ты
И нет БОЛИ
Нет БОЛЕЗНИ
Нет СМЕРТИ
Нет ПЕЧАЛИ
Лишь одна БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ
ОТНЫНЕ И ВО ВЕКИ ВЕКОВ.

Как хотя бы понимать все это, не говоря уже о вере? Может, душевнобольная мать Нормы Джин тоже была последовательницей Христианской науки и девочка от нее всего этого нахваталась? Тогда удивляться нечему. Интересно, не эта ли ересь подтолкнула несчастную к самому краю? Или она, оказавшись на краю, вцепилась в Христианскую науку в попытке спастись? Элси перевернула еще одну страницу.

Отец Небесный
Спасибо Тебе за новую Семью!
Спасибо за тетю Элси, которую я так люблю!
Спасибо за мистера Пирига, который так добр ко мне!

Спасибо за этот новый Дом!
Спасибо за новую школу!
Спасибо за новых друзей!
Спасибо за новую жизнь!
И помоги моей Маме поправиться
И пусть над ней воссияет Вечный Свет
И будет освещать всю ее жизнь
И помоги Маме любить меня
Так, чтобы она больше никогда не захотела сделать мне больно!
Благодарю Тебя Отец Небесный. АМИНЬ.

Элси быстро захлопнула дневник и сунула его в ящик комода, под белье Нормы Джин. Ощущение было такое, будто ее пнули в живот. Она была не из тех женщин, что любят рыться в чужих вещах, она терпеть не могла тех, кто сует нос в чужие дела. И черт побери, как же ей было противно, что Уоррен и эта девчонка довели ее до такой крайности!

Спускаясь по лестнице, она чуть не упала, так разволновалась. И твердо решила: надо убедить Уоррена, что девочке здесь не место. Она должна уйти.

Но куда?

Мне плевать куда, к чертовой матери! Вон. Вон из этого дома!

Ты что, взбесилась? Снова отправить ее в приют? Без всяких на то причин?

Хочешь, чтобы я ждала, пока она появится, эта причина? Ты, сволочь?

Называть Уоррена Пирига сволочью весьма рискованно, пусть даже ты рыдаешь от обиды. Тебе вполне могут врезать кулаком по физиономии. Ей довелось видеть однажды (правда, тогда Уоррен был пьян и взбешен сверх всякой меры; были особые обстоятельства, поэтому она его и простила), как он пробил кулаком дверь, которую она успела захлопнуть и запереть за собой. В последний раз, когда врач его взвешивал, Уоррен Пириг весил двести тридцать фунтов, а она, Элси, ростом пять футов два дюйма, – всего около ста сорока фунтов. Дальше считайте сами!

Как говорят про боксеров, они в разных весовых категориях.

Итак, Элси решила ничего не говорить Уоррену. И держаться от него подальше, как женщина, которая уже в чем-то провинилась. Как в песне Фрэнка Синатры, которую все время передают по радио: «Никогда не улыбнусь я снова». Но Уоррен работал по двенадцать часов в сутки, возил истертые шины на завод на восточной окраине Лос-Анджелеса, где их скупали на переработку. И до 6 декабря 1941 года, то есть ровно за день до Пёрл-Харбора, платили ему меньше пяти центов за фунт. («Интересно, сколько же они теперь платят?» – взволнованно спрашивала Элси, и Уоррен, глядя куда-то поверх ее головы, отвечал: «Едва хватает, чтобы окупить все эти хлопоты»). Они были женаты вот уже двадцать шесть лет, но Элси так и не знала, сколько же в год зарабатывает Уоррен наличными.)

Это означало, что Уоррена не бывало дома целыми днями, а когда он поздним вечером возвращался к ужину, ему было не до болтовни. Он мыл лицо и руки до локтей, доставал из холодильника бутылку пива и садился за стол. Ел, а потом, покончив с едой, отваливался от стола, и уже через несколько минут из спальни доносился его храп. Он валился на кровать в одежде и, едва успев снять ботинки, засыпал мертвым сном. Если она, Элси, будет держаться от него на почтительном расстоянии, пусть даже с поджатыми губами и исполненная негодования, он того не заметит.

Завтра у них была большая стирка, и Элси даже позволила Норме Джин пропустить утренние занятия в школе, чтобы та помогла ей с подтекающей стиральной машиной марки «Кельвинатор», и отжималкой, в которой вечно что-то заедало, и корзинами с выстиранной одеждой, которые надо было выносить на задний двор, чтобы развесить белье на веревках (вообще-то, это было против правил округа – не пускать ребенка в школу по столь неуважительной причине, но Элси знала: Норма Джин никогда не проболтается, в отличие от пары других неблагодарных негодяек, которые в прошлом не раз закладывали ее властям).

Пожалуй, сейчас было не самое подходящее время заводить столь серьезный разговор, пока Норма Джин, веселая, вспотевшая, безропотно делала всю эту нелегкую работу. Она даже напевала себе под нос приятным хриловатым голосом популярные песенки из еженедельной передачи «Ваш хит-парад». Норма Джин поднимала влажные простыни тонкими, но на удивление сильными руками и закрепляла их прищепками на веревке, а Элси – в соломенной шляпе, чтобы защитить глаза от солнца, с сигаретой «Кэмел» во рту – пыхтела, как старая кляча. Несколько раз Элси, оставив Норму Джин одну во дворе, заходила в дом – то в туалет, то выпить чашечку кофе, то позвонить по телефону. Стояла, прислонившись к кухонной

столешнице, и видела в окне пятнадцатилетнюю девочку: та, стоя на цыпочках, как балерина, развешивала белье; видела ее симпатичную круглую попку и любовалась ею, хоть Элси и не была лизой.

Говорили, Марлен Дитрих была лизой. И Грета Гарбо. И, кажется, еще Мэй Уэст?

Она глаз не сводила с Нормы Джин, сражавшейся с бельем на заднем дворе. Пальмы как крысиные хвосты, под ногами хрустит высохшая крошка листвы. Девочка аккуратно вешает спортивную рубашку Уоррена, и та парусит на ветру. И огромные шорты Уоррена, которые от порывов ветра заворачиваются вокруг ее головы. Будь он трижды проклят, этот Уоррен Пириг! Что у него с Нормой Джин? Или все это лишь в голове Уоррена, в том его тупом тоскливом взгляде, какого Элси не видела в его глазах – да и в глазах других мужчин – вот уже лет двадцать? Чистой воды физиология, мужчина в таких случаях за себя не отвечает, и винить его никак нельзя, верно? И себя винить нельзя.

Но она, его жена, должна себя защитить. Женщина должна защищать себя от таких девушек, как Норма Джин. Она уже видела, как сзади к девушке подбирается Уоррен, причем с грацией, которую не ожидаешь от мужчины такого телосложения. Ну, разве что вспомнишь, что он был боксером, а боксеры, как известно, двигаются быстро и ловко. Вот Уоррен хватает девушку за задницу, сжимает в ладонях обе ягодицы-дыньки. Норма Джин резко оборачивается, она удивлена, она такого не ожидала. А он тычется лицом ей в шею, и ее длинные каштановые кудри закрывают его лицо, словно штора.

Элси почувствовала, как в животе у нее что-то сжалось.

– Как можно ее отослать? – произнесла она вслух. – Ведь у нас больше никогда такой не будет.

Когда к половине одиннадцатого утра все белье висело на веревках, Элси отправила Норму Джин в ван-найскую школу с объяснительной запиской для директора:

Прошу простить мою дочь Норму Джин за опоздание. Мне, ее матери, потребовалось съездить к врачу, я плохо себя чувствовала и не рискнула ехать одна в оба конца.

То была новая отмазка, раньше Элси такой не пользовалась. Ей не хотелось слишком часто прикрываться здоровьем Нормы Джин. Ведь рано или поздно в школе могут полюбопытствовать, почему девочка слишком часто пропускает занятия по причине, как писала Элси в записках, *мигрени* или *сильных спазмов*.

Головная боль и спазмы по большей части были правдой. Бедняжка Норма Джин действительно мучилась ими во время месячных, в ее возрасте Элси не испытывала ничего подобного – да не только в этом возрасте, вообще никогда. Наверное, девочку следовало показать врачу. Если она согласится, конечно. Норма Джин лежала или наверху, на кровати, или внизу, на плетеной кушетке, чтобы быть поближе к Элси, вздыхала, постанывала, а иногда даже тихонько плакала, бедняжка. Лежала с грелкой на животе, что вроде бы дозволялось Христианской наукой; Элси подсыпала мелко размолотый аспирин ей в апельсиновый сок, немного, чтобы было незаметно. Бедная дурочка, ее убедили, что лекарства «противоестественны», она считала, что излечить может лишь Иисус, если твоя вера в Него достаточно крепка. Ну конечно, можно подумать, только Иисус способен вылечить тебя от рака, или прирастить новую ногу взамен оторванной, или восстановить зрение в глазу с поврежденной сетчаткой, как у Уоррена! Только Иисус способен вылечить искалеченных детей, жертв гитлеровского *люфтваффе*, чьи снимки напечатаны в журнале «Лайф»!

Итак, пока белье сушилось на веревках, Норма Джин отправилась в школу. Ветра почти не было, солнце жарило вовсю. Элси не переставала дивиться одному факту: всякий раз, как только Норма Джин заканчивала работу по дому, к обочине у ворот тут же подкатывал какой-нибудь ее дружок, нетерпеливо гудел в клаксон, и навстречу ему, вся в улыбках и кудряш-

ках, выбегала Норма Джин. Как вообще этот парень в драндулете (кстати, он выглядит старше школьного возраста, размышляла Элси, подглядывая в щелку между планками жалюзи) мог знать, что Норма Джин не была сегодня утром в школе? Может, она посылала ему какие-то телепатические сигналы? Может, причиной тому некий сексуальный радар? Или же (но Элси не хотелось даже думать об этом!) девочка источает какой-то специфический запах, как собака, течная сука, и к ней сбегаются все окрестные кобели?

Так же и мужчины теряют голову. Нельзя их винить, верно?

Иногда приезжал не один парень, а сразу несколько. Хихикая, словно маленькая девочка, Норма Джин подбрасывала монетку. Решала, чью машину выбрать, с каким парнем ехать в школу.

Все же странно, что в дневнике Нормы Джин нет *ни одного мужского имени*. Да и вообще почти никаких имен, кроме ее, Элси, и Уоррена. Что бы это значило?

Стихи, молитвы, какая-то бессмыслица. Разве это нормально для пятнадцатилетней девчонки?

Им надо поговорить. Разговора не избежать.

Элси Пириг навсегда запомнит этот разговор. Черт побери, как же она обиделась тогда на Уоррена! Но что тут поделаешь – этот мир принадлежит мужчинам, и женщине-реалистке ни черта с этим не поделать.

Норма Джин говорила тихо и застенчиво, так что Элси поняла: девочка думала о ее словах с самого утра.

– Вы, наверное, пошутили, тетя Элси. Ну, насчет того, что мне пора замуж. Пошутили, правда?

Элси, сняв с кончика языка табачную крошку, ответила:

– Я на такие темы не шучу.

Тогда Норма Джин взволнованно сказала:

– Я боюсь выходить замуж, тетя Элси. Для этого надо действительно очень любить парня.

Элси пренебрежительно заметила:

– Ну, должен же быть среди них хотя бы один, кого ты сможешь полюбить, так ведь? Про тебя ходят разные слухи, милая.

Норма Джин быстро спросила:

– Вы, наверное, имеете в виду мистера Хэринга? – А когда Элси воззрилась на нее с недоумением, Норма Джин поправилась: – Или, может, мистера Уиддоса? – Но Элси продолжала непонимающе смотреть на нее, и тогда Норма Джин залилась краской и добавила: – Но я больше с ними не встречаюсь! Я же не знала, что оба они женаты! Нет, тетя Элси, *клянусь*, не знала!

Элси курила свою сигарету и улыбалась этому откровению. Если она и дальше будет хранить молчание, Норма Джин наверняка посвятит ее во все подробности. А та смотрела на нее по-детски наивным взглядом, смотрела своими темно-синими глазищами, в которых стояли слезы, и голос у нее дрожал, как бывало, когда она старалась не заикаться.

– Тетя Элси... – В устах Нормы Джин эти слова звучали особенно мило.

Элси просила всех приемных детей называть ее тетей Элси, почти все так и делали, но Норме Джин, чтобы привыкнуть, понадобился, наверное, целый год, она постоянно запинаясь на слове «тетя». Неудивительно, что ее не взяли в школьный драмкружок, думала Элси. Она сама искренность – ну какая из нее актриса! Но после Рождества, на которое Элси подарила ей несколько симпатичных подарков, в том числе и пластмассовое ручное зеркальце с женским профилем на обратной стороне, Норма Джин начала называть ее тетей Элси. Как будто они стали *родные*.

Отчего ей было еще больше.

Отчего она еще сильнее разозлилась на Уоррена.

Элси, тщательно подбирая слова, сказала:

– Рано или поздно это все равно случится, Норма Джин. Лучше уж рано. Ведь началась ужасная война, и молодые парни уходят на фронт и вернутся калеками, и не мешало бы подцепить мужа, пока еще есть выбор.

И Норма Джин возразила ей:

– Вы что, серьезно, тетя Элси? Это не шутка?

И Элси раздраженно ответила:

– Разве похоже, что я шучу, мисс? А Гитлер что, шутит? А Тодзё?

И Норма Джин замотала головой, словно старалась привести в порядок мысли, а потом сказала:

– И все же я не понимаю, зачем мне выходить замуж, тетя Элси. Ведь мне всего пятнадцать. Мне еще два года учиться. Я хочу стать...

Тут Элси гневно перебила ее:

– Подумаешь, важность какая – учиться! Да я сама вышла замуж после восьмого класса, а мать моя даже восьми классов не окончила! Чтоб выйти замуж, дипломы не нужны!

И тогда Норма Джин взмолилась:

– Но я еще совсем м-молодая, тетя Элси!

На что Элси ответила:

– Вот именно, что молодая. В том-то и проблема. Совсем девчонка, а у тебя уже полно парней и взрослых мужчин, и это дело плохо кончится, и сам Уоррен говорил мне буквально вчера утром, что семья Пириг имеет в Ван-Найсе хорошую репутацию и должна ей соответствовать. Мы берем в дом приемных детей вот уже двадцать лет, и иногда под нашей крышей жили девочки, попадавшие в неприятные истории. Причем это не обязательно были плохие девочки, встречались среди них и очень хорошие и тоже бегали с парнями, и это всегда неприятно на нас отражалось. Уоррен как раз и спросил, слышала ли я, что наша Норма Джин шляется с женатыми мужчинами, на что я ответила, что впервые о таком слышу. А тогда *он* и говорит: «Знаешь, Элси, нам надо предпринять самые срочные меры».

Тут Норма Джин спросила неуверенно:

– Мистер П-Пириг сказал это? Обо мне? О, а я-то всегда думала, что нравлюсь ему.

На что Элси ответила:

– Тут дело вовсе не в том, кто кому нравится или не нравится. Дело в том, какие именно срочные меры следует предпринять по окружным законам.

И Норма Джин спросила:

– Какие еще меры? Что за срочность? Ничего страшного со мной не произошло. Честное слово, тетя Элси, я...

И тут Элси снова перебила ее, желая поскорее покончить с этим, словно хотела выплюнуть какую-то гадость изо рта:

– Дело в том, что тебе пятнадцать, а выглядишь ты на все восемнадцать, в глазах мужчин, я имею в виду. И пока тебе действительно не исполнится восемнадцать, ты находишься под опекой округа. И если только не выйдешь замуж, согласно закону штата тебя вполне могут вернуть в приют. В любой момент.

Она выпалила эти слова на одном дыхании. Норма Джин оцепенела, точно у нее вдруг стало плохо со слухом. Элси и самой было плохо, ее даже затошнило, и закружилась голова – отвратительное ощущение, казалось, дурнота поднимается от самых подошв, под которыми вдруг задрожала земля. *Это надо сделать! Господи, помоги!*

Норма Джин испуганно спросила:

– Но з-зачем мне возвращаться в приют? То есть кому надо отсылать меня обратно? Ведь меня прислали *сюда*.

Элси, избегая смотреть ей в глаза, ответила:

– Ну, это было полтора года назад, с тех пор многое изменилось. Ты сама знаешь, что изменилось. Ты была ребенком, когда приехала сюда, а теперь ты... э-э-э... *девушка*. А иногда ведешь себя как взрослая *женщина*. И такое поведение всегда приводит к неприятным последствиям, с мужчинами, я имею в виду.

– Но я не сделала ничего плохого! – воскликнула Норма Джин, и голос ее зазвенел от отчаяния. – Честное слово, тетя Элси! Ничего такого! Нет, они очень хорошо ко мне относятся, тетя Элси, почти все, правда! Говорят, что им нравится быть со мной, катать меня на машине... вот и все! Правда. Но теперь я буду им отказывать. Скажу, что вы и мистер Пириг больше меня не отпускаете. Честное слово, так и скажу!

Такого Элси не ожидала и сказала нерешительно:

– Ну, нам нужна та комната. На чердаке. Из Сакраменто приезжает моя сестра с ребятами, будут жить у нас...

Норма Джин тут же ответила:

– Я могу обойтись и без комнаты, тетя Элси. Могу спать на диване в гостиной. Или рядом со стиральной машиной, или... ну где угодно! Могу спать даже в одной из машин мистера Пирига, которые он выставил на продажу. Некоторые из них очень даже ничего, с подушками на задних сиденьях, и все такое...

Элси лишь мрачно покачала головой:

– Власти округа такого не допустят, Норма Джин. Сама знаешь, они проводят инспекции.

Норма Джин коснулась ее руки:

– Вы же не собираетесь отправлять меня обратно в приют, правда, тетя Элси?.. Я думала, я вам нравлюсь! Я думала, что мы одна семья! О, пожалуйста, прошу вас, тетя Элси, мне так у вас нравится! И я вас всех так люблю! – Она умолкла, перевела дыхание. Испуганное лицо ее было залито слезами, в расширенных зрачках светился животный страх. – Не отсылайте меня, пожалуйста! Обещаю, я буду хорошо себя вести! Буду работать еще больше! Не буду ходить на свидания! Брошу школу, буду все время дома, буду вам помогать. Я и мистеру Пиригу могу помогать с его работой! Тетя Элси, если отправите меня обратно в приют, я этого не переживу. Мне никак нельзя в приют. Лучше я наложу на себя руки, чем вернусь в этот приют. Прошу вас, тетя Элси, пожалуйста!

К этому моменту Норма Джин уже сжимала Элси в объятиях, задыхалась, всхлипывала и была такая теплая. Элси крепко прижала ее к себе, чувствуя, как вздрагивают ее лопатки, как напряжена ее спина. Норма Джин была выше Элси примерно на дюйм и сутулилась, чтобы казаться меньше ростом. Элси вдруг подумала, что никогда в жизни еще не чувствовала себя так скверно. Черт, до чего же ей было хреново! Если б она могла, то вышибла бы этого Уоррена из дома, под зад коленом, и оставила бы Норму Джин. Но это, разумеется, было невозможно. *Этот мир принадлежит мужчинам, и женщине, чтобы выжить, приходится предавать своих сестер.*

Элси держала рыдающую девочку в объятиях, крепко закусив губу, чтобы не разрыдаться самой.

– Норма Джин, хватит. Слезами горю не поможешь. В ином случае нам жилось бы куда лучше.

2

Я не хочу замуж, я еще слишком молода!

Я хочу стать медсестрой женской вспомогательной службы. Хочу уехать за океан.

Я хочу помочь страдающим людям.

Эти английские ребяташики, израненные, искалеченные. Некоторые были погребены под развалинами. И родители у них погибли. И никто их теперь не любит.

Я хочу быть сосудом Божественной Любви. Хочу, чтобы через меня воссиял Господь. Хочу лечить раненых, хочу направлять их на путь веры истинной.

Я могу и убежать. Могу убежать в Лос-Анджелес и там записаться в армию. Бог услышит мои молитвы.

Ее парализовало от ужаса. Рот открыт, челюсть отвисла, дыхание частое, как у собаки, в висках стучит кровь, в ушах ужасный шум. Она разглядывала фотографии в «Лайфе», кто-то оставил журнал на кухонном столе. Ребенок с опухшими веками и без руки; младенец с головы до пят в окровавленных бинтах, видны лишь рот и часть носа; маленькая девочка, лет двух наверное, с синяками под глазами и измученным, истощенным лицом. А что это она сжимает в руках, куклу? Окровавленную куклу?

Вошел Уоррен Пириг и забрал у нее журнал. Вырвал из онемевших пальцев. Голос у него был низкий, сердитый и в то же время снисходительный. Он всегда говорил так, когда они оставались наедине.

– Нечего тебе на это смотреть, – сказал он. – Сама не понимаешь, на что смотришь.

Он никогда не называл ее по имени, Нормой Джин.

3

Их звали Хокай, Кэдуоллер, Дуэйн, Райан, Джейк, Фиск, О'Хара, Скоки, Кларенс, Саймон, Лайл, Роб, Дейл, Джимми, Карлос, Эзра, Фулмер, Марвин, Грюнер, Прайс, Сальваторе, Сантос, Портер, Хэринг, Уиддос. Среди них были солдаты, моряк, морпех, фермер, маляр, поручитель залоговой конторы, водитель-дальнобойщик, сын владельца парка развлечений в Редондо-Бич, сын банкира из Ван-Найса, рабочий авиационного завода, ван-найсские спортсмены из старших классов, учитель из библейского колледжа в Бербанке, сотрудник окружного Департамента исправительных учреждений, мотомеханик, пилот «кукурузника», помощник мясника, почтовый служащий, сын и верный помощник букмекера из Ван-Найса, учитель средней школы из того же Ван-Найса, детектив из Департамента полиции Калвер-Сити. Они возили ее на пляжи: Топанга-Бич, Уилл-Роджерс-Бич, Лас-Тунас, Санта-Моника и Венис-Бич. Они водили ее в кино. Водили ее на танцы. (Норма Джин стеснялась танцевать «в обнимку», но потрясаяще отплясывала джиттербаг²² – словно под гипнозом, крепко зажмурив глаза, и кожа ее блестела, будто камень-самоцвет. А хулу²³ исполняла так, словно родилась на Гавайях!) Ее возили в церковь и на скачки в Каса-Гранде. Водили кататься на роликовых коньках. Катали на лодках и байдарках и удивлялись, когда она, девушка, настаивала на том, чтобы ей дали весло, и ловко с ним управлялась. Ее водили в боулинг, бинго и бильярдные. Возили на бейсбольные матчи. Выезжали с ней на воскресные прогулки в горы Сан-Гейбриел. А также на прогулки по прибрежному шоссе – к северу, до самой Санта-Барбары, и к югу, до самого Оушенсайда. На романтические прогулки под луной, когда по одну сторону дороги слабо светится Тихий океан, а по другую сплошной стеной темнеют лесистые холмы, и ветер треплет волосы, и искры от сигарет водителя улетают куда-то в ночь. Но позже ей будет казаться, что она путает эти прогулки со сценами из фильмов, которые видела или думала, что видела. *Они не прикасались ко мне, если я не хотела, чтобы прикасались. Они не заставляли меня пить. Они относились ко мне с уважением. Каждую неделю я надевала свеженаочищенные туфельки, и волосы мои пахли шампунем, а одежда – недавней глажкой. Если я и целовалась, то с накрепко закрытым ртом. Я знала, что нужно покрепче сжать губы. Всегда закрывала глаза, когда меня цело-*

²² *Джиттербаг* — танец, популярный в США в 1940-х гг.

²³ *Хула* (хула-хула) – гавайский танец, характерен ритмичными движениями бедер.

вали. Почти совершенно не двигалась. Дыхание учащалось, но лишь слегка. Руки я держала на коленях, хотя иногда приходилось поднять их, чтобы мягко оттолкнуть парня. Самому молодому было шестнадцать. Он играл в футбол в ван-найсской школьной команде. Самому старшему – тридцать четыре, то был детектив из Калвер-Сити, и он, как с запозданием выяснилось, был женат.

Детектив Фрэнк Уиддос! Коп из Калвер-Сити, расследовавший убийство в Ван-Найсе в конце лета 1941-го. На окраине Ван-Найса, в безлюдном месте у железной дороги, нашли мужской труп, изрешеченный пулями. Мужчину опознали, это оказался свидетель, проходивший по делу об убийстве в Калвер-Сити. И вот Уиддос приехал побеседовать с местными, и, когда осматривал место преступления, на тропинке появилась девочка на велосипеде. Девочка с каштановыми волосами, она медленно и задумчиво крутила педали и, похоже, вовсе не замечала, что на нее уставился детектив в штатском. Сперва Уиддосу показалось, что ей лет двенадцать, не больше. Но при ближайшем рассмотрении он понял, что она старше, что ей, возможно, лет семнадцать, что грудь у нее, как у взрослой женщины. Обтягивал эту грудь свитерок из тонкой шерсти горчично-желтого цвета, и еще на девочке были короткие белые шорты из плотной ткани, облегавшие ее попку в форме сердца, прямо как на пинап-фотографии²⁴ с Бетти Грейбл в купальном костюме.

Он остановил ее и спросил, не видела ли она здесь кого-то или чего-то «подозрительного», и заметил, какие чудесные у нее синие глаза. Изумительно красивые, влажные и мечтательные, глаза, смотревшие не на него, а ему в душу, точно он знал эту девушку уже давным-давно. И она, хотя не была с ним знакома, тут же поняла, что он-то ее знает и имеет полное право ее допросить, задержать ее, посадить в машину без полицейской маркировки и держать ее там сколько захочет, сколько того требуют интересы «следствия». И еще у нее было незабываемое личико, тоже в форме сердца, с вдовьим мысом и длинноватым носом. Зубы у нее были слегка неровные, что, как ему показалось, только добавляло ей очарования, придавало ей безмятежный простецкий вид.

Потому что она была еще ребенком и уже женщиной. Ребенком, словно примерившим на себя женское тело, как примеряет маленькая девочка мамины платья. Она прекрасно об этом знала и упивалась этим (плотно облегающий свитер, и поза точно с пинап-открытки, глубокое дыхание, от которого расширялась грудная клетка и вздымалась округлая грудь. И дочерна загорелые ножки – само совершенство, и шорты такие короткие, их считай что и нет вовсе) и в то же время как будто не знала. Если бы он приказал ей раздеться, она разделась бы покорно и с улыбкой, стараясь угодить, и вместе с тем сохраняла бы совершенно невинный вид, отчего казалась бы еще прекраснее и соблазнительнее. Если бы он только приказал ей – чего он, разумеется, не стал бы делать, – но если бы приказал, зная, что в наказание за это обратится в камень или его растерзают волки, это все равно того бы стоило.

Он встречался с этой девушкой несколько раз. Приезжал в Ван-Найс и поджидал ее у школы. Он до нее ни разу не дотронулся! Ну, сами понимаете, в каком смысле. Вообще почти не прикасался. Знал, что это подсудное дело, знал, как это может сказаться на карьере, уж не говоря о новых проблемах с женой. Дело в том, что он уже изменял жене и его «застукали». Точнее говоря, он сам в порыве гнева признался во всем жене, вот и получилось, что его «застукали». И он съехал от жены и жил сейчас один, и ему это нравилось.

Еще он выяснил, что эта девушка, Норма Джин, находится на социальном обеспечении округа Лос-Анджелес, живет в приемной семье в Ван-Найсе, на улице Резеды, застроенной одноэтажными развалахами, где на задних дворах не росла трава; приемному отцу этой девушки принадлежали пол-акра земли, где он держал старые автомобили, грузовики, мотоциклы и прочий хлам на продажу, где в воздухе постоянно витал запах паленой резины и над

²⁴ *Пинап* – изображение красивой, часто полуобнаженной, девушки.

всей округой висела голубоватая дымка; и Уиддос мог, конечно, представить, что за обстановка в этом доме, но проверять не решился. Уж лучше нет, не надо, это может выйти ему боком.

Да и чем он мог помочь? Удочерить ее, что ли? У него были собственные дети, и они обходились ему недешево. Он жалел ее, то и дело совал ей деньги, то доллар, то пятерку, чтобы она купила себе «что-нибудь приятное». Нет, все и правда было невинно. Она была из тех девушек, кто подчиняется или хочет подчиняться, и если ты человек ответственный, следи за тем, что ей говоришь. А когда такие тебе верят, это еще хуже, еще большее искушение, уж лучше бы не верили. И потом, возраст... И ее тело. Дело тут было не только в жетоне (кстати, ей страшно нравился его жетон, она просто «обожала» этот жетон и всегда просила показать его, его и револьвер. Спрашивала, можно ли потрогать револьвер, и Уиддос смеялся и говорил; конечно, почему нет, валяй, трогай, пока он в кобуре и стоит на предохранителе). Дело было в его властной манере держаться, прослужил копом одиннадцать лет, и вид у тебя станет властный, потому что ты допрашиваешь людей, командуешь людьми и внушаешь им, что если будут сопротивляться, то сильно об этом пожалеют. И люди подсознательно это чувствуют, как мы всегда чувствуем превосходство и силу и знаем, что нельзя переступать границы, что, если их переступить, можно и поплатиться. Нет, все и правда было невинно. Ведь на самом деле все иначе, чем выглядит со стороны. Уж это детектив Уиддос точно знал.

Норма Джин была всего на три года старше его дочери. И эти три года были, что называется, решающими. Она была гораздо умнее, чем казалось на первый взгляд. И несколько раз сильно его удивила. Эти глазки и детский голосок вводили людей в заблуждение. Девушка серьезно рассуждала о таких вещах, как война, «смысл жизни», и делала это ничуть не хуже любого из взрослых приятелей Уиддоса. И еще у нее было чувство юмора. Она умела посмеяться над собой. Говорила, что «хочет петь с Томми Дорси»²⁵. Хотела стать медсестрой женской вспомогательной службы. Хотела поступить в женскую службу пилотов ВВС – о ней она вычитала в газетах – и выучиться на летчицу. Хотела стать врачом. Говорила, что является «единственной ныне живущей внучкой» женщины, которая основала церковь Христианской науки; что ее мать, погибшая в 1934-м в авиакатастрофе над Атлантикой, была голливудской актрисой, дублершей Джоан Кроуфорд и Глории Свенсон. А отцом ее, которого она не видела долгие годы, был знаменитый голливудский продюсер и что теперь он был адмиралом Тихоокеанского флота США. Этим заявлениям Уиддос, разумеется, не верил, однако слушал девушку с таким видом, точно верит или, по крайней мере, старается верить, за что она, похоже, была ему благодарна.

Она позволяла ему целовать себя – при условии, что он не будет пытаться раздвинуть ей губы языком, и он этого никогда не делал. Она позволяла целовать себя в губы, шею и плечи – но только если плечи были обнажены. Она начинала волноваться, стоило только ему задрать край одежды или расстегнуть какую-нибудь пуговку или молнию. Эта детская взыскательность казалась ему очень трогательной, такую же черту он замечал за своей дочерью. *Что-то дозволяется, а что-то – нет*. Однако Норма Джин все же разрешала ему гладить загорелые шелковистые руки и даже ноги до середины бедра. Позволяла гладить свои длинные кудрявые волосы и даже расчесывать их. (Норма Джин сама протягивала ему щетку для волос! И говорила при этом, что мама тоже расчесывала ей волосы, когда она была совсем маленькой, и что она страшно скучает по маме.)

В те несколько месяцев у Уиддоса было полно женщин, и он не воспринимал Норму Джин как женщину. Пожалуй, его тянуло к ней из-за ее сексуальности, но секса он от нее не получал – разве что в фантазиях, но ей об этом не было известно.

²⁵ Томми Дорси (1905–1956) – музыкант, работавший в стиле свинг, играл на тромбоне, возглавлял популярные ансамбли в 1920–1930-х гг.

И как же все это закончилось? Неожиданно. Внезапно. Уиддосу вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом происшествии, особенно его начальство из Департамента полиции Калвер-Сити, где в досье на Фрэнка Уиддоса и без того было несколько жалоб от граждан, обвиняющих его в «злоупотреблении силой» при арестах. Но тут ни о каком аресте и речи, конечно, не было.

Однажды вечером, в марте 1942-го, он заехал за Нормой Джин, должен был подобрать ее на углу улицы, в нескольких кварталах от улицы Резеды. Впервые за все время девушка оказалась не одна. С ней был парень; Уиддосу показалось, что они ссорятся. На вид парню было лет двадцать пять; здоровяк, он походил на автомеханика, одет был дешево и безвкусно. Норма Джин плакала, потому что этот «Кларенс» преследовал ее, не желал оставить в покое, хоть она его и просила. Даже умоляла. Уиддос заорал на парня, чтобы тот отваливал к такой-то матери, и Кларенс ответил что-то Уиддосу, сказал то, чего не следовало бы говорить, чего не сказал бы, будь он трезв и разгляди хорошенько, что за птица этот Уиддос. Тогда без долгих слов Уиддос выбрался из машины, и Норма Джин с ужасом смотрела, как он спокойно достает «смит-вессон» из кобуры, а потом бьет этого хмыря пистолетом по роже и ломает ему нос с первого же удара и как хлещет кровь. Кларенс осел на тротуар, а Уиддос добавил ему по шее ребром ладони. Хмырь, как подрубленный, завалился на асфальт, мелко засучил ногами и отключился. Уиддос затолкнул девушку в машину и уехал, но она была до смерти напугана, просто окаменела от ужаса, так напугана, что даже говорить была не в силах. И похоже, совершенно не понимала того, что говорил ей Уиддос, что он просто хотел ее утешить, но голос у него все еще был раздраженный, расстроенный. А позже она не разрешила ему себя трогать, даже за руку взять не разрешила. И Уиддос вынужден был признать, что тоже напуган, – теперь, когда обдумал, что случилось. Есть вещи дозволенные и недозволенные, и он зашел слишком далеко, да еще на улице, в общественном месте, а что, если там были свидетели? Что, если он убил того паренька?.. Он, черт возьми, не хотел, чтобы такое повторилось. Потому и перестал встречаться с малюткой Нормой Джин.

Они даже не попрощались.

4

Она уже начала все забывать.

Просто удивительно, как она связала слово «забывать» с месячными, для нее они были не кровотечением, а очисткой от яда. Раз в несколько недель бывало это неизбежное, необходимое, полезное событие. Головная боль, озноб, тошнота и спазмы были признаками ее слабости, *на самом деле их не было*. Тетя Элси объяснила ей, что это естественно, что всем девушкам и женщинам приходится терпеть. Это называлось «проклятием», хотя сама Норма Джин никогда не пользовалась этим словом. Ибо месячные были от Бога, а значит, это не проклятие, а благословение.

И даже имя «Глэдис» она больше не произносила ни вслух, ни даже про себя. Говоря о матери здесь, в новом доме (что, впрочем, делала она редко и только в беседе с тетей Элси), Норма Джин называла ее «моя мать», спокойно и нейтрально, как говорят «моя учительница английского», или «мой новый свитер», или «моя лодыжка». И не более того.

Вскоре, однажды утром, она проснется и обнаружит, что все воспоминания о «моей матери» исчезли, как через три-четыре дня прекращается менструация, так же загадочно и непостижимо, как началась.

Яд вышел. И я снова счастлива. Так счастлива!

5

Норма Джин действительно была счастливой улыбчивой девушкой.

Но смех у нее был какой-то странный, немзыкальный. Чересчур высокий, точно писк мышки (именно так, кстати, дразнили бедняжку Норму Джин в приюте), на которую наступили ботинком.

Впрочем, не важно. Она все равно смеялась часто, потому что была счастлива, потому что смеялись другие, а в их присутствии смеялась и она.

В ван-найсской школе она была посредственной ученицей.

Да и в целом она была заурядной девушкой, если не считать ее внешности. Лица, то возбужденного, то испуганного, то счастливого, то горящего, как костер.

Она пробовалась на чирлидершу²⁶. Обычно в эту группу набирали самых хорошеньких и популярных в школе девушек со стройными фигурами и неплохими спортивными данными, а тут – вечно потная Норма Джин, которую тошнило на уроках физкультуры. *Я даже не молилась, чтоб меня выбрали. Потому что знала: не следует донимать Бога, если перспективы безнадежны.* Неделями она репетировала спортивные кричалки и знала каждую наизусть, знала все прыжки, наклоны, движения рук и ног. И видела, что получается у нее не хуже, чем у любой другой школьницы.

Но близился час испытания, и она все больше слабела, нервничала, и голос звучал как-то сдавленно, а потом вдруг она совсем не смогла говорить, и коленки обессилели настолько, что она чуть не упала на гимнастический мат. В спортзале в тот день собралось человек сорок девочек, и все они смущенно молчали, а капитан команды поддержки звонко сказала:

– Спасибо, Норма Джин. Кто следующий?

Она пробовалась в драмкружок. И выбрала для прослушивания отрывок из пьесы Торнтон Уайлдера «Наш городок». Почему? Наверное, из отчаяния. Ей хотелось быть нормальной, более чем нормальной, хотелось быть избранной. Пьеса эта казалась ей прекрасной, и Норма Джин чувствовала, что в одной из ролей этой пьесы найдет себе пристанище. Она превратится в «Эмили», и другие будут называть ее этим именем. Она читала и перечитывала пьесу, и ей казалось, что она понимает ее; какая-то часть души действительно ее понимала. Спустя годы она поймет: *Я поставила себя в самый центр воображаемых обстоятельств, я существую в самом сердце воображаемой жизни, в мире воображаемых предметов, и в этом есть мое искупление.*

Но, стоя на пустой освещенной сцене, моргая и шурясь, всматривалась она в первые ряды, где сидели ее судьи, и вдруг почувствовала, как ее охватила паника. Ведущий драмкружка выкрикнул:

– Следующий! Кто у нас следующий? Норма Джин? Начинайте!

Но она не могла начать. Держала текст в дрожащей руке, слова расплывались перед глазами, горло перехватило. Строки, еще вчера заученные наизусть, роились в голове, словно полоумные мухи. И вот наконец она начала читать, торопливо, сдавленным голосом. Казалось, язык распух и не помещается во рту. Она заикалась, запинаясь и в конце концов окончательно сбилась.

– Благодарю, милочка, – сказал ведущий и жестом велел ей сойти со сцены.

Норма Джин подняла глаза от текста:

– П-пожалуйста!.. Можно начать сначала? – (Повисла неловкая пауза. В зале послышался шепот и сдавленные смешки.) – Мне кажется, я смогла бы сыграть Эмили. Я з-знаю, я – Эмили!

²⁶ Чирлидерша – ведущая роль в группе поддержки, состоящей из девушек, в задачу которых входит моральная поддержка «своей» футбольной команды.

Если б я могла сбросить с себя одежду! Если б могла предстать перед ними обнаженной, какой меня создал Бог, тогда... тогда они бы меня заметили!

Но ведущий был непреклонен. И сказал ироническим тоном, чтобы другие, любимые его ученики оценили его остроумие и посмеялись над объектом шутки:

– Гм... Так, это у нас Норма Джин? Благодарю вас, Норма Джин. Но сомневаюсь, что такая трактовка устроила бы мистера Торнтона Уайлдера.

Она сошла со сцены. Лицо горело, но она намерена была сохранить достоинство. Как в фильме, где по ходу действия тебе полагается умереть. Пока на тебя смотрят, ты обязана сохранять достоинство.

Глядя ей вслед, кто-то восхищенно присвистнул.

Она пробовалась в хор девочек. Она знала, что может петь, *знала!* Она всегда пела дома, очень любила петь, и собственный голос казался ей мелодичным, и разве не обещала Джесс Флинн, что голос ей можно разработать? У нее сопрано, она была в том уверена. Лучше всего ей удавалась песенка «Все эти глупости». Но когда руководительница хора попросила ее спеть «Песню весны» Джозефа Рейслера, которую она прежде никогда не слышала, она уставилась на нотный лист, не в силах прочесть ноты. Тогда женщина уселась за рояль, наиграла мелодию и сказала, что будет аккомпанировать Норме Джин. И Норма Джин, растеряв всю уверенность, запела – тихим, дрожащим, скверным, совершенно не своим голосом!

И спросила, можно ли попробовать еще раз.

Во второй раз голос ее окреп и звучал лучше. Но ненамного.

Руководительница хора отказала ей, хоть и вежливо:

– Может быть, на следующий год, Норма Джин.

Для преподавателя английского языка и литературы мистера Хэринга она писала сочинения о Мэри Бейкер Эдди, основательнице Христианской науки, об Аврааме Линкольне – «величайшем президенте Америки», о Христофоре Колумбе – «человеке, который не боялся отправиться в неведомые края». Она показывала мистеру Хэрингу некоторые из своих стихов, аккуратно выведенных синими чернилами на листках нелинованной бумаги.

В неба я гляжу синеву —
Знаю, никогда не умру!

Знаю, ни за что не умру,
Если я тебя полюблю.

Если б люди на земле разом все,
Если б каждый на земле человек.
Вдруг сказали разом все:
«Я люблю!»
Пусть так будет навсегда и вовек!

Бог говорит: «Люблю тебя, тебя, тебя, и всех!»
И это правда, это так!
И Нелюбовь есть Грех!

Мистер Хэринг неуверенно улыбался и говорил ей, что стихи «очень хорошие, а рифма так и вовсе идеальная», и Норма Джин заливалась краской от удовольствия. Ей понадобилось несколько недель, чтобы наконец решиться и показать учителю стихи, – и вот, такая награда! У

нее еще столько стихов, в дневник не помещаются! А еще есть стихи, которые давным-давно, молоденькой девушкой, написала ее мать. Еще до замужества, когда жила в Северной Калифорнии.

Рассвет в тумане красный,
День в полдень голубой.
И вечер – в желтых красках.
А после – ничего.

Но мили искр звездных
Зажгли над головой
Пространства Серебряны,
Страны неведомой²⁷.

Это стихотворение мистер Хэринг читал, перечитывал и недовольно хмурился. Нет, она точно зря его показала! Сердце ее стучало, словно у испуганного кролика. Мистер Хэринг был очень строг с учениками, и это несмотря на свою относительную молодость. Было ему двадцать девять. Худой, жилистый мужчина с рыжеватыми, уже начавшими редеть волосами. Ходил он, немного прихрамывая, – результат детской травмы. Он был женат, и учительской зарплаты едва хватало, чтобы прокормить семью. Он напоминал Генри Фонду в фильме «Гроздь гнева» – с той только разницей, что не был таким крепким и обаятельным. В классе он не всегда пребывал в добром расположении духа и был подвержен приступам сарказма. Нельзя было предсказать, как мистер Хэринг отреагирует на твои поступки и что скажет (а иной раз он говорил довольно странные вещи). Одна надежда – вызвать у него хотя бы улыбку.

Обычно мистер Хэринг улыбался Норме Джин, девочке тихой, застенчивой, чрезвычайно хорошенькой, с соблазнительной не по годам фигуркой. Она носила свитеры на пару размеров теснее, чем нужно. В каждом ее движении и взгляде так и сквозило неосознанное кокетство. По крайней мере мистеру Хэрингу казалось, что неосознанное. *Пятнадцатилетняя секс-бомба, и, похоже, вовсе этого не осознает. А уж глаза, глаза!*

Безымянное стихотворение матери Нормы Джин показалось мистеру Хэрингу «незаконченным». Стоя у доски с мелом (было это после уроков; Норма Джин пришла к нему на внеклассное занятие), он показывал ей недостатки «авторской рифмы». «Красный» и «красках» можно считать рифмой, хотя и не слишком удачной – однокоренные слова. А вот «голубой» и «ничего» – это вообще никакая не рифма. Ну, Норма Джин и сама это понимает. Во второй строфе с рифмами дела обстоят еще хуже: первая и третья строчки не срифмованы вовсе, а вот «головой» и «неведомой»... Да, это может показаться рифмой, окончания одинаковы, но нарушен размер. Стихи должны звучать музыкально, – в конце концов, ты их слушаешь, а не смотришь на них. И что за «Серебряна»? Он никогда не слышал о такой стране и сомневался, что она существует. «Туманный смысл и недомолвки» – вот типичные недостатки так называемой женской поэзии. А для крепкой поэзии нужна крепкая рифма, и потом, смысл стихотворения обязательно должен быть ясен.

– Иначе читатель просто пожмет плечами и скажет: «Э-э-э, да я *сам* могу написать куда лучше!»

Норма Джин засмеялась – только потому, что засмеялся мистер Хэринг. Ее глубоко смущали недостатки в материнском стихотворении (хотя она упрямо считала его красивым, стран-

²⁷ Очевидно, первое четверостишие этого стихотворения навеяно строками Э. Дикинсон: «Природа скупа на желтое, / Копит его с утра / Для солнечного заката. / На синее щедр. / Пурпур транжирит, как женщина, / Но тратит едва-едва» и т. д. (перев. В. Марковой).

ным и загадочным), но она вынуждена была признать, что и сама не знает, что это за страна такая – «Серебряна». И виновато добавила, что мать ее не училась в колледже.

– Мама вышла замуж, когда ей было всего девятнадцать. Хотела стать настоящей поэтессой. Хотела быть учительницей. Как вы, мистер Хэринг.

Это заявление растрогало Хэринга. Какая же славная девочка! Но он по-прежнему держал учительскую дистанцию.

Голос Нормы Джин как-то странно дрожал, и Хэринг мягко спросил:

– А где сейчас твоя мама, Норма Джин? Ты с ней не живешь?

Норма Джин молча помотала головой. На глаза ей навернулись слезы, а юное лицо застыло, словно в ожидании страшного потрясения.

Только тут Хэринг вспомнил, как слышал, что она сирота, находится на попечении округа и живет в семье Пиригов. Ох уж эти Пириги! В прошлом у него учились и другие приемные дети из этой семейки. Просто удивительно, что эта девочка такая ухоженная, здоровенькая и смышленная. Пепельные волосы чисто вымыты, одета опрятно, хоть и слегка вызывающе. Дешевый красный свитерок соблазнительно обтягивает красивую маленькую грудь, а юбочка из серой саржи едва прикрывает ягодицы. Уж лучше не смотреть.

Он и не смотрел, и не собирался. Он жил с изнуренной молодой женой, четырехлетней дочерью и восьмимесячным сыном, и это видение, безжалостное, как палящее солнце пустыни, вечно стояло перед его покрасневшими от усталости глазами.

Но все же он выпалил:

– Знаешь, Норма Джин, приноси другие стихи, и твои, и твоей мамы. Всегда, в любое время. С удовольствием их почитаю. Это же моя работа.

И так вышло, что зимой 1941 года Сидни Хэринг (он был любимым учителем Нормы Джин во всей ван-найсской школе) стал встречаться с ней после занятий, то раз, то два раза в неделю. Они без устали говорили – о чем же они говорили? – в основном о романах и стихах, которые Хэринг давал Норме Джин на прочтение. Она читала «Грозовой перевал» Эмили Бронте, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, «Землю» Перл Бак, тоненькие сборники стихов Элизабет Баррет Браунинг, Сары Тисдейл, Эдны Сент-Винсент Миллей и, наконец, любимого поэта Хэринга, Роберта Браунинга. Он продолжал «разбирать» ее девичьи стишки (она никогда больше не показывала ему стихов матери, и правильно делала). Однажды они засиделись допоздна, и Норма Джин вдруг спохватилась, что ее давным-давно дожидается миссис Пириг, которой она обещала помочь по дому. И тогда Хэринг предложил ее подвезти.

С тех пор он частенько подвозил ее к дому, стоявшему примерно в полутора милях от школы, чтобы у них было больше времени на разговоры.

Мистер Хэринг готов был поклясться, что это общение носит невинный характер. Совершенно невинный. Девочка была его ученицей, он был ее учителем. Он и пальцем до нее не дотронулся, ни разу. Разве что, распахивая перед ней дверцу машины, слегка касался ее руки – чисто случайно, разумеется, ну и длинных волос тоже. Сам того не желая, вдыхал ее аромат. И возможно, смотрел на нее слишком уж жадным взглядом, а иногда, во время оживленного разговора, вдруг сбивался с мысли, начинал запинаться и повторяться. И сам не желал признаться себе в том, что, когда после этих свиданий возвращался к замученной семье, перед глазами все время маячило прелестное детское личико Нормы Джин, ее улыбка, ее обольстительная фигурка, взгляд ее влажно-синих глаз, всегда чуть-чуть расфокусированный, словно говорящий «да».

Я живу в твоих мечтах, ведь правда? Приди, живи и ты в моих!

Однако на протяжении нескольких месяцев их «дружбы» девушка ни разу не флиртowała с ним, ни разу не намекала на секс. Похоже, она действительно хотела говорить лишь о книгах, что давал ей почитать мистер Хэринг, да о своих стихах, которые он совершенно искренне считал «многообещающими». Если в стихотворении говорилось о любви и адресовано оно было

некому загадочному «ты», Хэринг и предположить не мог, что этим «ты» был он сам, Сидни Хэринг. Лишь однажды Норма Джин удивила Хэринга, и случилось это, когда они затронули в разговоре совершенно новую тему. Хэринг заметил, что не доверяет Ф. Д. Р.²⁸, что в новостях с фронта бывают подтасовки, что он вообще не доверяет политикам – из принципиальных соображений. Норма Джин вдруг вспыхнула:

– Нет-нет, это совсем не так! Президент Рузвельт – совсем другое дело!

– Вот как? – с усмешкой заметил Хэринг. – А откуда ты знаешь, какой он? Ты что, знакома с ним лично?

– Конечно нет, но я ему верю. Я слышала его голос по радио!

После паузы Хэринг заметил:

– Я тоже слышал его голос по радио, и у меня создалось впечатление, что мною манипулируют. Все, что мы слышим по радио или видим в кино, создается по определенному сценарию и после репетиции играет на публику. Это не происходит спонтанно, ни в коем случае. Может показаться, что человек говорит от души, но на деле это не так. И не может быть иначе.

Норма Джин взволнованно сказала:

– Но президент Рузвельт – великий человек! Возможно даже, не менее великий, чем Авраам Линкольн!

– С чего ты взяла?

– Я в него в-верю.

Хэринг расхохотался:

– Знаешь, что в моем понимании вера, Норма Джин? Люди верят лишь в то, что сами считают неправдой.

Норма Джин нахмурилась:

– Это не так! Мы верим в то, что считаем правдой, пусть даже эту правду невозможно доказать!

– Но что, к примеру, ты *можешь* знать о том же Рузвельте? Только то, что о нем пишут в газетах и говорят по радио. Готов поспорить, ты даже не знаешь, что он калека!

– Ч-что?!

– Калека, инвалид. Говорят, он перенес полиомиелит. Ноги у него парализованы. Он передвигается на инвалидной коляске. Неужели не заметила, что на всех фотографиях он запечатлен лишь до пояса?

– О нет! Быть такого не может!

– Но я это точно знаю. Из надежного источника. От дяди, он работает в Вашингтоне, округ Колумбия. Вот так!

– Все равно не верю.

– Что ж... – Хэринг улыбнулся, этот разговор его забавлял. – Можешь, конечно, не верить. Рузвельту все равно, во что верит или отказывается верить Норма Джин в своем Ван-Найсе.

Они сидели в машине Хэринга, на немощенной улочке, на окраине городка. В пяти минутах езды от лачуги Пиригов на улице Резеды. Поблизости находилась железная дорога, а за ней в туманной дымке виднелись предгорья хребта Вердуго. Казалось, впервые за все то время, что они были знакомы, Норма Джин *видела* Хэринга по-настоящему. Разгорячившись из-за спора, она часто дышала, смотрела ему прямо в глаза, и он вдруг страстно захотел привлечь ее к себе, сжать в объятиях, и успокоить, и утешить. Широко раскрыв глаза, она вдруг прошептала:

– О! Я терпеть вас не могу, мистер Хэринг! Вы совсем мне не нравитесь!

Хэринг рассмеялся и повернул ключ в замке зажигания.

²⁸ Франклину Делано Рузвельту.

Высадив Норму Джин у дома Пиригов, он вдруг обнаружил, что весь вспотел, майка его промокла, от волос разве что не шел пар. А в брюках сердито пульсировал твердый, как кулак, пенис.

Но ведь я до нее и пальцем не дотронулся! Мог, но не стал!

Когда они встретились в следующий раз, этот взрыв эмоций уже забылся. Разумеется, о нем не упоминалось, речь шла лишь о книгах и поэзии. Девочка была его ученицей, а он – ее учителем. Они больше не будут говорить друг с другом в таком тоне, и это, черт возьми, к лучшему, думал Хэринг, он не был влюблен в эту пятнадцатилетнюю девчонку, но рисковать не стоило. Он может потерять работу, разрушить и без того шаткий брак. К тому же у него было чувство собственного достоинства.

А если бы я до нее дотронулся? Что тогда?

Ведь она писала эти стихи для него, верно? И обожаемый «ты» из ее стихов был Сидни Хэринг, разве нет?

И вдруг в конце мая, внезапно и по неведомой причине, Норма Джин перестала ходить в ван-найсскую школу, хотя до перехода в десятый класс ей оставалось доучиться три недели. Она не сказала любимому учителю ни слова. В один прекрасный день она просто не явилась на урок английского, а назавтра директор известил мистера Хэринга и остальных преподавателей, что девушка официально ушла из школы «по личным обстоятельствам». Хэринг был в смятении, но старался того не показывать. Что с ней случилось? Почему она бросила школу в столь неподходящий момент? Почему не сказала *ему* ни слова?

Несколько раз он снимал телефонную трубку, хотел позвонить Пиригам и поговорить с ней, но так и не решился.

Не связывайся. Держи дистанцию.

Если только не любишь ее. А что, любишь?

И вот однажды он, одержимый мыслями о девушке, столь внезапно ушедшей из школы и его жизни, приехал на улицу Резеды – в надежде хотя бы мельком, хотя бы издали увидеть Норму Джин. Вдыхая запах горелого мусора, смотрел на ветхое каркасное бунгало, на лужайку перед домом, где не росло ни травинки. Как им только позволяют брать к себе приемных детей? В ярком полуденном свете дом Пиригов выглядел совершенной развалиной, серая краска облезла со стен, крыша прохудилась, и Хэрингу казалось, что зрелище это наполнено смыслом, дом этот был символом низменного мира, в котором по прихоти судьбы обречена была прозябать невинная девочка, и спасти ее, храбро вызволить ее отсюда мог лишь человек вроде Хэринга. *Норма Джин? Я приехал за тобой, приехал, чтобы тебя спасти.*

Тут из пристроенного к дому гаража вышел Уоррен Пириг и направился к пикапу, стоявшему на подъездной дорожке.

Хэринг надавил на педаль газа и быстро уехал прочь.

6

Легче, чем разбить стекло ударом кулака.

Но сегодня она выпила уже две бутылки пива и допивала третью.

И говорила:

– Она должна уехать.

– Норма Джин? Это еще почему?

Элси ответила не сразу. Она курила. Вкус у дыма был горький и бодрящий.

Уоррен спросил:

– Мать, что ли, ее забирает? Да?

Они не смотрели друг другу в глаза. Они вообще не смотрели друг на друга. Уоррен повернулся так, что здорового его глаза Элси не видела, а больной глаз его затуманился. Элси сидела в кресле возле кухонного стола с сигаретой и бутылкой тепловатого пива – из всех марок она предпочитала «Твелв хорс». Уоррен, только что вошедший в дом, стоял, не успев снять рабочие ботинки. В такие моменты в нем была некая пугающая сила, как и во всех крупных мужчинах, вошедших с улицы в тесный душный дом, где пахнет женщиной.

Уоррен стащил с себя грязную рубашку и швырнул ее на стул. Остался в тонкой хлопчатобумажной майке. От него так и несло теплом разгоряченного тела, мощным запахом пота. Свинтус Пириг. Когда-то они были очень близки, шалили, словно дети. Свинтус Пириг, он так любил уткнуться в нее носом, елозить по ней, фыркать, сопеть и повизгивать. А жена обхватывала руками его заплывшие жиром мускулистые бока, похожие на оковалки сырого мяса. *О-о-о! Уор-рен! Боже мой!* Но было все это так давно, что уже и вспоминать неохота. За последние годы муж еще больше раздался – в плечах, в груди. Живот огромный, руки толстые, морда здоровенная. И повсюду на теле жесткие пучки седеющих черных волос. Даже на спине, на шее, на боках, на тыльных сторонах огромных мозолистых ладоней.

Элси сделала вид, что вытирает нос, а заодно смахнула слезинку.

Уоррен заметил громко:

– Я думал, ее мамаша чокнутая. Так ей что, стало лучше? Когда это?

– Нет.

– Что «нет»?

– Дело тут не в матери Нормы Джин.

– А в чем тогда?

Элси задумалась, подбирая слова. Такого за ней не водилось, но эту фразу она отрепетировала заранее. Столько раз произносила ее про себя, что теперь она прозвучала плоско и фальшиво.

– Норма Джин должна уехать. Пока ничего не случилось.

– Что за чушь? Что должно с ней случиться?

Да, получалось хуже, чем она рассчитывала. Он был такой огромный, прямо нависал над ней. И без рубашки поросшее волосами тело, казалось, едва помещается в кухне. Элси потянулась за сигаретой. *Вот скотина! Все из-за тебя.* Днем она ходила в город, перед выходом накуривала щеки, расчесала волосы гребешком, но увидела, взглянув в зеркало, лишь землистую кожу и усталое лицо. А тут еще Уоррен рассматривает ее в профиль. Господи, как же она не любит, когда ее рассматривают в профиль, ведь подбородок у нее совсем маленький, а нос похож на свиной пяточок.

Элси сказала:

– У нее полно приятелей. Парней и мужчин постарше. Их чересчур много.

– Постарше? Интересно, кто ж это?

Элси пожала плечами. Ей хотелось показать Уоррену, что она на его стороне.

– Имен я не спрашивала, родной. Эти парни в дом не заходят.

– Может, все же стоило спросить, – вызывающе сказал Уоррен. – Может, я лучше сам спрошу. Где она?

– Вышла.

– Куда вышла?

Элси боялась смотреть на мужа. Смотреть на свирепый, сверкающий, налившийся кровью глаз.

– Может, поехала прокатиться. Ума не приложу, откуда у этих парней бензин.

Уоррен присвистнул.

– Девчонке в ее возрасте, – заметил он медленно, словно человек, чья машина слетела с шоссе на обочину, – давно пора встречаться с парнями. Это вполне естественно.

– Да, но у Нормы Джин их слишком много. И она слишком доверчивая.

– Доверчивая? Это в каком же смысле?

– Ну, она... э-э-э... слишком уж *милая*, – прозрачно намекнула Элси.

Подразумевалось, что если муж и проделывал что-то, оставшись с Нормой Джин наедине, так только потому, что она была слишком милая, симпатичная, слишком послушная, покорная. И не могла отказать ему.

– Слушай, она не залетела?

– Пока нет. Насколько мне известно.

Впрочем, Элси прекрасно знала, что не далее как на прошлой неделе у Нормы Джин были месячные. Сильные спазмы, слабость, жуткая головная боль. Кровь из нее хлестала, как из заколотого поросенка. Она перепугалась до смерти, но отказывалась это признавать и все молилась Иисусу Христу Исцелителю.

– «Пока нет»? Что ты хочешь сказать?

– Знаешь, Уоррен, пора подумать о нашей репутации. О репутации Пиригов. – Точно была в том необходимость, напоминать мужу, какую он носит фамилию. – И рисковать нам нельзя.

– О репутации? О какой еще репутации?

– Ну как о какой. В городе. В службе опеки.

– А они что, вынюхивают? Задают вопросы? С каких это пор?

– Мне звонили. Несколько раз.

– Звонили? Кто звонил?

Элси занервничала. Щелчком стряхнула пепел в желтовато-серую пепельницу. Ей действительно звонили, но не из окружной управы, и она боялась, что Уоррен прочтет ее мысли. Уоррен говорил, что великие боксеры, вроде Генри Армстронга, чьи бои ему довелось видеть в Лос-Анджелесе, умеют читать мысли противника. Армстронг знал, что противник сделает или попробует сделать. Здоровый глаз Уоррена смотрел пронизательно и злобно – когда Уоррен решал посмотреть на жену, – и видно было, что этот человек опасен.

Он склонился над ней, придвинулся ближе. Огромная туша. От него воняло грязью и потом. И еще эти лапищи. Кулаки. Закрыв глаза, Элси вспомнила, как муж однажды ударил ее по правой щеке. Лицо распухло и перекосилось. Да, тут есть о чем поразмышлять. Подумать над своим поведением.

В другой раз он ударил ее по животу. Ее вырвало прямо на пол. Дети, которые тогда жили в доме (все давно разъехались, связи с ними она не поддерживала), со смехом умчались на задний двор, как ветром сдуло. Нет, на взгляд Уоррена, он бил жену вовсе не сильно. *Если бы я хотел сделать тебе больно, сделал бы. Но я не хотел.*

Надо признать, она сама напросилась. Громко жаловалась, а Уоррен такого не любит. Когда он собрался ответить, Элси направилась к выходу из комнаты, и Уоррену это тоже не понравилось.

После этого, не сразу, но на следующий день или на следующую ночь, он становился как шелковый. Не рассыпался в извинениях, но давал понять, что хочет помириться. Руками, ртом. Ртом можно проделывать интересные штуки, да и говорить особо не нужно, ибо о чем в такие моменты разговаривать?

Он никогда не говорил, что любит ее. Но она знала – нет, скорее думала, что знает, – он ее любит.

Я люблю вас! Так говорила эта девчонка. А глаза заплаканные, испуганные. *От тетя Элси, я так люблю вас! Пожалуйста, не отсылайте меня обратно!*

И Элси, осторожно подбирая слова, заметила:

– Нужно думать о будущем, родной. В прошлом мы, бывало, ошибались.

– Чушь собачья.

– Я хотела сказать, у нас были ошибки. В прошлом.

– К черту прошлое. Мы живем в настоящем.

– Ты же знаешь, как бывает с молоденькими девушками, – взмолилась Элси. – Знаешь, что с ними случается.

Уоррен подошел к холодильнику, распахнул дверцу, достал пиво. Громко захлопнул дверцу, присосался к бутылке. Привалился к столешнице возле грязной раковины, потыкал огромным грязным ногтем (давным-давно он расплющил этот ноготь) в щель в стене, поковырял замазку. Он лично замазал эту щель прошлой зимой, и надо же, черт побери, снова разошлось. А в этих щелях заводятся крошечные черные муравьи.

И сказал стесненно, как человек, примеряющий одежду чужого размера:

– Она примет это близко к сердцу. Мы ей нравимся.

Элси не удержалась:

– Она нас любит.

– Черт.

– Но ты же помнишь, что было в прошлый раз.

Элси торопливо заговорила о девочке, жившей у них несколько лет назад, все в той же комнатухе на чердаке, ходившей в ту же школу в Ван-Найсе. Звали ее Люсиль. В пятнадцать лет Люсиль «залетела» и даже не знала толком от кого. Как будто ту Люсиль можно было сравнить с Нормой Джин. Уоррен, не слушая слов жены, погрузился в собственные мысли. Да и сама Элси едва себя слышала. Сейчас, однако, без такой речи не обойтись.

Когда она наконец умолкла, Уоррен спросил:

– Так ты собираешься отослать бедолагу обратно? В этот... как его... сиротский дом?

– Нет, – улыбнулась Элси. Впервые за весь день улыбнулась по-настоящему. То была ее козырная карта, и Элси ее берегла. – Я собираюсь выдать ее замуж. Пусть съедет отсюда и живет себе *спокойно*.

Уоррен развернулся, молча вышел из дома и хлопнул дверью так громко, что Элси вздрогнула. Чуть позже она услышала, как во дворе затарахтел мотор.

Вернулся Уоррен поздно, за полночь, когда Элси и все остальные в доме уже улеглись спать. Сегодня Элси спала чутко и проснулась от звука его тяжелых шагов. Дверь спальни распахнулась, и Элси услышала хрипкое дыхание, учуяла запах спиртного. В спальне было темно, хоть глаз выколи, и Элси подумала, что сейчас Уоррен станет шарить по стене в поисках выключателя, но ничего подобного. Не успела она потянуться к настольной лампе на тумбочке, как он всей тяжестью навалился на нее.

Он не произнес ни слова. Даже не назвал ее по имени. Горячий, тяжелый, разбухший от желания (не обязательно ее, любой женщины), он пытел, сопел, стащил с нее вискозную ночную рубашку, а Элси, застигнутая врасплох, не думала ни обороняться, ни даже (ведь она, в конце концов, *приходится ему женой*) устроиться на продавленной кровати так, чтобы ему было удобнее.

Они не занимались любовью – сколько же? – уже несколько месяцев. Хотя сама Элси не говорила «*Займемся любовью*». Она говорила «*Давай того-этого*», поскольку оба они стеснялись говорить о близости, хотя по молодости Уоррен был в постели ненасытен, требователен и отзывчив. Сама же Элси была немногословна, разве что неловко шутила и поддразнивала мужа. Но сказать слово «*любовь*», произнести «*я люблю тебя*» ей было непросто. Странно, думала она, какие-то вещи человек делает каждый день – ну, ходит, к примеру, в туалет, ковыряет в носу, почесывается. Прикасается к себе и другим людям (если, конечно, есть в твоей жизни люди, к которым ты можешь прикоснуться и которые могут прикоснуться к тебе). И однако же, об этих вещах как-то не принято говорить, и трудно подыскать для них подходящие слова.

Например, то, что он сейчас с ней проделывал, было насилие, изнасилование – но как можно произнести такое слово, хоть вслух, хоть даже про себя, ведь она *жена этого человека, а потому все в пределах нормы*. К тому же днем она здорово его разозлила, и теперь он в своих правах, разве нет? Перед тем как залезть в постель, Уоррен расстегнул молнию и ремень на брюках, сбросил их на пол, но вонючей майки снимать не стал. Элси чуть не задыхалась в его густой шерсти, ее чуть не раздавила эта громадная туша. Никогда прежде муж не казался ей таким тяжелым, никогда вес его не был столь беспощадным. Сперва его толстый пенис слепо елозил по ее животу. Потом Уоррен грубо раздвинул коленями ее дряблые бедра, схватил пенис в руку и вонзил в нее. Примерно так он обращался с разбитой в аварии машиной, разбирая ее на части, – Элси не раз это видела, – хватал ломик и яростно вонзал в металл, с удовольствием преодолевая сопротивление.

Элси пыталась было утихомирить мужа:

– О господи, Уоррен... о, да погоди же ты!

Но тут он навалился предплечьем ей на лицо и шею, и она отчаянно старалась вывернуться – ей казалось, что в пьяном угаре Уоррен вот-вот задушит ее, раздавит дыхательное горло или свернет шею. Уоррен схватил ее за запястья, вздернул слабеющие руки вверх, развел в стороны, пригвоздил к постели, словно распял, и продолжал размеренно, яростно входить в нее, и в темноте Элси видела перекошенное и потное его лицо, видела, как он скалит зубы в гримасе (она часто замечала эту гримасу на лице мужа, когда тот спал и стонал во сне; видно, ему снились боксерские бои, снилось, как его избивают или как он сам избивает противника). *Я причинил немало боли*. Может, это своего рода счастье, мужское счастье – знать, что ты *причинил немало боли*, говорить об этом не хвастливо, а сухо и буднично?

Элси пыталась устроиться так, чтобы смягчить натиск Уоррена, но тот был слишком силен и проворен. *Да он убьет меня, если сможет. Затрахаёт до смерти. Меня, а не Норму Джин*. Она терпела, не вскрикнула и даже не всхлипнула, только ловила ртом воздух, а по лицу, тоже перекошенному, текли слезы вперемешку со слюной. Между ногами, похоже, что-то порвалось, пошла кровь. Никогда еще пенис Уоррена не казался ей таким огромным, набухшим, демоническим. Бам! Бам! Бам! Горемычная голова Элси билась о спинку кровати, на которой они всю жизнь спали как муж и жена, а спинка кровати, в свою очередь, билась о стену, и стена дома вибрировала и содрогалась, как бывает при землетрясении.

Элси с ужасом думала, что муж свернет ей шею, но этого не случилось.

7

– Ну, что я говорила тебе, милая? Нам сегодня здорово повезло!

Понимая с горькой радостью, что это их последний поход в кино, в четверг вечером Элси отвезла Норму Джин в кинотеатр на бульваре Сепульведа, где показывали «Солдатский клуб» и «Попавшего под призыв», а еще трейлеры нового фильма с Хеди Ламарр. После сеанса был розыгрыш призов, и как же завопила Элси Пириг, когда назвали номер второго приза, и номер этот оказался на билете Нормы Джин.

– Здесь! Мы здесь! Это наш номер! Билет моей дочери! Мы идем!

То были счастливые крики женщины, которая в жизни ничего не выигрывала.

Элси была так по-детски взволнована, что публика, добродушно посмеиваясь, начала аплодировать. Вслед ее дочери неслись одобрительные свистки, когда она вместе с Элси и другими победителями поднималась на сцену.

– Черт побери, *жаль*, что Уоррен этого не видит! – шепнула Элси на ухо Норме Джин.

Элси была в красивом вязаном платье, синем в белый горошек, с накладными плечами, надела также последнюю пару приличных чулок, а щеки нарумянила, и сейчас они просто

пылали. Загадочные синяки и кровоподтеки на шее она сумела скрыть под толстым слоем пудры, так что их почти не было видно.

Норма Джин – в клетчатой школьной юбочке и красном свитере, с ниткой стеклянных бус, со стянутыми шелковым шарфом каштановыми кудряшками – была самой молодой на сцене, и публика по большей части глазела только на нее. Щеки она не нарумянила, но губы у нее были ярко-красные, в тон свитеру. И ногти тоже ярко-красные. От волнения сердце безумно колотилось, словно то было не сердце, а птица в клетке, но держалась она прямо, а остальные, включая Элси, застенчиво сутулились, нервно теребили волосы, терли лицо, прикрывали ладонями рот. Норма Джин чуть склонила голову и улыбнулась, словно то была самая естественная для нее вещь в мире – подняться вечером буднего дня на сцену кинотеатра на бульваре Сепульведа, обменяться рукопожатием с управляющим, мужчиной средних лет, и получить свой приз.

Совсем не то, что несколько лет назад, в сиротском приюте Лос-Анджелеса, когда ее, испуганную маленькую девочку, втащил за руку на возвышение Темный Принц. Протянул руку в белой перчатке и поставил рядом с собой, и она глупо таращилась в зал за вспышками фотографов. Теперь она понимала, что к чему. Теперь она и не думала всматриваться в зал, зная, что там множество знакомых лиц, знающих ее людей, ребят из ван-найсской школы. *Пусть теперь они на меня смотрят, смотрят на меня.* Подобно роскошной Хеди Ламарр, Норма Джин не станет разрушать чары кино, не станет смотреть на тех, чья роль – смотреть на нее.

Норме Джин и Элси вручили приз: набор пластиковых тарелок и салатниц, разукрашенных цветками ириса, целый сервиз на двенадцать персон. Пятерых победителей – все женщины, среди них оказался только один мужчина, полный и пожилой, в потрепанной армейской кепке, – встретили бурными аплодисментами. Элси обняла Норму Джин прямо на сцене и едва не разрыдалась – так она была счастлива.

– Это не просто пластиковые тарелочки! Это *знак свыше!*

Юноше, с которым Элси хотела познакомить Норму Джин, исполнился двадцать один год, и он был сыном ее подруги из Мишен-Хиллз. Но говорить об этом Норме Джин она не стала. И уж тем более не сказала, что он в тот вечер тоже находился в зале. Согласно ее плану он должен был сперва взглянуть на Норму Джин с почтенного расстояния, а потом уж решить, хочет ли с ней встречаться. Он был старше Нормы Джин на шесть лет. Для взрослых это незаметно, это даже лучше, если девушка на шесть лет моложе парня. Но в столь юном возрасте, пожалуй, многовато, так сказала Элси его мать.

– Да ладно тебе. Дай моей девочке шанс. Пусть просто поглядит на нее, и все.

И Элси уломала подругу. Она не сомневалась: если парень действительно в зале, Норма Джин, стоящая на сцене, словно королева красоты, непременно произведет на него впечатление. Для него это тоже будет знак.

Эта девушка приносит удачу!

Под темным тентом кинотеатра стояли Элси и Норма Джин. Элси ожидала, что подруга с сыном подойдут к ним, но этого не случилось. (Их и в зале не было видно. Черт, неужели не пришли?) Может, потому, что их обступила целая толпа? Каждому хотелось поговорить с победителями. Тут были и приятели, и соседи, но по большей части – совершенно незнакомые люди.

– Победителя любит каждый, верно? – Элси игриво подтолкнула Норму Джин в бок.

Постепенно суета улеглась, в фойе кинотеатра погасли огни. Бесси Глейзер и ее сын Баки так и не появились, и что бы это значило? Элси не хотелось об этом думать, портить себе настроение. Они с Нормой Джин отправились домой, на улицу Резеды, предварительно положив на заднее сиденье «понтиака» Уоррена – седана 1939 года выпуска – коробку с пластмассовыми тарелками.

– Мы откладывали этот разговор, милая. Но сегодня пора поговорить. Сама знаешь о чем. Норма Джин сказала тихо и сдержанно:

– Тетя Элси, я так *боюсь*.

– Чего боишься? Выйти замуж? – Элси расхохоталась. – Большинство девушек в твоём возрасте, наоборот, боятся *не выйти*.

Норма Джин не ответила. Она ковыряла ноготь большого пальца. Элси знала о безумных её планах сбежать, поступить в женскую вспомогательную службу или записаться на курсы медсестер в Лос-Анджелесе. Но она и правда была слишком юна. И никуда не поедет. Разве что туда, куда Элси намеревалась ее отправить.

– Слушай, детка, ты слишком себя накручиваешь. Скажи, ты когда-нибудь видела у мальчика... у мужчины... эту его штуковину, а?

Это прозвучало так грубо и прямолинейно, что Норма Джин нервно хихикнула, а потом едва заметно кивнула.

– Ну, тогда, чтоб ты знала, эта штуковина увеличивается в размерах. Но ты это и так знаешь, верно?

И снова Норма Джин едва заметно кивнула.

– Так бывает, когда они смотрят на тебя и хотят... ну... ты сама знаешь чего, «заняться любовью».

Норма Джин сказала наивно:

– Знаете, тетя Элси, я никогда их особо не рассматривала. Там, в приюте, мальчишки часто показывали нам эти свои штуки, наверное, просто хотели напугать. И здесь, в Ван-Найсе, тоже, когда я ходила на свидания. По-моему, хотели, чтобы я потрогала.

– И кто же это был?

Норма Джин покачала головой. Не чтобы уклониться от ответа, а в искреннем замешательстве.

– Точно не знаю, я вечно их путаю. Ведь их было много, не то чтобы там один какой... Разные свидания, в разное время. И если парень однажды ко мне полез, а потом взялся за ум, извинился и попросил второго шанса, я даю ему этот шанс, и в следующий раз он ведет себя прилично. Большинство парней, они вполне могут вести себя прилично, если ты на этом настаиваешь. Ну, как в фильме с Кларком Гейблом и Клодетт Кольбер «Это случилось однажды ночью».

Элси усмехнулась:

– Это в том случае, если тебя уважают.

А Норма Джин продолжала серьезным тоном:

– Но те, кто хотел, чтобы я потрогала их... э-э-э... штуку, я не чувствовала отвращения и не сердилась на них, потому что понимала: все парни так устроены, такими уж их мать родила. Правда, всякий раз пугалась и начинала хихикать, как будто меня кто щекочет! – И Норма Джин нервно захихикала. Она примостилась на самом краешке сиденья, осторожно, словно оно было из яичной скорлупы. – Как-то раз, было это на пляже Лас-Тунас, я сидела в машине одного парня и, когда он стал приставать, выпрыгнула и перебежала в машину другого парня. А он там был не один, с девушкой, мы все друг друга знали, приехали туда вместе, и я попросила их подвезти меня, и мы вместе поехали в Ван-Найс. А тот, другой парень, ну, с которым я там была, ехал прямо за нами и все время норовил стукнуть нас бампером! В общем, навела я шороху больше, чем собиралась.

Элси улыбнулась. Ей это понравилось. Оказывается, эта ее малолетняя секс-бомба умеет задать перцу разной похотливой скотине.

– Ну ты даешь, малая! И когда же это было?

– В прошлую субботу.

– В прошлую *субботу*! – Элси усмехнулась. – Так он хотел, чтобы ты у него потрогала, да? Умница, что не пошла на поводу. Что ж, тем легче будет перейти к следующему этапу. – И Элси сделала многозначительную паузу, но Норма Джин не спросила, что за этап имеется в виду. – Эта штука у них называется «пенис», и с его помощью делаются дети. Думаю, тебе это известно. Нечто вроде шланга, через который выстреливает «семя».

Норма Джин захихикала. Элси тоже засмеялась. Если говорить о гидравлике, то сказать особо и нечего. А если объяснять как-то по-другому, там и начать смелости не хватит.

Вот уже много лет Элси просвещала своих приемных дочерей насчет секса (с мальчиками она подобных разговоров не вела, считала, что они и без того все знают) и каждый раз все более кратко. Некоторые девочки пугались этих откровений; другие начинали истерически хихикать; кто-то взирал на Элси с недоверием. Остальные лишь смущались немного, потому что уже знали о сексе больше, чем хотелось бы.

Одна девочка (как выяснилось позже, ее насильовали родной отец и дядя) вдруг оттолкнула Элси и крикнула ей в лицо: «Да заткнись ты, мышь летучая!»

К пятнадцати годам Норма Джин, девочка неглупая и любопытная, наверняка много знала о сексе. Да что там говорить, даже Христианская наука признавала его существование.

Элси была слишком возбуждена и взволнована, чтобы сразу ехать домой, а потому, минуя улицу Резеды, направилась к окраине города. Уоррена, наверное, еще нет дома, а когда Уоррена нет дома, приходилось ждать его и гадать, в каком он будет настроении.

Элси почувствовала, как Норма Джин замерла в предвкушении, словно ребенок. А потом объяснила, что много лет назад мать, когда была еще здорова, по воскресеньям брала ее на долгие сказочные прогулки, и то было самым счастливым воспоминанием ее детства.

Элси же продолжала гнуть свое:

– Вот выйдешь замуж, Норма Джин, – это, кстати, вполне нормально, – и тогда изменишь свое мнение. Муж научит, уж поверь. – Тут она сделала паузу, но не справилась с искушением. – Я уже выбрала тебе мужа. Славный парень, симпатичный. У него уже были подружки, и он христианин.

– В-выбрали, тетя Элси? Кто он?

– Скоро сама увидишь. Дело пока не на сто процентов верное. Нормальный парень, энергичный, хороший спортсмен да и в этом деле смыслит. – Элси снова сделала паузу. И снова не справилась с искушением. – Мой Уоррен тоже смыслил. Или так ему казалось. Господи боже ты мой!.. – И она потрясла головой.

Норма Джин видела, как Элси потирает ссадину под подбородком. Она сама попросила Норму Джин помочь ей припудрить синяки. А происхождение их объяснила тем, что пошла ночью в туалет и ударилась о дверь. Норма Джин лишь пробормотала:

– О тетя Элси!.. Ужас какой.

И больше ничего, ни слова. Как будто прекрасно понимала, откуда появились эти синяки. И еще заметила, что тетя Элси как-то странно ковыляет по дому, словно в заднице у нее черенок от метлы.

Норме Джин, видимо, была свойственна чисто женская мудрость, и она поняла, что лучше ни о чем не спрашивать.

Все эти последние несколько дней Уоррен избегал смотреть на Норму Джин. Оказавшись с ней в одной комнате, нарочно поворачивался к ней незрячим глазом. И стоило Норме Джин заговорить с ним, как взгляд Уоррена становился страдающим и нежным, но даже тогда Уоррен не смотрел на нее, и Норма Джин, ничего не понимая, обижалась. Он перестал приходить домой к ужину, съедал его в одном из баров или вообще обходился без вечернего приема пищи.

Элси продолжала:

– В первую брачную ночь тебе не мешало бы немножко выпить. Нет, не напиться, конечно, но шампанского для настроения – это в самый раз. Обычно мужчина ложится на

женщину и втыкает в нее свою штуковину, и она к этому готова или должна быть готова. И тогда не больно.

Норма Джин, вздрогнув, недоверчиво покосилась на Элси:

– Не больно?

– Ну, не всегда.

– Ох, тетя Элси!.. Но все же говорят, что это *больно*!

Элси сдалась:

– Ну да, иногда. Только в самом начале.

– И тогда у девушки идет кровь, верно?

– Если она девственница, то да.

– Тогда, значит, точно больно.

Элси вздохнула:

– Наверное, *сама-то* ты девственница, а?

Норма Джин торжественно кивнула.

Элси неловко сказала:

– Ничего. Муж тебя разогреет. Ну, там, в нужном месте. И ты станешь мокрая и будешь для него готова. С тобой так уже было?

– Как было? – Голос Нормы Джин задрожал.

– Ну, ты хотела? Заниматься любовью?

Норма Джин призадумалась.

– Ну, в основном мне нравится, когда меня целуют. И я обожаю обниматься. Это как обнимать куклу. Только вместо куклы я. – Она хихикнула. Звук этот был высокий и писклявый. – Если закрыть глаза, даже и не поймешь, кто это. Который из парней.

– Норма Джин! Как можно такое говорить!

– А что? Это же просто поцелуи и объятия. Неужели это так важно, с каким именно парнем?

Элси лишь покачала головой. Она была слегка шокирована. «Неужели это так важно?» Ответить на этот вопрос она, черт возьми, не могла.

И она подумала, что Уоррен ее бы точно убил, узнай он, что она хотя бы целовалась с другим мужчиной, уж не говоря о любовной интрижке. Сам он изменял ей много раз, и ей было больно и очень обидно, и она страшно злилась, и всегда высказывала ему все, что о нем думает. Ревновала и плакала, а он, конечно, все отрицал. Но сразу было видно – ему это нравится. Реакция жены нравится. Это же и есть часть жизни, часть брака, разве не так? По крайней мере в молодости.

И Элси с наигранным возмущением в голосе заметила:

– Нужно быть верной одному мужчине! «В здравии и болезни. Пока смерть не разлучит нас» – так, по-моему, в церкви говорят. И еще мужья хотят быть уверенны, что дети, которые у вас родились, – это их дети, а не чьи-то там еще. И ты будешь венчаться с мужем в храме, по христианскому обычаю, об этом я позабочусь.

Норма Джин грызла ноготь большого пальца. Элси, не переставая рулить, легонько шлепнула ее по руке. Норма Джин тут же сложила руки на коленях, тесно сплела пальцы:

– О тетя Элси! Извините. Просто я, по-моему, просто... *боюсь*.

– Знаю, милая, знаю. Но страх пройдет, и все будет хорошо.

– А что, если у меня появится ребенок?

– Ну, если даже и появится, то не сразу. Позже.

– Если выйду замуж в следующем месяце, он может появиться, когда и года не пройдет.

И то верно, хотя Элси не хотелось об этом думать.

– Ты можешь попросить мужа, чтобы предохранялся. Ну, знаешь, надевал такую резиновую штуку.

Норма Джин наморщила нос:

– Ту, что похожа на сдутый воздушный шарик?

– Да, они противные, – согласилась Элси, – но без них будет еще хуже. Твой муж как раз в том возрасте, когда забирают в армию или во флот, или куда еще их там забирают. Может, он уже записался добровольцем, и тогда на кой ему оставлять молодую жену беременной? Ни ему, ни тебе это вовсе ни к чему. И если уедет за океан, тебе ничего не грозит.

Норма Джин оживилась:

– Так его могут отправить за океан, да? На войну?

– Всех мужчин отправят.

– Я бы тоже хотела поехать за океан! Жаль, что не родилась мужчиной!

Элси лишь рассмеялась в ответ. Норма Джин, с ее-то внешностью, с ее хорошеньким личиком и детскими манерами, такая ранимая, – и хочет быть мужчиной!

Да все мы этого хотели бы. Но не повезло. Играй теми картами, что тебе сдали.

Немощная дорога кончилась, Элси заехала в тупик. Рядом, хоть в темноте и не видно, была насыпь с железнодорожными путями. Год назад где-то здесь нашли тело мужчины, изрепеченное пулями. В газетах это назвали «результатом гангстерских разборок». Теперь же лишь ветер тихо шелестел в высокой траве, словно шептались души умерших. Чего только люди не делают друг с другом! И все получают свою порцию страданий.

Все это вдруг показалось Элси сценой из фильма. Они с Нормой Джин сидят в машине в этом безлюдном месте, и с ними что-то непременно должно случиться. В такие моменты в кино обычно играет тревожная музыка. Но в реальности музыки нет, как нет и других сигналов. И ты участвуешь в этой сцене, не зная, важна она или нет. Будешь ли помнить ее всю свою жизнь или уже через час позабудешь. Просто если на экране долго показывают двоих людей, ты понимаешь: сейчас с ними случится что-то важное, иначе бы их так долго не показывали. Возможно, она до сих пор радовалась из-за выигрыша (пластиковые тарелки всегда пригодятся, да и Уоррен будет под впечатлением), но мысли ее сегодня разбегались в разные стороны, и Элси все время хотелось взять Норму Джин за руку и сжимать ее, сжимать, *сжимать*. Она вдруг сказала, словно они все это время говорили про кино:

– Такие фильмы, как сегодня, они неплохие, ты смотришь их и радуешься. Но, по сути, все в них ложь и обман, сама знаешь. Боб Хоуп, он, конечно, умеет смешить, чертовски здорово умеет, но это не по-настоящему. Мне нравились другие фильмы – «Враг общества», «Маленький Цезарь», «Лицо со шрамом», Джимми Кэгни, Эдвард Джи Робинсон, Пол Муни. Сексуальные подлецы, и в конце всегда получают свое.

Элси развернулась, и они поехали на улицу Резеды.

Пора было возвращаться домой. Было уже совсем поздно, к тому же ей хотелось пива. Нет, не на кухне. Она заберет бутылку в спальню и выпьет там, медленно, чтобы настроиться на сон. И она сказала уже веселее, словно в кино, когда одна сцена сменяет другую:

– Нет, тебе наверняка понравится твой муженек, Норма Джин! И ты захочешь от него детишек. Как я в свое время хотела.

Настроение Нормы Джин тоже изменилось. Она сказала:

– Может, и захочу. Это ведь нормально, правда? Настоящий ребенок. Рождается, выходит из твоего тела, и тебе уже не больно. Обожаю возиться с малышами. Пусть они даже не мои. Любые малыши. – Она замолчала, чтобы перевести дух. – Но если это *мой* ребенок, у меня будет на то право. Круглые сутки.

Элси покосилась на нее, удивившись перепаду в настроении. Впрочем, такова уж она была, Норма Джин. Настроение у нее менялось, точно ветер. То сидит хмурая и задумчивая, то вдруг, словно выключатель какой переключили, становится весела, шутит, смеется, вся лучится, как солнышко, словно на нее направили кинокамеру.

Норма Джин с чувством сказала:

– Да! Мне очень бы хотелось заиметь р-ребеночка. Наверное, только одного. Ведь тогда я уже никогда не буду одна, правда?

– Ну, какое-то время, да, – грустно заметила Элси. И вздохнула. – До тех пор, пока она не вырастет и не оставит тебя.

– «Она»? Но я вовсе не хочу девочку. У моей мамы были одни девочки. А я хочу маленького мальчика!

Норма Джин произнесла эти последние слова с таким жаром, что Элси встревоженно покосилась на нее.

Странная, странная девочка. Может, я ее совсем не знаю?

Элси с облегчением заметила, что старенького пикапа Уоррена у дома не видно. Впрочем, это означало, что он заявится домой поздно и обязательно пьяный. А уж если проиграл сегодня в карты, что случалось с ним последнее время часто, то еще и в самом скверном расположении духа. Но Элси отмахнулась от этой мысли. Не стоит заранее портить себе настроение. Светло-желтые пластиковые тарелки она выставит на кухонном столе, на самом видном месте. Чтобы Уоррен сразу заметил их и удивился – черт, а это еще что такое? Она уже представила комичное выражение на его лице. И тогда она выложит ему хорошие новости, и он, возможно, даже улыбнется. Ведь любой выигрыш, любая вещь, которая досталась тебе за просто так, любая халява – это ведь здорово, верно?

Элси поцеловала Норму Джин, пожелала ей спокойной ночи. И еще шепнула:

– Все, что я сегодня тебе говорила, Норма Джин, это для твоей же пользы, милая. Тебе обязательно надо замуж, потому что у нас тебе оставаться нельзя. И видит Бог, возвращаться туда... в то место, ты тоже совсем не хочешь.

Сегодня Норма Джин восприняла эти слова гораздо спокойнее, чем несколько дней назад:

– Знаю, тетя Элси.

– Ведь рано или поздно придется стать взрослой. Никому этого не избежать.

Норма Джин печально, скрипуче усмехнулась:

– Похоже, выкликнули мой номер, тетя Элси. *Выкликнули.*

Подручный бальзамировщика

– Я люблю тебя! Теперь я совершенно счастлива!

Он настал, этот день, 19 июня 1942 года (не прошло и трех недель, как Норме Джин исполнилось шестнадцать лет), день, когда она обменялась священной супружеской клятвой с парнем, в которого влюбилась с первого взгляда. И он тоже влюбился в нее с первого взгляда, и они глазели друг на друга в восторженном изумлении – *Привет! Я Баки. А я – Н-Норма Джин*, – а на почтительном расстоянии от них стояли Бесс Глейзер и Элси Пириг, улыбались и чуть не плакали от умиления, предвосхищая этот самый час. *В тот день на свадьбе, что проходила в Первой Церкви Христа, в Мишен-Хиллз, штат Калифорния, каждая женщина рыдала от умиления при виде такой красавицы-невесты.* На вид ей было не больше четырнадцати, а жених, ростом шесть футов три дюйма, возвышался над ней, будто каланча. На вид не больше восемнадцати, но заметный, фунтов двести без десятка, нескладный, но весьма любезный, красавчик, похож на подростка Джеки Кугана, и черные колючие волосы стрижены коротко, отчего всем видны оттопыренные розовые уши. Он был чемпионом школы по борьбе, играл в футбольной команде, и сразу было видно, что способен защитить эту маленькую славную девушку, к тому же сироту. *Взаимная любовь, причем с первого взгляда. И месяца не были помолвлены. Такие уж были времена, война. Все торопились успеть.*

Вы только посмотрите на их лица!

Невеста бледная и сияет, словно жемчужина, если не считать капельки румян на щеках. В глазах как будто танцуют язычки пламени. Каштановые волосы, словно солнечный свет, обрамляют идеальное кукольное личико и частью заплетены в тонкие косички, а частью свисают длинными локонами. Эту прическу сделала невесте мать жениха и еще вплела ландыши ей в волосы. А сверху белая фата из тончайшего газа, невесомая, точно дыхание. По всей церквушке разлит чудесный сладко-горьковатый аромат ландышей, томный аромат самой невинности – этот запах я буду помнить всю свою жизнь, для меня это запах счастья и сбывшихся желаний. И еще ужас, что сердце мое вот-вот остановится и меня приберет Господь.

А свадебное платье, оно такое красивое. Ярды блестящего белого атласа, тесный лиф, рукава длинные, узкие, заканчиваются сборчатыми манжетами. Ярды и ярды ослепительно-белого атласа, белые пышные складки и бантики, и кружева, и крошечные веночки, и крохотные белые пуговицы в виде жемчужин, и шлейф длиной футов в пять, и сроду не догадаться, что платье это уже надевали, что принадлежало оно сестре Баки Лорейн. Конечно, его переделывали, подгоняли по фигуре Нормы Джин, отдавали в химчистку, и выглядело оно безупречно. На ногах у невесты были белые атласные сандалии на высоком каблуке, тоже безупречные, хоть и купленные всего за пять долларов в ван-найссском магазине «Гудвилл».

На женихе серовато-белый смокинг, плотно облегающий его широкие плечи; и сразу становится видно, что это сильный, крепкий парень, не какой-нибудь там слабак; он окончил мишен-хиллзскую школу в 1939 году, хоть и с трудом, потому что пропустил много занятий, терпеть не мог учебники, классы, классные доски, а еще ненавидел сидеть, сидеть, сидеть за тесной для него партой и слушать, как учителя, старые девы обоих полов, все зудят и зудят – с таким видом, словно знают какой-то важный секрет. Которого на самом деле не знают, это уж точно.

По окончании школы Баки Глейзеру предлагали спортивные стипендии, звали учиться в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, в Тихоокеанский университет, в университет штата Калифорния в Сан-Диего, куда только не звали, но от всех предложений он отказался. Предпочел зарабатывать на жизнь и сохранять независимость. Устроился подручным бальзамировщика в самое старое и престижное похоронное бюро Мишен-Хиллз. И Глейзеры по всему городу хвастались, что их сынок скоро станет настоящим бальзамировщиком, а от баль-

замировщика всего один шаг до врача, который делает вскрытия, до патологоанатома. Кроме того, Баки подрабатывал на авиационном заводе «Локхид», в ночную смену, стоял на конвейере, с которого сходили потрясающие бомбардировщики типа Б-17, способные разбомбить к чертовой матери всех врагов Америки.

Да, Баки планировал поступить в Вооруженные силы США и сражаться за свою страну, это он дал понять своей невесте Норме Джин с самого начала.

Все ускорилось! Такие уж времена.

На свадьбе отмечено было также, что гости в основном были со стороны жениха. Глейзеры и их многочисленные родственники, люди с широкой костью и добродушными физиономиями, типичные здоровые американцы, все похожие друг на друга, несмотря на разный пол и возраст, разместились на скамьях в маленькой оштукатуренной церкви, куда их загнали на церемонию. По сигналу они дружно поднимутся со скамей и будут изгнаны на улицу. Мужчины принадлежали к Первой Церкви Христа, а потому чувствовали здесь себя как дома и во время брачной церемонии важно кивали.

Со стороны невесты присутствовали лишь ее приемные родители Пириги да два тощих, непохожих друг на друга паренька, названные приемными братьями, а также несколько девочек, подружек Нормы Джин по школе, – все до одной сильно накрашенные. Была здесь и плотная женщина с химической завивкой, в синем саржевом костюме, представившаяся до начала церемонии «доктором» и вдруг начавшая сипло рыдать, когда священник обратился к невесте с вопросом:

– Согласны ли вы, Норма Джин Бейкер, взять в мужья этого мужчину, Бьюкенена Глейзера, и жить с ним в бедности и богатстве, здравии и болезни, пока смерть не разлучит вас? Во имя Отца нашего Господа и Его единственного Сына Иисуса Христа!

И невеста, сглотнув, прошептала:

– О да, сэр.

Дрожащим сиротским голосом. Это на всю жизнь.

Доктор Эдит Миттельштадт подарила новобрачным «фамильный» чайный сервиз из стерлинга: тяжелый чайник в узорах, сливочницу, сахарницу и серебряный же поднос, – впоследствии Баки заложит все это в Санта-Монике за смешные двадцать пять долларов.

При этом ему придется пройти через унижительную процедуру снятия отпечатков пальцев, а Норма Джин, вся малиновая от смущения, будет смотреть на него и хихикать.

Как будто я вор или жулик какой! Черт, как же я зол!

Но где же мать невесты? Почему мать невесты не явилась на свадьбу своей единственной дочери? И где отец? Таких вопросов никто не задавал.

Неужели правда, что мать невесты находится в психиатрической лечебнице штата? Неужели правда, что мать невесты сидит в женской тюрьме? Неужели правда, что мать невесты пыталась убить свою дочь, когда та была маленькой? Неужели правда, что мать невесты наложила на себя руки то ли в тюрьме, то ли в сумасшедшем доме?.. Нет, таких вопросов в этот радостный день никому задавать не хотелось.

Неужели правда, что у бедняжки нет отца? Что никакого Бейкера не существует? Что невеста – незаконнорожденная? Что в ее свидетельстве о рождении записано это проклятье: «ОТЕЦ НЕИЗВЕСТЕН»?

Никто из добрых христиан-американцев не стал задавать этого вопроса в столь радостный и светлый день.

Сам же Баки сказал невесте накануне свадьбы, что тут нечего стыдиться. *Да плюнь ты, не бери в голову, радость моя. Никто в семье Глейзер не станет смотреть на человека свысока по не зависящим от него причинам. А если станет, обещаю, тут же получит от меня в нос.*

Итак, Норма Джин выросла весьма красивой девушкой, и за ней пришел мужчина.

Любовь с первого взгляда – сокровище всей жизни, но, может, это высказывание не на сто процентов соответствует истине?

Вообще-то, Баки Глейзеру не слишком хотелось встречаться с этой девушкой, Нормой Джин Бейкер. Он видел ее в кинотеатре на бульваре Сепульведа вместе с этой ведьмой Элси Пириг, видел, как они вдвоем поднялись на сцену. Девушка не слишком понравилась разборчивому Баки – мало чем отличается от любой школьной шлюшки плюс еще слишком молоденькая. И он огорчил свою мамашу, удрав из зрительного зала. Он ждал ее на парковке, безмятежно присев на капот автомобиля и покуривая сигаретку, – точь-в-точь персонаж из кино. Бедная миссис Глейзер приковывалась к нему на высоких каблуках и отругала так, словно Баки был не взрослый мужчина двадцати одного года, а двенадцатилетний мальчишка:

– Бьюкенен Глейзер! Да как ты смеешь! Какая грубость! Унизил собственную мать! Что я теперь скажу Элси? Ведь она мне утром позвонит. *Мне самой* пришлось прятаться, чтобы она меня не увидела! И эта девочка такая *милашка*!

В отношениях с мамашей Баки придерживался своей методики. Пусть себе сходит с ума, шумит, пыхтит и сморкается, считает, что рано или поздно все равно добьется своего, как большинство женщин семейства Глейзер. Она уже добилась своего со старшим братом Баки и обеими его старшими сестрами, заставила их вступить в брак совсем молодыми. То было мудрое решение, иначе непременно начались бы неприятности; опасность здесь подстерегала и мальчиков и девочек; несчастная Бесс просто из кожи лезла вон, стремясь положить конец постыдной связи Баки с двадцатидевятилетней разведенкой, с которой они работали по ночам на заводе «Локхид». У этой эффектной женщины с жестким красивым лицом был маленький ребенок, и «она подцепила моего мальчика на крючок» – именно так выражалась Бесс, жалуясь на «злодейку» любому, кто соглашался ее выслушать.

Еще в школе Баки встречался со многими девушками, да и сейчас регулярно ходил на «свидания» – в том числе и с дочкой директора похоронного бюро, но Бесс считала, что самая серьезная угроза исходит именно от разведенки.

– Ну чем тебе не понравилась девочка Элси Пириг? Хоть убей, не пойму! Что с ней не так? Элси клянется и божится, что она добрая христианка, не пьет, не курит, все время читает Библию, и по дому все делает, и с мальчиками ведет себя застенчиво, и вообще, Баки, пора бы тебе остепениться. С девушкой, которой можно доверять. А если, не дай бог, уедешь за океан, тебе нужен будет человек, к которому ты захочешь вернуться. Любимая, которая будет писать тебе письма.

Баки не сдержался:

– Черт, да Кармен мне будет писать, мам. Она уже пишет паре других ребят.

Бесс начала плакать. Кармен была та эффектная разведенка, что подцепила Баки на крючок.

Баки расхохотался, потом раскаялся и обнял мать со словами:

– Ну, мам, ты и есть тот человек, к которому я захочу вернуться. Будешь мне писать. На кой шут мне кто-то еще?

Вскоре после этого Баки возмутил целую толпу женщин-родственников, собравшихся у них в гостиной. Но прежде он услышал, как мать с мученическим видом говорит:

– Мой мальчик заслуживает девственницу, ни больше ни меньше!

Тогда он, прислонившись к дверному косяку, с самым невозмутимым видом и во всеуслышание заявил:

– Какую такую еще девственницу? Как я узнаю, девственница она или нет? Как, интересно, *ты* узнаешь, а, мам? – И пошел себе дальше, насвистывая.

Нет, Баки Глейзер – это, конечно, нечто! Самый остроумный парень в семье!

Однако это все же произошло. По некой причине Баки согласился на встречу с этой самой Нормой Джин. Проще уж уступить Бесс, чем выслушивать ее бесконечные жалобы и, что еще хуже, все ее вздохи и стоны и ловить на себе укоризненные взгляды. Он знал, что Норма Джин молода, но ему не сказали, что ей всего пятнадцать. Поэтому, увидев ее вблизи, он испытал настоящее потрясение. Она шла к нему нетвердой походкой, словно лунатик, потом остановилась, улыбнулась смущенно и, запинаясь, назвала свое имя. *Совсем еще ребенок. Но боже, вы только посмотрите на нее! Вот это фигура!* И хотя он собирался позже пошутить, описывая друзьям это так называемое свидание, девушка была настолько привлекательной, что Баки заглянул в будущее и увидел, как будет хвастать Нормой Джин. Показывать приятелям ее снимки. Или, что еще лучше, ее саму, во плоти. Моя новая подружка Норма Джин. Совсем еще молоденькая, но с учетом возраста вполне зрелая.

Баки представил, какое выражение увидит на физиономиях приятелей.

Он водил ее в кино. Водил на танцы. Вozил кататься на байдарке, велосипедах, удить рыбу. Его удивило, что, несмотря на скромность, Норма Джин любила выходить в люди. Среди его друзей, все они были ровесниками Баки, сидела тихо и настороженно, вежливо улыбалась их шуткам и дуракованию, и ясно было как день, что такие красавицы, как Норма Джин, бывают только в кино. Личико сердечком, вдовий мыс, каштановые кудряшки до плеч, умение с лоском носить тесные свитеры, юбки и клетчатые брюки – теперь женщинам дозволялось носить брюки в общественных местах.

Сексуальная, ну прямо как Рита Хейворт! Причем из тех, кого хочется взять в жены, как Джанет Макдональд.

В то время события развивались очень быстро. Началось все с ужасов Пёрл-Харбора. Каждый день казался с тех пор днем землетрясения, и ты просыпался, не зная, чего ждать. Заголовки в газетах, сводки по радио. И в то же время жизнь стала очень увлекательной.

Можно было только пожалеть мужчин постарше, тех, кому за сорок. Они уже попытались счастья в армии, но им так и не довелось побывать на настоящей войне. Защитить свою страну. И даже если довелось, еще во время Первой мировой, так то было давным-давно, прошло и быльем поросло. *Главное* – то, что происходит сейчас в Европе и на Тихом океане.

У Нормы Джин была привычка прильнуть к нему и чуть не дрожать от предвкушения: что же он сейчас расскажет? Она хватала его за руку, синие глаза ее мечтательно туманились, а дыхание учащалось, словно после пробежки. И она спрашивала, что, по его мнению, будет дальше. Выиграют ли США эту войну, спасут ли планету от Гитлера и Тодзэ? Сколько еще продлится эта война и будут ли бомбить их страну? Калифорнию? И если да, что же с ними со всеми будет? Какой будет их судьба? Баки лишь улыбался – никто из его знакомых не произнес бы этого странного слова, *судьба*. Но эта девушка заставляла его задуматься, и он это ценил. Иногда он с удивлением обнаруживал, что отвечает ей, словно радиодиктор.

Он успокаивал Норму Джин, говорил, чтобы та не волновалась; если япошки только попробуют бомбить Калифорнию или любую другую «территорию Соединенных Штатов», их тут же сожгут системы ПВО. («Чтоб ты знала, у нас на заводе делают секретные ракеты».) Если попробуют высадиться на континент, их корабли потопят с берега. А если все же ступят на землю США, каждый американец, способный держать оружие в руках, будет биться с ними не на жизнь, а на смерть. Здесь такого попросту не может случиться.

Однажды у них был странный разговор. Норма Джин заговорила о «Войне миров» Герберта Уэллса, сказала, что читала эту книгу, в ответ на что Баки заявил, что никакая это не книга, а радиоспектакль Орсона Уэллса, который дали в эфир несколько лет назад. Норма Джин притихла, а затем сказала, что, наверное, перепутала эту книгу с какой-то другой. Баки сообразил, что к чему и как такое могло взбрести девочке в голову.

– Ты что, не слушала ту постановку? Наверное, маленькая была. А мы все были дома и слушали. О, это было нечто, я тебе доложу! Дедушка, так тот вообще подумал, что это все по-

настоящему, и его чуть удар не хватил. А мама, ну, ты знаешь, какая она у нас, она слышала, как Орсон Уэллс говорил, что это «ненастоящий выпуск новостей», но ей все равно было страшно, все ударились в панику. Я сам тогда был еще мальчишкой и вроде как думал, что все это по правде, хоть и знал, что это не так, что это всего лишь радиоспектакль. Но, черт побери, – тут Баки улыбнулся, заметив, что Норма Джин смотрит на него во все глаза и ловит каждое его слово, словно то были не слова, а золотые монеты, – любой, кто слушал ту постановку, не мог удержаться от мысли, что такое вполне возможно, хоть и понимал, что все это не настоящее. А когда через несколько лет японцы бомбили Пёрл-Харбор, новости не так уж отличались от «Войны миров», верно?

Тут он, похоже, сбился с мысли. Ему хотелось сделать какой-то вывод, сказать что-то важное, но Норма Джин была так близко, и пахло от нее то ли мылом, то ли тальковой пудрой, то ли чем-то цветочным, и Баки не мог сосредоточиться. Рядом никого не было, он подался к ней и поцеловал ее в губы, и глаза ее тут же закрылись, как у куклы, и он почувствовал, как по телу его, от груди до паха, прошла жаркая волна, и положил ладонь ей на затылок, взъерошил кудряшки, и поцеловал крепче, и тоже закрыл глаза. Словно растворился во сне, вдыхая ее аромат, и, как любая девушка во сне, она была мягкой, податливой и покорной, и он целовал ее еще крепче, пытаясь раздвинуть языком плотно сомкнутые губы, зная, что однажды губы Нормы Джин разомкнутся, и – господи иисусе! – только бы не кончить в штаны.

Любовь с первого взгляда. Баки Глейзер начинал в нее верить.

Он уже рассказал ребятам с завода, как впервые увидел эту девушку на сцене кинотеатра. Она выиграла приз, и, скажу я вам, она сама была *как приз*, когда вышла на свет, а публика аплодировала ей как бешеная.

– Жениться положено на девственнице. Из чувства самоуважения.

Он много думал о Норме Джин. Их познакомили в мае, а 1 июня у нее был день рождения, и ей должно было исполниться шестнадцать лет. Девушка вполне может выйти замуж в шестнадцать, в семье Глейзер такое бывало. *Главное, Баки, никогда не торопись*, твердила ему мать. Но Баки понимал, что Бесс хитрит. Она слишком хорошо знала своего сына, знала, что, если его *отговаривать*, он непременно *захочет* поступить наперекор. Тем не менее он думал о Норме Джин иначе, чем о других своих девушках. Даже когда был с Кармен. Особенно когда был с Кармен и делал сравнения. *Посмотри правде в глаза, она потаскуха. Такой нельзя доверять*. Он думал о Норме Джин и после обеда, в похоронном бюро, когда помогал балъзамировщику мистеру Или готовить тело для «прощального зала». Особенно тело нестарой женщины. Им овладевало незнакомое прежде чувство, ощущение быстротечного времени и неизбежной смерти. Как говорится в Библии, «доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься»²⁹.

Каждую неделю в «Лайфе» появлялись фотографии раненых и убитых; *тела солдат, полусасыпанные песком на каком-то забытом богом острове в Тихом океане, о котором ты никогда прежде не слышал. Целые штабеля китайцев, погибших во время японской бомбежки*. И каждый в смерти был наг. *Интересно, как выглядит обнаженная Норма Джин?* При мысли об этом он едва не лишился чувств, понял, что ему надо бы сесть и спрятать голову в коленях, а мистер Или, смешной уса́тый холостяк с невероятно густыми бровями – ну в точности как у Граучо Маркса³⁰, – начал поддразнивать его, обзывать «слабаком».

Во время ночной смены на заводе, среди оглушительного шума и грохота, Баки тоже не переставал думать о Норме Джин. Прикидывал, не пошла ли она сегодня на свидание, вместо того чтобы остаться дома и думать о Баки, как обещала? Мужчины постарше, работавшие вме-

²⁹ Быт. 3: 19.

³⁰ *Граучо Маркс* (1890–1977) – один из комиков знаменитого комедийного трио братьев Маркс; они выступали в кабаре и мюзик-холлах, снимались в популярных комедиях в 1930–1940-х гг.

сте с Баки на конвейере, стремились поскорее попасть домой, к женам, забраться в постель в шесть часов утра. И отпускали на эту тему бесконечные шуточки, плотоядно потирали руки, многозначительно закатывали глаза и самодовольно ухмылялись. Некоторые показывали фотографии молоденьких миловидных жен и подружек. Один похвалялся снимком жены, позировавшей в стиле Бетти Грейбл, – она стояла спиной к камере и смотрела через плечо, и был на ней не купальный костюм, как на Бетти Грейбл, но одни лишь кружевные трусики и туфли на высоком каблуке. Баки разве что зубами не скрежетал. Да она и вполтину не так сексуальна, как Норма Джин, если поставить ее в ту же позу! *Погодите, вы еще увидите мою девушку!*

Получается, он влюбился в нее, что ли? Черт подери, может, и правда влюбился. Может, пришла пора и ему влюбиться. И ему совсем не хотелось, чтобы Норма Джин досталась другому парню.

По мнению Баки Глейзера, на свете существовали две категории женщин: «твердые» и «мягкие». Лично он всегда западал на мягких. Он это твердо знал. Эта милая девчонка смотрела на него, широко распахнув глаза, верила ему, соглашалась с каждым его словом, что вполне естественно, ведь Баки поумнее ее, и ему очень нравилось, что она с ним соглашается. Баки равнодушен был к боевым девицам, которые воображают, что самый сексуальный способ флирта – это доставать парня и действовать ему на нервы. Короче говоря, вести себя как персонажи Кэтрин Хепберн. Ну да, Баки с ними заводился, но с мягкой и податливой Нормой Джин он заводился по-другому: ему даже снилось, что он перешептывается с ней, обнимает ее, укутанную простыней, целует и гладит. *Больно не будет, обещаю! Да я от тебя просто без ума.* И он, сгорая от желания, просыпался среди ночи в постели, в которой спал уже бог знает сколько времени, лет с двенадцати наверное, и давно ее перерос: лодыжки и ступни сорок шестого размера уже на ней не умещались. *Пора бы завести собственную кровать. Двухспальную.*

Все решилось однажды вечером. Через три недели после того, как их познакомили. Такие уж настали времена, все происходило необычайно быстро. Пришло сообщение, что один из молодых дядьев Баки пропал без вести на Коррехидоре. Ближайший друг Баки по борцовской команде Мишен-Хиллз служил пилотом на авианосце и совершал одиночные ночные вылеты, бомбил врага в Юго-Восточной Азии. Норма Джин рыдала, говорила, что да, выйдет за него замуж, примет от него обручальное кольцо, и да, она его очень любит. А потом, как будто этого недостаточно, она сделала очень странную вещь, он сроду не видел, чтобы девушки в жизни или в кино делали такие вещи. Взяла его крупные, грубые, в ссадинах руки в свои, маленькие и мягкие, и, не обращая внимания на запах (он-то знал, что от рук у него воняет; сколько бы он ни мыл их и ни тер, избавиться от этого запаха не удавалось; то был запах жидкости для бальзамирования, смеси формальдегида, глицерина, буры, фенола и этилового спирта), поднесла их к лицу и вдохнула этот запах, словно благоухание ароматных масел или драгоценный аромат из прошлого. Закрыла глаза и мечтательно прошептала:

– Я люблю тебя! Теперь я совершенно счастлива!

Спасибо Тебе, Господи, спасибо Тебе, о Боже мой милостивый, как я Тебе благодарна! Клянусь, что большие никогда в жизни не усомнюсь в Тебе! Никогда не захочу наказать себя за то, что никому не нужна и нелюбима.

Брачная церемония в Первой Церкви Христа, что в Мишен-Хиллз, штат Калифорния, наконец-то шла к концу. Не только все женщины, но и некоторые мужчины смахивали слезинки умиления. Высокий жених покраснел и наклонился поцеловать свою девочку-невесту. Он был застенчив и одновременно преисполнен радостного нетерпения, как маленький мальчик рождественским утром. Обнял невесту так крепко, что в поясице платья сбилось в складки, а белая свадебная фата съехала набок.

Он поцеловал невесту, которая звалась теперь миссис Бьюкенен Глейзер, крепко поцеловал в губы и почувствовал, как губы ее задрожали и раскрылись. Совсем чуть-чуть.

Женушка

1

– Жена Баки Глейзера работать не будет. Никогда.

2

Она хотела быть идеальной. Меньшего он не заслуживал.

Поселились они в квартире под номером 5А на первом этаже жилого комплекса Вердуго-Гарденс по Ла-Виста-стрит, 2881, в районе Мишен-Хиллз, штат Калифорния.

Первые месяцы брака пронеслись как во сне.

Первое замужество. Нет на свете ничего слаще! Но понимаешь это лишь потом.

Жила-была молодая невеста, взяла и превратилась в ženuшку. Едва нашла время записать в тайном дневнике: Миссис Баки Глейзер. Миссис Бьюкенен Глейзер. Миссис Норма Джин Глейзер.

Без «Бейкер». Скоро она и не вспомнит этой фамилии.

Баки был всего на пять лет старше Нормы Джин, но с самого начала, калачиком свернувшись в его объятиях, она называла мужа Папочкой. Иногда он был Большой Папочка, гордый обладатель Большой Штуковины. А она была Малышкой, иногда Куколкой, гордой обладательницей Маленькой Штучки.

Она действительно оказалась девственницей. Этим Баки тоже гордился.

Как же идеально подходили они друг другу! «Словно мы сами все это придумали, Малышка!»

Странно, но шестнадцатилетней Норме Джин удалось преуспеть там, где ее мать Глэдис потерпела в свое время полный провал. Найти себе доброго, любящего мужа, обвенчаться с ним в церкви, стать *миссис*. Норма Джин знала, потому-то и заболела Глэдис – потому, что у нее не было мужа, и потому, что никто не любил ее той единственной любовью, которая имеет смысл.

Чем больше Норма Джин думала об этом, тем чаще приходила к выводу, что Глэдис, наверное, вообще никогда не была замужем. Что все эти фамилии – Бейкер, Мортенсен – были чистой воды выдумкой, чтобы избежать позора.

Даже бабушку Деллу ей удалось одурочить. По всей вероятности.

Странно было и вспоминать то утро, когда они с Глэдис поехали на бульвар Уилшир, на похороны знаменитого голливудского продюсера. Как она стояла там и с замиранием сердца ждала, что за ней придет Папа. Правда, ждать придется много лет.

– Папочка? Ты меня любишь?

– Да я просто без ума от тебя, Малышка! Вот, погляди-ка!

Норма Джин послала Глэдис приглашение на свадьбу и с волнением стала ждать ответа. Ей хотелось, чтобы на свадьбе присутствовала эта женщина, ее Мать. И в то же время она приходила в ужас при мысли, что Мать объявится на церемонии.

Эй, поглядите-ка! Кто она, эта сумасшедшая? И все до единого будут пялиться на нее.

Разумеется, Глэдис не приехала на свадьбу дочери. Даже открытки не прислала, не пожела-
ла ей счастья.

– С чего бы мне огорчаться? Вот я и не огорчаюсь.

Она сказала Элси Пириг, что на свадьбе достаточно и одной матери, будущей свекрови, а без родной матери можно и обойтись. Миссис Глейзер. Бесс Глейзер. Еще до свадьбы она настойчиво просила Норму Джин называть ее мамой. Но слово это застревало у Нормы Джин в горле.

Нет, иногда ей все же удавалось выдать «мама Глейзер» – тихо, вскользь, почти неслышно. Бесс Глейзер была очень добрая женщина, настоящая христианка. Не стоило винить ее в том, что она слишком пристально присматривалась к невестке. *Прошу, не надо ненавидеть меня за то, что я вышла за вашего сына. Пожалуйста, помогите мне стать ему хорошей женой.*

Она преуспеет во всем, где Глэдис потерпела полный провал. Такова была ее клятва.

Она обожала, когда Баки занимался с ней любовью, похотливо и ненасытно, называя ее своей сладкой, своей милой, Малышкой, Куколкой, стонал, содрогался, тихонько ржал как конь – «Ты моя лошадка, Малышка! Гоп-гоп!» – и постельные пружины пищали, как мыши в мышеловке. А потом Баки лежал в ее объятиях, грудь его тяжело вздымалась, тело было скользким от маслянистого пота, запах которого ей так нравился. Баки Глейзер обрушивался на нее подобно снежной лавине, погребал под собой, пригвождал к постели. *Муж меня любит. Я – мужняя жена. И никогда уже не буду одна.*

Она уже позабыла о том, как боялась выходить замуж. Какая же дурочка она была, совсем ребенок.

Теперь уже ей завидовали незамужние женщины, необрученные девушки. Это видно было по их глазам. Восхитительное чувство! Волшебные колечки на безымянном пальце левой руки. «Фамильные ценности» Глейзеров. Свадебное колечко было из отполированного временем тусклого золота. *С пальца мертвой женщины.* Обручальное кольцо украшал крошечный бриллиант. То были волшебные колечки, и Норма Джин то и дело поглядывала в зеркало или в витрину, посмотреть, как они выглядят со стороны. *Кольца! Замужняя женщина. Девушка, которую любят.*

Она была мила и хороша собой, как Джанет Гейнор в фильмах «Ярмарка штата», «Провинциалка», «На солнечной стороне», как юная Джун Хэвер, как молодая Грир Гарсон. Она была словно родная сестра Дины Дурбин или Ширли Темпл. Почти внезапно она потеряла интерес к роскошным и сексуальным звездам Голливуда – Кроуфорд, Дитрих. Даже Джин Харлоу с выбеленными до платинового цвета волосами казалась ей теперь фальшивой, ненастоящей. Хоть и красавица, но все равно фальшивка. Голливудская фальшивка. А Мэй Уэст – просто посмешище! Разве это настоящая женщина? Не женщина, а одно название.

Нет, конечно, эти женщины делали все, что могли, чтобы продать себя подороже. Именно таких женщин хотели видеть мужчины, если не все, то большинство. Эти женщины мало чем отличались от проституток. Просто стоили дороже, потому что были «успешны».

Никогда не стану себя продавать! Пока люблю и любима.

В мишен-хиллзском троллейбусе Норма Джин не раз млела от удовольствия, заметив, как окружающие – и мужчины и женщины – поглядывают на ее кольца. Люди сразу видели, что перед ними *замужняя женщина, и такая молоденькая!* Никогда не снимет она с руки этих фамильных колец.

Только смерть снимет с нее эти фамильные кольца.

«Будто на небеса попала! А ведь я еще не умерла».

Все бы хорошо, но после свадьбы Норму Джин начал мучить один и тот же кошмар: человек без лица (мужчина? женщина?) наклонялся над кроватью, а Норма Джин лежала, словно парализованная, не в силах сбежать, и этому человеку нужны были кольца с ее пальца, а Норма Джин отказывалась их отдать, и тогда человек хватал ее за руку и начинал отпиливать ей палец ножом, и все это было так реально, что Норма Джин уверена была, что истекает кровью, сто-

нала, металась по постели и просыпалась, а если Баки спал рядом, если в ту ночь он не выходил в ночную смену, он тоже просыпался и вяло пытался успокоить ее. Обнимал сильными руками, легонько покачивал в объятиях, бормотал:

– Ну, тихо, тихо, Куколка! Это всего лишь дурной сон. Большой Папочка не даст тебя в обиду, не бойся, о'кей?

Но не всегда становилось «о'кей», во всяком случае не сразу. Иногда Норма Джин была так перепугана, что не могла заснуть до утра.

Баки старался проявить сочувствие, ему льстило, что молодая жена так отчаянно в нем нуждается, но при этом он чувствовал себя несколько неуютно. Ведь, по сути, он и сам долго пробыл ребенком. Всего-то двадцать один год! А Норма Джин оказалась девушка непредсказуемая. Когда они просто встречались, она была так весела, ну просто солнышко, а теперь, в эти трудные ночи, он видел и другие ее стороны.

Неприятным открытием стали, к примеру, «спазмы» – так, стесняясь, называла Норма Джин свои критические дни. Прежде Баки был избавлен от подобных женских секретов. Теперь же оказалось, что раз в месяц у Нормы Джин не только идет кровь (хлещет, как из заколотой свиньи, он не смог удержаться от такого сравнения), причем из влагалища, места, предназначенного для занятий любовью. И толку от нее два-три дня совсем никакого – все время лежит в постели с грелкой на животе, а иногда и с холодным компрессом на лбу (оказывается, у нее еще и «мигрени»!). Вдобавок ко всему, она наотрез отказывалась принимать лекарства, даже аспирин, что советовала мать Баки. И его это бесило: «Христианская наука! Да это же бред, разве можно принимать его всерьез?» Впрочем, спорить не хотелось, это лишь осложнило бы положение. Он пытался, как мог, проявлять сочувствие, очень старался. Ведь теперь он был женатым мужчиной, и (как сухо сказал его старший брат, тоже женатый) уж лучше ему свыкнуться с этим фактом и с запахом тоже.

Но ночные кошмары! Баки выматывался на работе, ему нужно было выспаться – если не трогать, он мог проспать десять часов кряду, – а тут Норма Джин будит его, пугает чуть не до смерти, сама в панике, а короткая ночнушка промокла от пота, хоть выжимай. Он вообще не привык спать не один. Ну, по крайней мере, не всю ночь напролет. И ночь за ночью. И с такой непредсказуемой женщиной, как Норма Джин. Словно их было двое, близнецы, ночная и дневная Норма Джин, и ночная иногда одерживала верх, и не важно, как мила и добра была дневная, как любила его, да и сам он был от нее без ума. Он держал Норму Джин в объятиях и чувствовал, как бешено колотится ее сердце. Словно обнимал перепуганную птичку колибри. А цеплялась она за него *мертвой хваткой*! В панике девушка едва ли не сильнее парня. Прежде чем окончательно проснуться, Баки думал, что снова оказался в школе, в спортивном зале, лежит на мате и борется с соперником, а тот намерен сломать ему ребра.

– Ты ведь не бросишь меня, Папочка, нет? – скулила Норма Джин, на что Баки отвечал сонно: «Угу», а Норма Джин настаивала: – Обещаешь, что не бросишь, Папочка, да?

И Баки говорил:

– Ну конечно, Малышка, все о'кей. – Но Норма Джин не унималась, продолжала твердить свое, и тогда Баки говорил: – С чего бы мне *бросать* тебя, Малышка? Ведь я только что на тебе женился.

В этом ответе было что-то не то, но никто из них не мог понять, что именно. Норма Джин еще крепче обнимала Баки, прижималась горячее и мокрой от слез щекой к его шее, и пахло от нее влажными волосами, тальком, и подмышками, и звериным страхом, именно так определял этот запах Баки. А она все шептала:

– Так ты обещаешь, да, Папочка?

И Баки бормотал в ответ: да, да, обещаю, давай уже спать.

Тогда Норма Джин вдруг хихикала и говорила:

– Положа руку на сердце? – И рисовала указательным пальцем крест у него на груди, прямо над большим и гулко стучащим сердцем, и щекотала кудрявые волоски у него над сердцем, и Баки вдруг возбуждался, Большая Штуковина вздымалась, и Баки хватал пальцы Нормы Джин и делал вид, что собирается их съесть, а Норма Джин брыкалась, отбивалась, хихикала и пищала: – Нет, Папочка, *нет!*

И тогда Баки припечатывал ее к матрасу, наваливался всем телом на ее стройное тело, зарывался носом ей в грудь, кусал ее, грудь, по которой с ума сходил, лизал ее, рычал:

– Да, Папочка сейчас со своей Куколкой что захочет, то и сделает, потому что это *его* Куколка, она принадлежит ему, и вот это тоже Папочкино, и вот это, *и вот это*.

*Когда он был во мне, я была в безопасности.
И хотела, чтобы это никогда не кончалось.*

3

Она хотела быть идеальной. Меньшего он не заслуживал.

Она собирала Баки обед на работу. Большие двойные сэндвичи, его любимые. Вареная колбаса, сыр и горчица на толстых ломтях белого хлеба. Ветчина с приправами. Остатки мяса с ужина, с кетчупом. Валенсийские апельсины, самые сладкие. Что-нибудь сладкое на десерт – вишневый коблер³¹ или имбирный пряник с яблочным соусом. Когда с продуктами стало хуже, Норма Джин перестала есть мясо на ужин, чтобы Баки было чем пообедать. Он делал вид, что не замечает, но Норма Джин знала: муж ей благодарен. Баки был высоким крепким парнем, все еще продолжал расти, и аппетит у него был, как поддразнивала Норма Джин, волчий – ест, «как голодный волк». И в этом ритуале – встать пораньше, собрать мужу обед – видела она что-то трогательное, такое, что слезы на глаза наворачивались. И еще она подкладывала ему в коробочку с обедом любовные записки, украшенные гирляндами нарисованных красными чернилами сердечек.

*Читая эти строки, милый Баки, знай, что я думаю о ТЕБЕ & Я ТЕБЯ
ОБОЖАЮ!*

Или:

*Читая эти строки, Папочка, вспомни о своей Куколке & горячей
ЛЮБВИ, которую она подарит тебе, когда вернешься ДОМОЙ!*

Эти записки Баки не мог не показать парням, работавшим в ночной смене на заводе «Локхид». Особенно он старался произвести впечатление на Боба Митчема, самодовольного смазливового парня, он был на несколько лет старше Баки и собирался стать актером. Но не знал, стоит ли показывать приятелям короткие и странные стишки Нормы Джин.

Когда от любви сердца наши тают
даже ангелы над нами
даже те завидуют нам.

Что это за поэзия, если нет рифмы? Записки с любовными стишками Баки аккуратно складывал и прятал в карман. (Вообще-то, он их растерял и часто обижал Норму Джин, забыв высказать о них свое мнение.)

³¹ Коблер – напиток, состоящий из вина с сахаром, лимоном (в данном случае вишней) и льдом.

Было в Норме Джин нечто странное. Она, словно школьница, витала в облаках, и Баки это не очень нравилось. Неужели мало быть хорошенькой и бесхитростной, как остальные симпатичные девушки? Зачем строить из себя «глубокую натуру»? По мнению Баки, все это было связано с ее кошмарами и «женскими недомоганиями». Он любил Норму Джин за ее особенности, но, бывало, обижался. Словно она лишь притворялась той девушкой, которую он знал. Эта ее манера говорить самые неожиданные вещи, этот ее писклявый и нервный смешок, это ее нездоровое любопытство – к примеру, бесконечные расспросы о работе в похоронном бюро подручным мистера Или.

Глейзерам, однако, Норма Джин нравилась, и это очень много значило для Баки. Ведь он в каком-то смысле женился на этой девушке, чтобы ублажить свою мамашу. Нет, конечно, он и сам был от нее без ума. Все парни на улице на нее оборачиваются, ну как на такую не запасть. И она была *очень хорошей женой*, весь первый год и даже дольше. Медовый месяц казался нескончаемым. Норма Джин составляла меню на всю следующую неделю и спрашивала Баки, все ли его устраивает. Записывала рецепты миссис Глейзер, а также прилежно вырезала новые – из «Ледиз хоум джорнел», «Гуд хаускипинг», «Фэмили серкл» и других женских журналов, которые, прочитав, отдавала ей миссис Глейзер. Даже с мигренью, даже провозившись весь день по дому, даже после стирки Норма Джин с обожанием рассматривала своего молодого красивого мужа, пока тот жадно поглощал приготовленную для него еду. *Бог не так уж и нужен, когда у тебя есть муж.*

Эти блюда были как молитвы: мясной рулет с крупно нарезанным сырым красным луком, рубленые зеленые перцы, сухарики, щедро политые кетчупом и помещенные в духовку, где они запекались до хрустящей корочки. Гуляш из говядины (правда, говядина в те дни была жирноватая и жилистая) с картошкой и другими овощами (а вот с овощами следовало быть осторожнее, Баки их не очень-то жаловал), а также с темной подливкой (с мукой, чтобы «погуще»), он подавался с кукурузными хлебцами, испеченными по рецепту мамы Глейзер. Жареные бройлеры с картофельным пюре. Обжаренные сосиски на булочках и с горчицей. И еще, конечно, Баки обожал гамбургеры и чизбургеры, если Норме Джин удавалось раздобыть мясо, и подавались они с большими порциями картошки фри и морем кетчупа. (Мамаша Глейзер предупредила Норму Джин, что, если на тарелке Баки не будет достаточно кетчупа, тот схватит бутылку, потрясет ее нетерпеливо и выльет полбутылки на еду.)

Подавалась на стол и запеканка из мяса, риса и овощей, Баки не слишком любил это блюдо, но, если был голоден – а он всегда был голоден, – съедал и ее с тем же аппетитом, что и самые любимые свои блюда: тунец, макароны с сыром, лосось на тостах с консервированной кукурузой, куриные крылышки и ножки в белом соусе с картошкой, морковкой и луком. Пудинг из кукурузы, пудинг из тапиоки, шоколадный пудинг. Фруктовое желе с маршмэллоу. Пирожные, печенье, пироги. Мороженое. Если б не война и трудности с продуктами! Купить мясо, масло и сахар становилось все труднее. Баки понимал, что Норма Джин не виновата, и, однако же, по-детски капризничал, выражал недовольство. Что ж, мужчины всегда винят женщин, когда недовольны едой или сексом. Так уж устроен мир. И Норма Джин Глейзер, не пробывшая замужем и года, инстинктивно поняла эту истину. Но когда еда Баки нравилась, он поедал ее с таким упоением, что смотреть на него было истинное удовольствие – такое же, как давным-давно (хотя на деле то было совсем недавно, всего лишь несколько месяцев назад), когда Норма Джин видела, как ее школьный учитель мистер Хэринг читает ее стихи вслух или хотя бы про себя.

Баки сидел за кухонным столом, вытянув шею вперед, к тарелке, и жевал, и на широком скуластом его лице поблескивали мелкие капельки пота. Приходя домой после работы, он мыл лицо, руки, подмышки, а потом зачесывал влажные волосы со лба назад. Затем снимал пропотевшую одежду, надевал свежие футболку и брюки, а иногда – просто шорты-боксеры. Как странно, на взгляд Нормы Джин, выглядел Баки, как мужчина до мозга костей. Лицо при

определенном освещении было похоже на лицо скульптуры, тяжелый квадратный подбородок, крепкие челюсти-жернова, мальчишеский рот и чудесные, добрые карие глаза. Более красивых глаз, с замиранием сердца думала Норма Джин, она не видела ни у одного мужчины, если не считать кино, разумеется.

Однако однажды Баки Глейзер скажет о своей первой жене: *Бедняжка Норма Джин, она старалась, но, черт возьми, так и не научилась толком готовить, эти ее запеканки с морковкой, слипшиеся от сыра, и потом она буквально заливала все кетчупом и горчицей!* И добавлял искренне: *Мы не любили друг друга; мы были слишком молоды для женитьбы. Особенно она.*

От добавки он никогда не отказывался. А если блюдо было любимое, и от второй добавки тоже.

– Ну просто жу-уть до чего вкусно, дорогая! Опять ты меня порадовала.

А потом, не успевала она сложить тарелки в раковину, подхватывал ее мускулистыми, как у Полая, руками, и Норма Джин тонко и взволнованно взвизгивала от предвкушения, словно на долю секунды забывала, кем доводится ей этот двухсотфунтовый похотливый парень, шумно ликующий: «Ага, попалась, Малышка!» Он тащил ее в спальню, и под тяжелыми шагами половицы так и ходили ходуном – и уж точно, все соседи это слышали. Конечно, жившая рядом Гарриет и ее соседки по квартире догадывались, чем собрались заняться молодожены. Норма Джин крепко обхватывала Баки за шею обеими руками, как будто утопающая, и дыхание Баки становилось частым и шумным, будто у жеребца; и он смеялся и говорил, что сейчас она его задушит, что у нее мертвая хватка, как у борца; и она отбивалась руками и ногами.

Наконец с торжествующим криком он валил ее на постель, расстегивал халат или задира л свитер и ласкал красивую грудь, мягкую, упругую, с розовато-коричневыми сосками, похожими на фасолины, и ее теплый округлый животик, покрытый светлым пушком, курчавые каштановые волоски, влажные, густые и щекотные – просто удивительно, до чего густой у нее был «кустик» для девушки столь юного возраста. «О Куколка!.. О-о-о!» В большинстве случаев Баки бывал так возбужден, что кончал Норме Джин прямо на бедра – тоже один из способов предохранения, – это если не успевал натянуть презерватив. Ибо даже в порыве страсти Баки Глейзер умел контролировать себя, и заводить ребенка ему не хотелось. Но, подобно жеребцу, через несколько минут он возбуждался снова, кровь прилиwała к его Большой Штуковине, словно открывали кран с горячей водой.

Он учил свою молоденькую жену заниматься любовью, и она оказалась понятливой, а чуть позже – и очень старательной ученицей. Иногда, нужно признать, Баки даже побаивался ее страсти, совсем немножко, – *слишком многого хочет от меня, от него, любви хочет*. Они целовались, ласкались, щекотали друг друга, засовывали языки друг другу в уши. Грубо обнимались. Если Норма Джин порывалась удрать, соскочить с кровати, Баки бросался к ней и хватал с криком: «Ага, вот ты и опять попалась, Малышка!» И укладывал ее обратно, на скомканные простыни. И сколько было смеха, и криков, и стонов, и тяжелого дыхания, и Норма Джин тоже стонала и всхлипывала, да и черт с ним, если кто из соседей рядом или наверху, даже кто-то из прохожих на улице услышит, что творится в такие моменты за окном с не полностью опущенными жалюзи. Ведь они как-никак женаты, верно? Венчались в церкви? Любили друг друга, разве нет? Имели полное право заниматься любовью когда и как хотят, не так ли? Да, черт возьми!

Она была милая, но слишком чувствительная. Все время хотела любви. Была незрелой, ненадежной, да и я, наверное, был таким же. Оба мы были слишком молоды.

Если б она готовила лучше и не была такая чувствительная, может, у нас что-то получилось бы.

4

Моему мужу:

Как океан, моя любовь —
Безмерна, глубока.
Не жить мне без тебя, родной,
И это – на века!

Зимой 1942/43 года военные события в Европе и на Тихом океане приняли нехороший оборот. Баки Глейзер потерял покой, стал все чаще поговаривать о том, что надо бы записаться в ВМС, в морскую пехоту, на худой конец – в торговый флот. «Ведь неспроста Господь сделал Америку страной номер один. Нужно соответствовать».

Норма Джин озадаченно смотрела на мужа и широко улыбалась.

Скоро бездетным женатым мужчинам начнут приходить повестки с приказом явиться на призывной пункт. Лучше пойти добровольцем, пока не загребли, верно? По сорок часов в неделю Баки работал на заводе «Локхид» плюс еще утром, раз или два в неделю, – в похоронном бюро, помогал мистеру Или. («Даже как-то странно. Люди стали реже помирать. Наверное, потому, что на войну ушло столько молодых ребят, а старикам интересно пожить и посмотреть, чем все это закончится. А когда горячего в баках немного, не очень-то и разъездишься. Так, потихоньку, а потому и без аварий».)

Навыки бальзамирания вполне могли пригодиться в армии. Мало того, Баки еще со школьных времен был выдающимся спортсменом, настоящей звездой, занимался борьбой, бегом, играл в футбол, вполне мог тренировать менее подготовленных новобранцев. У него имелись также способности к математике, по крайней мере на уровне мишен-хиллзской средней школы. Еще он умел чинить радиоприемники и понимать карты. Каждый вечер он слушал военные сводки и вдумчиво читал «Лос-Анджелес таймс». Каждую неделю он водил Норму Джин в кино, в основном для того, чтобы посмотреть «Поступь времени»³². На стенах их квартиры он развесил военные карты Европы и регионов Тихого океана и втыкал разноцветные булавки в те точки, где воевали его друзья или родственники. И ни разу не говорил о том, что кто-то из них погиб, пропал без вести или был взят в плен, хотя Норма Джин знала: он много об этом думает.

В подарок на Рождество один из двоюродных братьев Баки прислал ему с алеутского острова Киска «сувенир» – череп японского солдата. Вот это да! Сняв оберточную бумагу, Баки присвистнул, взял его в ладони, словно баскетбольный мяч, и тут же позвал Норму Джин посмотреть. Норма Джин прибежала на кухню, посмотрела и едва не хлопнулась в обморок. Что за гадость такая? Голова? Человеческая голова? Совершенно гладкая, без волос и кожи, *человеческая голова?*

– Не переживай, это череп япошки, – сказал Баки.

Лицо его по-мальчишески покраснелось. Он засунул пальцы в огромные пустые глазницы. И вместо носа тоже была дырка, непропорционально большая, с зазубренными краями. В верхней челюсти осталось три или четыре желтых зуба, но нижняя и вовсе отсутствовала.

Взволнованный Баки завистливо говорил:

– Господи! Трев и вправду обошел старину Баки!

Озадаченная Норма Джин снова широко улыбнулась. Улыбкой человека, который или не понял шутки, или не хочет признаваться, что понял ее. В точности так же реагировала она

³² «Поступь времени» – популярная программа документальных фильмов в период с 1931 по 1945 г.

на дурацкие грубые шутки Пиригов, их друзей и знакомых – они нарочно шутили так, чтобы она покраснела, но она не краснела. Она видела, как взволнован муж, и решила не портить ему настроения.

«Старину Хирохито» водрузили на самое видное место в доме – поставили на радиокомбайн «RCA Victor» в гостиной. Баки так гордился этим черепом, как будто сам добыл его на Алеутских островах.

5

Она хотела быть идеальной. Меньшего он не заслуживал.

А у него были высокие стандарты! И зоркий глаз.

Каждое утро она делала в квартире тщательную уборку. Во всех трех комнатах, не самых просторных, и в ванной, где помещались раковина, унитаз и собственно ванна.

Все эти вверенные ей помещения Норма Джин скребла и драила с монашеским старанием. Ей и в голову не приходило усмехнуться над фразой, которую однажды обронил Баки: *Жена Баки Глейзера работать не будет*. Она понимала, что работа женщины по дому – это не работа, а привилегия и священный долг. Слово «дом» освящало любые усилия, физические и душевные. В семействе Глейзер вообще было принято повторять, и эти слова были как-то связаны с их христианским пылом, что ни одна женщина, особенно замужняя, не должна работать вне «дома». Даже когда во время Великой депрессии семья (Баки не вдавался в детали, явно стыдясь этого факта, а Норме Джин не хотелось приставать с расспросами) жила то ли в трейлере, то ли в палатке где-то в долине Сан-Фернандо, «работали» только мужчины, включая детей, и, без сомнения, сам Баки, которому тогда не исполнилось и десяти.

То был вопрос чести, мужской гордости: женщины Глейзеров никогда не работали вне «дома». Норма Джин невинно спрашивала:

– Но ведь сейчас война. Все по-другому, верно?

Вопрос повисал в воздухе, оставался без ответа.

Чтоб моя жена? Да никогда в жизни!

Быть объектом мужского вожделения значило: *Я существую!* Выражение глаз. Твердеющий член. Пусть от тебя никакого проку, но ты нужна.

Матери не нужна была, а мужу нужна.

Отцу не нужна была, а мужу нужна.

Вот главная истина моей жизни или пародия на истину. Если ты нужна мужчине, ты в безопасности.

Ярче всего ей запомнилось не то время, когда молодой и горячий муж бывал дома, но длинные и спокойные утренние часы, плавно перетекающие в полдень. Часы, которые Норма Джин проводила в счастливом уединении. Нет, тихими их, пожалуй, назвать было нельзя (ибо в Вердуго-Гарденс было шумно, как в казарме, – на улице детские крики, плач младенцев, радиоприемники, гремящие на полную мощь, даже громче, чем у самой Нормы Джин). Она находила радость в ритмичной, монотонной, почти гипнотической работе по дому. Как быстро осваивают руки и мозг нехитрые инструменты: швабру, веник, губку. (Пылесос был молодым Глейзерам не по карману. Но скоро купят, Баки обещал!) В гостиной был один-единственный прямоугольный коврик размером примерно шесть на восемь футов, темно-синий остаток, купленный на распродаже за 8 долларов 98 центов, и по этому коврику Норма Джин могла, забывшись, до бесконечности водить щеткой. Здесь из него выбилась шерстинка – надо же, целое событие! А вот тут пятнышко – потеряли, и оно исчезло!

Норма Джин улыбнулась. Наверное, вспомнила Глэдис, когда та бывала в благостном настроении. В легкой рассеянности, в редком для нее умиротворении, занималась каким-

нибудь делом (но не работой по дому), под кайфом и даже более чем под кайфом, ибо теперь Норма Джин понимала, что мозг ее матери вырабатывал в те минуты некое уникальное вещество, позволяющее полностью отдаться настоящему моменту. Стать одним целым, слиться со своим занятием. *И не важно, что это за занятие. Главное – погрузиться в него целиком.* К примеру, водить по ковру тяжелой щеткой взад-вперед, взад-вперед.

В спальне был другой ковер, еще меньше, овальной формы. Она слушала популярную лос-анджелесскую радиостанцию и подпевала тихо, хрипло, невпопад, но с удовольствием. Ей вспоминались уроки Джесс Флинн, и она улыбалась. Какие грандиозные планы строила на ее счет Глэдис! Чтобы Норма Джин пела? Забавно, а еще забавнее – уроки игры на фортепиано, которые она брала у Клайва Пирса. Бедняга, тот только морщился и пытался изобразить улыбку, когда Норма Джин играла, вернее, пыталась играть.

Она со стыдом вспомнила недавнее прослушивание на роль в студенческой пьесе. Как там она называлась? Ах, ну да, «Наш городок». Ей стало не до улыбок. Насмешливые взгляды, уверенный и властный голос преподавателя: *Сомневаюсь, что такая трактовка устроила бы мистера Торнтона Уайлдера.* И он, конечно, был прав!

Теперь же она полюбила щетку для ковра, свадебный подарок от одной из тетюшек Баки. Еще ей подарили швабру на деревянной ручке и зеленое пластмассовое ведро, тоже очень полезный подарок от какого-то родственника Глейзеров. Эти предметы помогут ей стать идеальной женой. Она мыла и натирала исцарапанный линолеум на кухне, мыла и натирала выцветший линолеум в ванной. Потом брала жесткую губку «Датч бой» и проворно, фанатично драила раковины, столешницы, ванну и унитаз. Нет, кое-что дочиста не отмыть, даже относительную чистоту навести не получится. Все безнадежно испорчено прежними жильцами. Ловко и быстро меняла она постельное белье, «проветривала» матрас и подушки. Раз в неделю носила белье в ближайшую прачечную самообслуживания, приносила сырую одежду домой и развешивала на веревках во дворе. Любила гладить и штопать. Бесс Глейзер мрачно предупредила невестку, что одежда на Баки «так и горит», и Норма Джин храбро приняла этот вызов. С неизбыточным усердием и оптимизмом штопала носки, зашивала рубашки, брюки, нижнее белье. В школе она научилась вязать для Комитета помощи жертвам войны в Англии и теперь, когда было время, садилась за «сюрприз» для мужа – темно-зеленый пуловер по шаблону, который выдала ее миссис Глейзер. (Этот пуловер Норма Джин так и не закончила, потому что без конца распускала его, недовольная тем, как идет работа.)

Когда Баки не было дома, Норма Джин накрывала стоявший на радиоле череп японца одним из своих шарфиков. А к приходу мужа снимала шарфик.

– Что это там, под ним? – спросила однажды Гарриет, и не успела Норма Джин предупредить ее, как та приподняла шарфик, увидела, что под ним, и наморщила нос-пяточок. Снова опустила шарфик и сказала только: – О господи. Один из этих.

С еще большей нежностью стирала Норма Джин пыль с фотографий в рамках и просто снимков, выставленных в гостиной. По большей части то были свадебные фото, глянцевые и ярко раскрашенные, в медных рамочках. И года еще не женаты, а столько счастливых воспоминаний! Наверняка это добрый знак.

Норму Джин поразило количество семейных снимков в доме Глейзеров, гордо выставленных напоказ в каждом мало-мальски подходящем для того месте. Прапрадед и прапрабабушка Баки, а рядом с ними – несметное количество детей! Норма Джин заворуженно рассматривала всю жизнь своего мужа, чуть ли не с момента появления на свет, от пухленького беззубого младенца на руках у молодой Бесс Глейзер в 1921-м году до здорового «бычка», каким он был в 1942-м. Прекрасное доказательство тому, что Баки Глейзер существовал и что его нежно любили! По нечастым своим визитам к одноклассникам из Ван-Найса она помнила, что и в тех домах с гордостью демонстрировались семейные снимки – на стенах, столах, пианино, подоконниках. Даже у Элси Пириг имелось несколько снимков, где они с Уорреном

были помоложе и повеселее. Норма Джин с горечью осознала, что в доме у Глэдис не было ни одного семейного фото в рамочке, если не считать портрета черноволосого мужчины на стене, который якобы приходился Норме Джин отцом.

Норма Джин негромко рассмеялась. Наверняка то была рекламная фотография одного из актеров Студии, а Глэдис даже не была с ним толком знакома.

– Какое мне дело? Никакого.

После свадьбы Норма Джин редко вспоминала своего исчезнувшего отца или Темного Принца. Редко вспоминала Глэдис, а если и вспоминала, то как хронически больную родственницу. Зачем?

У них в доме был десяток фотографий в рамочках. Несколько пляжных фото: Баки и Норма Джин в купальных костюмах стоят, обняв друг друга за талию. Вот Баки с Нормой Джин на барбекю у какого-то из приятелей Баки. Вот Норма Джин позирует у решетки «паккарда» 1938 года выпуска – Баки только что его купил. Но больше всего Норма Джин любила разглядывать свадебные снимки. Сияющая девочка-невеста в белом атласном платье и с ослепительной улыбкой; красавец-жених в строгом наряде и галстук-бабочке, с зачесанными назад волосами, с красивым профилем – в точности как у Джеки Кугана. Все восхищались этой красивой парой и тем, как они друг друга любят. Даже священник смахнул слезу. *Как я тогда боялась! А на снимках это совсем незаметно.* Как в тумане шла Норма Джин по проходу в церкви за руку с другом семьи Глейзеров (поскольку Уоррен Пириг отказался присутствовать на свадьбе), и в ушах у нее стучало, а к горлу подкатывала тошнота. Потом она покачивалась у алтаря на высоких каблуках, туфли были ей малы (надо было взять на полразмера больше, но такой пары на распродаже подержанной обуви не нашлось), и с милой улыбкой, от которой на щеках были ямочки, смотрела на священника Первой Церкви Христа. А тот гнусавил заученные слова, и тут вдруг Норма Джин подумала, что Граучо Маркс сыграл бы эту сцену с куда большим блеском, смешно шевеля густыми накладными бровями и усищами. *Согласна ли ты, Норма Джин, взять этого мужчину?..* Она не понимала, в чем смысл этого вопроса. Она обернулась, или ее заставили обернуться (возможно, Баки легонько подтолкнул ее в бок), и увидела, что рядом стоит Баки, совсем как соучастник преступления, нервно облизывает губы, и только тогда сумела она шепотом ответить на вопрос священника: *Д-да.* И Баки ответил, только громче, решительнее, на всю церковь: *Ясное дело, да!* Потом была неловкая возня с колечком, но в конце концов его удалось надеть на заледеневший пальчик Нормы Джин, и оказалось, что колечко в самый раз, и миссис Глейзер с присущей ей предусмотрительностью убедилась, что обручальное кольцо надето правильно, на правую руку, так что эта часть церемонии прошла гладко. *Я так боялась, что хотела убежать, вот только куда?*

Еще один любимый снимок. На нем жених с невестой разрезают трехъярусный свадебный торт. Это уже на вечеринке в ресторане в Беверли-Хиллз. Баки придерживает крупной умелой рукой тонкие пальцы Нормы Джин, в которых зажат нож с длинным лезвием, и молодые, широко улыбаясь, смотрят прямо в объектив. К этому времени Норма Джин уже успела выпить бокал-другой шампанского, а Баки – и шампанского, и пива. Имелся также снимок, где молодые танцуют, и еще фотография «паккарда» Баки, украшенного бумажными гирляндами и табличками «МОЛОДОЖЕНЫ». Новобрачные сидят в машине и машут гостям на прощание. Эти и другие фотографии Норма Джин послала Глэдис в психиатрическую больницу в Норуолке. И вложила в конверт веселенькую открытку с цветочками и следующей надписью:

Нам всем очень жаль, что тебя не было на моей свадьбе, мама. Но все, конечно, всё поняли. Это был самый прекрасный, самый замечательный день в моей жизни!

Глэдис не ответила, но Норма Джин и не ждала ответа.

– Какое мне дело? Никакого.

До этого дня она ни разу не пила шампанского. Христианская наука не одобряла употребления спиртных напитков, но свадьба... это, конечно, особый случай, ведь правильно? До чего же оно вкусное, это шампанское, и как волшебю щекочет в носу! Но ей не понравилось, что сразу после этого началось головокружение и она стала глупо хихикать и утратила над собой контроль. А Баки напился. Он пил все подряд – шампанское, пиво, текилу, – и его вдруг вырвало, когда они танцевали, прямо на подол белого атласного платья. К счастью, Норма Джин как раз собиралась переодеться, перед тем как отправиться вместе с Баки в свадебное путешествие, в гостиницу на пляже Морро. К ней подскочила миссис Глейзер с влажными салфетками, оттерла бо́льшую часть скверно пахнущего пятна и ворчала при этом:

– Баки! Просто стыд и позор! Это же платье Лорейн!

Баки по-мальчишески сокрушался, просил прощения и был прощен. Вечеринка продолжалась. Оглушительно гремел приглашенный ансамбль. Норма Джин скинула туфли и снова танцевала с мужем. «Не появляйся больше никогда», «Неужели это любовь», «Девушка, на которой я женюсь». Они скользили по танцполу, сталкивались с другими парами, покатывались со смеху. Сверкали вспышки камер. Их осыпали рисом, конфетти, кидали в них воздушные шарики. Кто-то из школьных дружков Баки начал швыряться шариками с водой, и весь перед рубашки у Баки промок. Затем подали песочный торт с клубникой и взбитыми сливками, и Баки умудрился уронить ложку клубники в сиропе на пышную юбку белого льняного платья, в которое только что переделалась Норма Джин.

– Фу, Баки, как не стыдно! – Миссис Глейзер снова негодовала, а остальные (в том числе и молодожены) смеялись.

Потом опять танцы. Жаркие праздничные ароматы. «Чай на двоих», «В тени старой яблони», «Начни танцевать бегину». И все дружно захлопали, когда Баки Глейзер с блестящей, словно колпак автомобильного колеса, физиономией попытался изобразить танго. *Очень жаль, что ты не была на свадьбе. Думаешь, я расстроилась? Ни черта подобного.*

Баки и его старший брат Джо над чем-то хохотали. Элси Пириг, в ядовито-зеленом платье из тафты, с размазавшейся помадой, крепко сжала на прощание руку Нормы Джин и добилась от Нормы Джин обещания, что она завтра же позвонит ей и что они с Баки непременно заедут к Элси, как только вернутся из четырехдневного свадебного путешествия. Норма Джин снова спросила, почему Уоррен не пришел на свадьбу, хотя Элси уже объясняла, что у него дела.

– Велел передать тебе привет, милая. Знаешь, мы будем очень по тебе скучать.

Элси тоже скинула туфли, и стояла в одних чулках, и была дюйма на два ниже Нормы Джин. И внезапно качнулась вперед и крепко поцеловала Норму Джин прямо в губы. Никогда прежде ни одна женщина так ее не целовала.

Она взмолилась:

– Тетя Элси, можно я сегодня побуду у вас? Всего одну ночь! Могу сказать Баки, что осталось собрать кое-какие вещи. Хорошо? Ну *пожалуйста!*

Элси расхохоталась, точно то была веселая шутка, и подтолкнула Норму Джин к мужу. Пришла пора молодым отправляться в гостиницу. Баки уже не смеялся, а спорил с братом. Джо пытался отобрать у него ключи от машины, а Баки говорил:

– Не-ет, я могу вести! Я ж теперь женатый мужчина, черт побери!

Ехать вдоль берега океана было страшно. Над шоссе висел густой туман, «паккард» мчался по разделительной линии. В голове у Нормы Джин к этому времени прояснилось, она придвинулась поближе к Баки и положила голову ему на плечо – чтобы при необходимости перехватить руль.

На стоянке у гостиницы «Лох-Рейвен мотор корт», нависшей над затянутым туманной дымкой океаном (уже смеркалось), Норма Джин помогла Баки выбраться из пестро разукрашенного «паккарда». Оскальзываясь, спотыкаясь и чуть ли не падая, они побрели по гравийной дорожке. В домике стоял запах инсектицида, по постельному покрывалу сновали долгоножки.

– Не бойся, они не кусаются, – добродушно заметил Баки и принялся давить их кулаком. – Вот скорпионы – совсем другое дело. Укусит, можно и помереть. Или коричневый паук-отшельник. Цапнет за задницу, сразу поймешь, что тебя *укусили*. – И Баки громко расхохотался.

Ему захотелось в туалет. Норма Джин обняла его за талию и повела в уборную, не зная, куда деваться от смущения. Впервые увидела пенис мужа – до сих пор она лишь чувствовала его, когда Баки крепко прижимался к ней или терся о ее тело, – и теперь испуганно смотрела, как он извергает струю мочи в унитаз. Норма Джин зажмурилась. *Лишь Разум реален. Бог есть любовь. Одна лишь любовь обладает целительной силой.*

Вскоре этот же пенис вонзился в Норму Джин, в тесное отверстие между бедрами. Баки двигался то размеренно, то неистово. Конечно, Норма Джин была к такому готова, по крайней мере теоретически, и боль оказалась не намного сильнее, чем при менструации, как и уверяла Элси Пириг. Разве что острее, словно в нее вонзалась отвертка. Норма Джин снова зажмурилась. *Лишь Разум реален. Бог есть любовь. Одна лишь любовь обладает целительной силой.*

На туалетной бумаге, которую Норма Джин предусмотрительно подложила в постель, была кровь. Но яркая, свежая, а не темная и зловонная. Вот бы сейчас в ванну! Отлежаться, отмокнуть в горячей воде. Но Баки был нетерпелив, Баки хотелось попробовать еще раз. В руке у него был дряблый презерватив, и он все время ронял его на пол, чертыхался, лицо его стало красным, налилось кровью, как детский воздушный шар, – того и гляди лопнет. Норма Джин была слишком смущена, чтобы помочь ему с презервативом, – в конце концов, то была ее первая брачная ночь. И она не переставая дрожала, и еще ей показалось странным – ничего подобного она не ожидала, – что они с Баки, став мужем и женой, смущались наготы друг друга. Ничего общего с ее собственным обнаженным отражением в зеркале. Она ожидала другой наготы, не такой неуклюжей, липкой, потной. *Тесной*. Словно, кроме нее и Баки, в постели были и другие люди.

Ей всегда чрезвычайно нравилось смотреть на Волшебного Друга в Зеркале, улыбаться, подмигивать себе, двигаться под воображаемую музыку, как Джинджер Роджерс, – с той разницей, что для танца, для счастья ей не нужен был партнер. Теперь же все совсем иначе. Все слишком быстро. Она не видит себя, а потому не знает, что происходит. О, скорее бы все это закончилось, чтобы можно было свернуться калачиком возле мужа и спать, спать, спать... И видеть сны о свадьбе и о нем.

– Ты мне не поможешь, милая? Пожалуйста! – Баки жадно и быстро целовал ее, словно пытался что-то доказать в споре, и зубы его скрипели о ее зубы. Где-то невдалеке шумели и разбивались о берег волны, и этот звук напоминал глумливые аплодисменты. – Господи, милая! Я люблю тебя. Ты такая сладкая, такая хорошая, такая красивая! Ну, давай же!

Постель раскачивалась. Комковатый матрас начал съезжать на пол. Надо было подложить новой туалетной бумаги, но Баки не обращал на это внимания. Норма Джин пискнула, попробовала засмеяться, но Баки было не до смеха. Норме Джин вспомнился один из последних советов Элси Пириг: *Главное, не лезть к ним без надобности*. В ответ Норма Джин тогда сказала, что это не слишком романтично, и Элси огрызнулась: *А кто тебе сказал, что будет романтично?*

И все же Норма Джин начала кое-что понимать. В том, как настойчиво Баки занимался любовью, было нечто странное, безликое, это ничуть не походило на пылкие, долгие и нежные ласки, на «объятия» и «поцелуи» последнего месяца. Между ногами у Нормы Джин щипало, жгло, бедра Баки были выпачканы в крови; вроде бы хватит на одну ночь, но Баки не способен был уgomониться, снова впивался в отверстие между ее бедрами, то энергично, то вяло, но на сей раз чуть глубже. И вот теперь он сотрясал кровать, и стонал, и внезапно весь вздыбился, как застреленный на бегу жеребец. Лицо его сморщилось, глаза закатились. И он прохныкал, проскулил: «Бож-же!»

И тут же, весь потный, обмяк в объятиях Нормы Джин и захрапел. Норма Джин, морщась от боли, пыталась устроиться поудобнее. Постель была *слишком* узкая, хоть и двухспальная. Она нежно гладила блестящий от пота лоб Баки, его мускулистые плечи. Светильник на тумбочке остался включенным, свет резал уставшие глаза, но нельзя было дотянуться до выключателя, не потревожив при этом Баки. Ох, вот бы принять ванну! Сейчас она мечтала только о ванне. И еще не мешало бы поправить сбившиеся, измятые и мокрые простыни.

Несколько раз за эту долгую ночь, плавно перешедшую в 20 июня 1942 года, когда за окном стоял матовый утренний туман, Норма Джин просыпалась от чуткого нездорового сна, и всегда рядом с Баки Глейзером. Голый, он громко храпел и лежал так, что нельзя было шевельнуться. Она приподнимала голову, чтобы видеть его во весь рост. Ее муж. *Ее муж!* Он походил сейчас на выброшенного на берег кита, лежал огромный, голый, раскинув волосатые ноги. Норма Джин слышала собственный смех, робкий детский смешок, почему-то он напомнил ей о давно потерянной кукле, безымянной кукле, которую она так любила, разве что имя ей было «Норма Джин», той кукле с бескостными безвольными ножками.

6

Расскажи мне о своей работе, Папочка. Но имелась в виду вовсе не работа Баки на заводе «Локхид».

Свернувшись калачиком, как кошка, в одной короткой ночнушке, без трусиков, она прилегла на коленях у мужа. Обняла его рукой за шею и жарко дышала в ухо, отвлекая его от нового номера «Лайфа» со снимками изможденных джи-ай³³ на Соломоновых островах и в Новой Гвинее. Там же были фотографии генерала Эйчелбергера и его еще более изможденных подчиненных, худых, небритых (некоторые были ранены), и целая серия снимков со звездами Голливуда, которые приехали на фронт развлекать солдат, «поднимать моральный дух». Марлен Дитрих, Рита Хейворт, Мэри Макдональд, Джо Э. Браун и Боб Хоуп. От военных снимков Норма Джин с содроганием отводила взгляд, другие рассматривала более пристально, а потом, увидев, что Баки никак не хочет отрываться от журнала, вдруг занервничала. *Расскажи мне о своей работе у мистера Или,* прошептала она, и Баки почувствовал, как жена передернулась – от страха и возбуждения одновременно. Не то чтобы это его шокировало, не то чтобы он был ханжа, нет, никаким ханжой Баки Глейзер уж определенно не был и рассказывал своим друзьям немало жутких и смешных историй о своей работе подручным бальзамировщика. Но ни одна девушка, ни одна женщина или родственница никогда не расспрашивала его об этой работе. Что и понятно – ведь в большинстве своем люди просто не желают знать всех этих подробностей. Нет уж, спасибо! Однако эта девочка, его жена, ерзая у него на коленях, шептала на ухо: *Ну расскажи, Папочка!* – словно хотела узнать самое худшее.

И Баки рассказал в самых осторожных выражениях, стараясь не вдаваться в детали. Описал тело, над которым они работали в то утро. Тело женщины лет за пятьдесят, умершей от рака печени. Кожа у нее была такого болезненно-желтого оттенка, что пришлось покрыть несколькими слоями косметической крем-пудры, наносить эту пудру специальными щеточками. Но слои высыхали неровно, и бедняжка выглядела ну прямо как стенка с облупившейся штукатуркой, и пришлось все переделывать по новой. А щеки у нее настолько ввалились, что пришлось укрепить нижнюю часть лица изнутри, набив ей рот ватными шариками, а потом еще зашивать уголки губ, чтобы придать лицу умиротворенное выражение.

– Ну, знаешь, чтоб получилась не улыбка, а «почти улыбка», как это называет мистер Или. *Улыбкой* это назвать нельзя.

³³ От *англ.* Government issue – солдат, рядовой.

Норма Джин нервно передернулась, но тем не менее ей захотелось знать, что они делали с глазами покойной. «Подводили они глаза или нет?» На что Баки ответил, что обычно они делают инъекцию шприцем, чтобы заполнить глазницы, а веки остаются плотно сомкнуты.

– Потому как кому приятно будет во время прощания с покойником, если глаза вдруг – раз! – и откроются?

Основная же работа Баки состояла в том, чтобы выкачать из тела кровь и ввести вместо нее бальзамирующий раствор, а «художествами» занимался мистер Или уже после того, как тело затвердеет, «дойдет до кондиции». Это он занимался ресницами, подкрашивал губы, маникюрил ногти, даже если при жизни у покойника никогда не было маникюра.

Норма Джин спросила, какое было лицо у той женщины, когда они впервые ее увидели, – испуганное, печальное, перекошенное от боли, и Баки слегка приврал. Ответил, что нет, ничего подобного, выглядела эта женщина так, «будто просто уснула, и все они по большей части выглядят именно так». (Вообще-то, женщина выглядела так, словно вот-вот закричит. Зубы оскалены, лицо скомкано, будто тряпка, глаза открыты и затянуты слизью. С момента смерти прошло лишь несколько часов, но от покойницы уже начал исходить едкий запах тухлого мяса.) Норма Джин обхватила Баки так крепко, что он едва дышал, но у него не хватило духу высвободиться. Не хватило духу снять ее с коленей и пересадить на диван, хотя левая нога уже занемела под теплой ее тяжестью.

Вот бедолага. Он едва дышал. Он и правда любил ее. Запах формальдегида вьелся ему в кожу, впитался в корни волос. Но даже если б он хотел уйти, уходить было некуда.

Теперь она спрашивала, как умерла эта женщина, и Баки ей рассказал. Она спросила, сколько лет было этой женщине, и Баки брякнул наобум:

– Пятьдесят шесть.

Он чувствовал, как напряглось юное тело жены, – очевидно, она считала в уме. Вычитала свой возраст из пятидесяти шести. Затем немного расслабилась и сказала таким тоном, точно рассуждала вслух:

– Ну, тогда еще долго.

7

Она засмеялась. Смеяться было легко. Загадка из сказки, и она знала ответ. *Кто я такая? Замужняя женщина, ВОТ КТО! А кем бы была, если б не была замужем? Девственницей, вот кем. НО ЭТО НЕ ТАК.*

Она катила скрипучую коляску по захудалому маленькому парку. А может, то был и не совсем парк. Под ногами шуршали сухие пальмовые листья и еще какой-то мусор. Но ей здесь так нравилось! Сердце просто распирало от счастья, от осознания того, *кто я есть, что занята тем, чем должна заниматься.* Она полюбила эти ранние утренние прогулки. Напевала маленькой Ирине, пристегнутой к коляске ремешком, популярные песенки, обрывки колыбельных из «Сказок матушки Гусыни»³⁴. Где-то далеко, в России, в Сталинграде, происходили страшные события, шел февраль 1943 года. Настоящая мясорубка. Здесь же, в Южной Калифорнии, была просто зима, прохладная погода и почти всегда солнце, от которого резало глаза.

Какой красивый ребенок, говорили прохожие. Норма Джин краснела, улыбалась, тихо бормотала: *О, благодарю вас.* Иногда прохожие говорили: *Красивый ребенок, и мать-красавица.* Норма Джин лишь улыбалась. *А как зовут вашу дочурку?* – спрашивали они, и Норма Джин отвечала с гордостью: *Ирина, так ведь, моя радость?* Наклонялась над малышкой и целовала ее в щечку или брала за крохотные пухлые пальчики, которые так быстро и на удив-

³⁴ «Сказки матушки Гусыни» – сборник из пятидесяти двух детских стихотворений, впервые выпущен в Англии в 1760 г., затем в 1785 г. вышел в Америке.

ление крепко смыкались вокруг ее пальцев. Иногда прохожие замечали вежливо: *Надо же, Ирина, какое необычное имя, должно быть, иностранное?* И Норма Джин бормотала в ответ: *Да, вроде того.* И еще они почти всегда спрашивали, сколько же сейчас ребенку, на что Норма Джин отвечала: *Уже десять месяцев, в апреле будет годик.* Прохожие широко улыбались. *Вы, должно быть, очень гордитесь!* И Норма Джин говорила: *О да, конечно. Очень гордима, я, то есть мы.* И тогда прохожие, порой смущенно, порой с нескрываемым любопытством, спрашивали: *Так ваш муж... э-э-э?...* И Норма Джин объясняла торопливо: *Он за океаном. Далеко, в Новой Гвинее.*

И это было правдой. Отец Ирины действительно находился далеко, в месте под названием Новая Гвинея. Был лейтенантом армии США и официально числился без вести пропавшим – с декабря 1942 года. Но об этом Норма Джин не могла думать. Во всяком случае, пока она способна была петь Ирине «Маленький флажок» или «Три слепые мышки», остальное не имело значения. Пока ей улыбалась белокурая красавица-девочка, лопотала, сжимала ее пальцы, называла ее по слогам: «Ма-ма», словно попугайчик, который учится говорить, остальное не имело значения.

В тебе одной
Вся жизнь моя.
А то, что было до тебя, —
Не жизнь, не мир, не я.

Мать смотрела на ребенка. Какое-то время молчала, просто не могла говорить, и я испугалась, что она вот-вот расплачется или просто отвернется и спрячет лицо в ладонях.

Но потом я увидела, что лицо ее так и сияет от счастья. И удивления, что после стольких лет она вдруг счастлива.

Мы сидели с ней на траве. Кажется, на лужайке за больницей.

Там были скамейки и еще – маленький пруд. Трава уже выгорела. Все вокруг было желтовато-коричневого оттенка. Вдали виднелись больничные корпуса, но неотчетливо, и я не могла их разглядеть. Маме стало настолько лучше, что ее выпускали гулять без присмотра. Она сидела на скамейке и читала стихи, наслаждалась каждым словом, шептала их вслух. Или же бродила по саду, пока не звали назад. «Мои тюремщики» – так она их называла. Но без горечи. Она признавала, что была больна, что ей помогла шоковая терапия. Соглашалась, что еще не полностью поправилась.

Разумеется, территория больницы была обнесена высокой стеной.

Ясным ветреным днем я приехала показать маме своего ребенка. Я даже доверила ей поддержать мою малышку. Сама вложила ребенка ей в руки, без раздумий.

Наконец мама заплакала. Прижимала малышку к плоской груди и плакала. Но то были слезы радости, а не печали. О моя дорогая Норма Джин, сказала мама, на этот раз все будет хорошо.

В Вердуго-Гарденс было немало молодых жен, чьи мужья отправились воевать за океан. В Британию, Бельгию, Турцию, в Северную Африку. На Гуам, на Алеутские острова, в Австралию, Бирму и Китай. Куда пошлют человека, было неизвестно – чистая лотерея. В том не было никакой логики и, уж определенно, никакой справедливости. Некоторые постоянно находились на базах, работали в разведке или службе связи, кто-то трудился в госпитале или был поваром. Кого-то приписывали к почтовой службе, кого-то назначали тюремщиком. Прошли месяцы и даже годы, и всем стало ясно, что, по сути, на войне было два типа людей: одни участвовали в боях, а другие – нет.

И еще два типа людей в кильватере войны: везучие и не очень.

И если вам случилось оказаться одной из невезучих жен, вы могли сделать над собой усилие, не показывать никому своей горечи, не показывать, как вы подавлены, и такое поведение делало вам честь. О вас с теплом говорили: *Смотрите, как мужественно она держится!* Но Гарриет, подружке Нормы Джин, было не до того, у Гарриет не получалось «держаться», и она горевала в открытую. Когда Норма Джин вывозила Ирину на прогулку, мать Ирины лежала в прострации на обшарпанном диване в гостиной, которую делила еще с двумя солдатскими женами, и окна в комнате были зашторены, и радио выключено.

Без радио! Сама Норма Джин и пяти минут не могла выдержать в одиночестве без включенного радио, хоть Баки и был не дальше чем в трех милях от нее, на заводе «Локхид».

Норма Джин считала своим долгом весело крикнуть:

– Привет, Гарриет! Ну, вот мы и вернулись. – (Но Гарриет не отвечала. По крайней мере, вслух.) – Мы с Ириной славно погуляли, – тем же радостным тоном сообщала Норма Джин, вынимала Ирину из коляски и вносила в комнату. – Правда, милочка? – Она подносила Ирину к Гарриет, а та неподвижно лежала на диване, прижавшись щекой к мокрой от слез подушке, слез если не скорби, то ярости и гнева. Возможно, Гарриет – бледная, одутловатая, набравшая с декабря фунтов двадцать, с вечно красными глазами – уже перешагнула стадию скорби. В этой нервной тишине Норма Джин слышала собственную болтовню: – Да? Погуляли? Погуляли, Ирина!

Наконец Гарриет забирала Ирину (та начинала хныкать и брыкаться) у Нормы Джин, как берут охапку мокрого белья, чтобы зашвырнуть ее в угол.

Отдай мне Ирину. Пускай я буду ее матерью, если она тебе не нужна.

Ох, хватит.

Может, Гарриет уже не была подругой Нормы Джин. Может, никогда не была. Она сторонилась «глупых, вечно ноющих» соседок по квартире, часто отказывалась говорить по телефону с родственниками, своими или мужа. Нет, Гарриет не ссорилась с ними. «Зачем? С чего бы нам ссориться?» Да и не злилась на них, и не обижалась. Нет, просто была слишком измучена, чтобы с ними общаться. Устала от их волнений, так объясняла сама Гарриет. И Норма Джин стала бояться, как бы Гарриет не сделала чего с собой или с Ириной. А когда неохотно и издали поднимала этот вопрос в разговоре с Баки, тот почти не слушал «женские бредни», недостойные интереса мужчины. С самой Гарриет Норма Джин говорить об этом не решалась. Беречь ей душу было опасно.

По выкройке из журнала «Фэмили серкл» Норма Джин сшила для Ирины полосатого тигренка. В ход пошли оранжевые хлопковые носки, полоски черного фетра, а также вата для набивки. Норма Джин смекнула, как соорудить тигренку хвостик, – взяла кусок проволоки от вешалки и обернула его тканью. Глазки сделала из черных блестящих пуговиц, усы – из щетинок ершика для прочистки труб. Как же понравился Ирине малыш-тигренок! Она так и вцепилась в него и принялась ползать с ним по полу, восторженно попискивая, словно он был живой, а Норма Джин заливалась радостным смехом. Гарриет смотрела равнодушно, курила сигарету. *Хоть бы спасибо сказала,* подумала Норма Джин. Но вместо этого Гарриет заметила:

– Ну, Норма Джин, ты прям хозяйшка. Жenuшка, мамаша.

Норма Джин рассмеялась, хотя замечание ее задело. С едва заметным упреком в голосе, подражая Морин О’Харе в кино, сказала:

– Знаешь, Гарриет, мне кажется, что грех горевать, когда у тебя есть Ирина.

Гарриет громко расхохоталась. До этого она сидела с полужакрытыми глазами, а тут широко распахнула их, изображая преувеличенный интерес. И уставилась на Норму Джин так, словно видела ее впервые, и это зрелище ей не очень-то нравилось.

– Да, это грех. И я грешница. Так что почему бы тебе не оставить нас в покое, мисс Солнышко, и не убраться отсюда к чертовой матери?

– Один мой знакомый занимается проявкой пленки. Говорит, «строго по секрету». Живет в Шерман-Окс.

Жарким, душным летом 1943-го Баки окончательно потерял покой. Норма Джин старалась не думать о том, что это означает. Ежедневно в газетных заголовках говорилось, что ночью Военно-воздушные силы США совершили очередной боевой вылет и героически бомбили врага на его территории. Один из друзей Баки по школе был посмертно награжден орденом за доблесть, проявленную во время налета на германские нефтеперерабатывающие заводы в Румынии. Летал он на бомбардировщике «Б-24 Либерейтор» и был сбит во время бомбежки.

– Конечно, он герой, – сказала Норма Джин. – Но сам подумай, дорогой, теперь он *мертв*.

Баки разглядывал снимок пилота в газете, и лицо его было пустым и задумчивым. Затем он удивил ее – громко и грубо расхохотался.

– Черт побери, милая! Да можно всю жизнь прожить трусом. А дело все равно кончится тем, что помрешь.

Позднее, на той же неделе, Баки приобрел подержанный фотоаппарат «Брауни» и начал снимать свою доверчивую молодую жену. Вначале на снимках Норма Джин была в нарядных выходных платьях, маленькой белой шляпке-таблетке, белых же сетчатых перчатках и белых туфлях-лодочках на высоченных каблуках. Затем на них появилась Норма Джин в блузке и голубых джинсах, стояла у калитки, задумчиво покусывая травинку; а вот Норма Джин на пляже в Топанге, в раздельном купальнике в черно-белый горошек. Баки уговаривал Норму Джин позировать в стиле Бетти Грейбл, игриво смотреть через правое плечо и демонстрировать очаровательную попку, но Норма Джин застенялась. (Было воскресенье, они сидели на пляже, вокруг были люди.) Баки попробовал сфотографировать, как Норма Джин ловит мяч с улыбкой до ушей. Но улыбка вышла неубедительной, точь-в-точь как у трупа на столе мистера Или. Норма Джин умоляла Баки попросить кого-нибудь сфотографировать их вместе.

– Ну что я все время одна да одна? Это просто скучно, Баки! Ну, *давай же!*

Но Баки лишь пожал плечами и ответил лаконично:

– На кой я нужен на этих снимках?

Затем Баки захотел снимать Норму Джин в спальне: «до» и «после».

На снимках «до» была Норма Джин в своем обычном виде. Сначала полностью одетая, затем – полураздетая и, наконец, совсем обнаженная, или, как называл это Баки, «ню». Лежала в чем мать родила на двуспальной кровати, кокетливо прикрывая грудь простыней, и дюйм за дюймом Баки стаскивал с нее эту простыню и щелкал аппаратом, запечатлевая Норму Джин в неловких игривых позах.

– Давай, Малышка! Улыбнись Папочке. Ты же это умеешь.

Норма Джин не знала, была ли в такие моменты польщена или смущалась, возбуждена или стыдилась. На нее нападали приступы беспричинного смеха, и она прятала лицо в ладонях. А когда приходила в себя, видела Баки, тот целился в нее камерой и – щелк! щелк! щелк! Она умоляла его:

– Ну, *хватит*, Папочка. Перестань! Знаешь, как мне одиноко на этой старенькой кровати? – И раскрывала навстречу мужу объятия, а он, вместо того чтобы прийти к ней, снова щелкал и щелкал фотоаппаратом.

И с каждым этим *щелк!* в сердце ей как будто вонзался осколок льда. Словно он смотрел на нее сквозь объектив этой камеры и *не видел вовсе*.

Но со снимками «после» было хуже. Это «после» было унижительным. «После» начиналось, когда Баки заставлял Норму Джин надеть сексуальный рыжий парик в стиле Риты Хейворт и кружевное черное белье, которое сам ей подарил. Мало того, он сам окрашивал Норму

Джин – подводил брови, губы, даже «подчеркивал» соски – вишневыми румянами, которые наносил крошечной щекотной кисточкой. Норма Джин беспокойно принюхивалась.

– Этот грим, он из похоронного бюро, да? – с ужасом спрашивала она.

Баки хмурился:

– Нет, из голливудского магазина для взрослых.

Но от грима исходил запах жидкости для бальзамирования, который ни с чем не спутать. И еще к нему примешивался приторный запах перезрелой сливы.

Снимками «после» Баки занимался не слишком долго. Он быстро возбуждался, откладывал фотоаппарат в сторону, стаскивал с себя одежду.

– О Малышка моя!.. Куколка! Бож-же!

Он задыхался, будто только что вышел из волн на пляже в Топанге. Он хотел заниматься любовью, причем быстро, немедленно, и, пока возился с презервативом, Норма Джин с волнением смотрела на него, как пациент смотрит на хирурга. Ей казалось, что она краснеет, причем вся, всем телом. Густой и кудрявый рыжий парик съезжал с головы на голые плечи, а лифчик с трусиками, черные и сексуальные, казались жалкими обрывками ткани.

– Папочка, мне это не нравится. Я так не хочу. Я не в настроении.

Никогда прежде не видела она такого выражения на лице Баки. Он был похож на рекламный снимок Рудольфа Валентино из фильма «Шейх». Норма Джин расплакалась, а Баки раздраженно спросил:

– В чем дело? Что тебе не так?

И Норма Джин ответила:

– Я так не хочу, Папочка.

Баки погладил съехавший рыжий парик, ущипнул ее сквозь прозрачную ткань за окрашенный сосок и сказал:

– Хочешь, Малышка. *Еще как хочешь.*

– Нет, мне не нравится.

– Черт!.. Могу поспорить, твоя Маленькая Штучка уже готова. Уже *мокрая*. – Он запустил грубые настойчивые пальцы ей между бедрами. Норма Джин отпрянула и оттолкнула его руку:

– О нет, Баки, *нет!* Мне *больно!*

– Да перестань, Норма Джин! Раньше ведь не было больно. Ты же такое любишь! Сама знаешь, тебе понравится.

– Сейчас не понравится. И вообще мне все это не нравится!

– Да погоди ты, послушай, это ж просто ради шутки!

– Ничего себе шутки! Мне от них стыдно!

Баки сердито сказал:

– Господь свидетель, мы с тобой женаты. Вот уже больше года, сто лет уже женаты! И мужчины проделывают всякое со своими женами, и ничего дурного в том нет!

– Нет, есть! Мне кажется, все это *неприлично*.

– Я просто говорю тебе, – терпение Баки лопнуло окончательно, – чем занимаются другие люди.

– Но ведь мы – не другие люди. Мы – это мы.

Баки с красным, налившимся кровью лицом принялся снова поглаживать Норму Джин, на этот раз сильнее. По большей части все их ссоры заканчивались, когда Баки начинал гладить ее, при этом Норма Джин тут же уступала и смягчалась, как кролик, которого можно ввести в транс размеренным поглаживанием. Баки поцеловал ее, и она ответила на поцелуй. Но стоило ему снова взяться за трусики и лифчик, как Норма Джин его оттолкнула. Бросила на пол воняющий синтетикой гламурный парик, стала стирать грим, отчего ее пухлые губы тут же побледнели. По щекам катились слезы, оставляя черные полосы туши.

– О Баки! Мне так стыдно. От всего этого я перестаю понимать, кто я есть *на самом деле*. Я-то думала, ты *меня* любишь! – Она задрожала.

Баки склонился над ней, Большая Штуковина ослабела, треклятый презерватив сбился. Баки с недобрый недоумением смотрел на жену, словно видел ее впервые. Что, черт побери, вообразила о себе эта девчонка? Да сейчас она даже не хорошенькая, лицо заплаканное, грязное. Сиротка! Бродяжка! Пиригов приемыш, белая шваль!

И мать у нее сумасшедшая с диагнозом, что бы о ней ни говорила Норма Джин. А отца так вообще не было. Еще воображает о себе бог знает что, считает себя лучше *Баки Глейзера*.

Тут Баки вспомнил, как не понравилось ему поведение Нормы Джин на днях, когда он водил ее в кино на «Извините за мой саронг» с Эбботтом и Костелло³⁵. Баки так хохотал, что дрожал весь зрительный ряд, а сам он едва не обмочился. Тут Норма Джин, прильнув к его плечу, вся напряглась и тихим детским голоском заметила, что не понимает, почему Эбботт и Костелло смешные.

– Разве не ясно, что этот маленький толстяк – *умственно отсталый*? Разве это хорошо – смеяться над *убогими*?

Баки разозлился не на шутку, но отмахнулся от вопроса. Ему хотелось заорать на весь зал: *Почему Эбботт и Костелло смешные? Да просто то, что они смешные, вот и все! Не слышишь, что ли, как все остальные ржут как кони!*

– Может, мне надоело любить *тебя*. Может, нам надо немножко *отдохнуть* друг от друга.

Рассерженный и обиженный, Баки, у которого пропало всякое желание, соскочил с кровати, натянул брюки, накинул рубашку и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Словно хотел, чтобы это слышали все их любопытные соседи. В квартирах на той же площадке жили три изголодавшиеся по сексу женщины, чьи мужья были на фронте. Всякий раз, видя Баки Глейзера, они строили ему глазки и уж наверняка подслушивали сейчас, так что пусть себе слышат. Норма Джин переполошилась и крикнула ему вслед:

– Баки! Дорогой, вернись! Прости меня!

Но не успела она накинуть халат и выбежать на улицу, как Баки уже и след простыл.

Он сел в «паккард» и уехал. Бензин был почти на нуле, но какого черта! Не мешало бы навестить старую подружку, Кармен, но вот беда – говорили, она куда-то переехала, а нового ее адреса он не знал.

Фотографии, однако, вышли удивительные. Баки изумленно их рассматривал. *Эта женщина* – Норма Джин, его жена? Хотя она вся извертелась от смущения на кровати, над которой нависал Баки со своим фотоаппаратом, и щелкал, щелкал, на нескольких снимках была бесстыдная и самоуверенная девушка с дразнящей улыбкой. Баки прекрасно знал, что в те минуты Норма Джин чувствовала себя несчастной, здесь, на некоторых снимках, казалось, что она просто упивается вниманием. «Выставляет свое тело напоказ, как дорогая шлюха».

Интереснее всего получились снимки «после». На одном из них Норма Джин лежала поперек кровати, рыжие локоны парика чувственно разметались по подушке, глаза сонные, полузакрытые. А рот приоткрыт, и между губами (Баки постарался нарисовать их так, чтобы казались пухлыми и соблазнительными) виднеется кончик языка. Ну в точности клитор между срамными губами! Сквозь кружево лифчика видны набухшие соски, поднятая над животом рука смазана, словно она только что ласкала себя или собирается это сделать. Вообще-то, Баки понимал, что поза была случайной: просто он тогда оттолкнул Норму Джин на подушки и она как раз собиралась встать, – впрочем, какое это теперь имеет значение?

– Бож-же!..

³⁵ *Эбботт и Костелло* – знаменитый комедийный дуэт, начали сниматься в американском кино в 1930-е гг., много выступали на радио и ТВ.

Баки почувствовал неукротимое желание овладеть этой экзотичной красавицей, этой незнакомкой.

Он отобрал с полдюжины снимков Нормы Джин в самых сексуальных позах и с гордостью показывал их заводским друзьям. В оглушительном шуме и грохоте цеха пришлось повышать голос:

– Но только чтоб строго между нами! Чтоб больше никому, о'кей?

Мужчины кивали в знак согласия. О, это выражение на их лицах! Да, они были под *впечатлением*. На всех снимках Норма Джин была в красно-рыжем парике Риты Хейворт и черном кружевном белье.

– Так это что, и вправду твоя жена? Твоя *жена*? Твоя жена?.. Ну, Глейзер, ты *везунчик*!

Свистки и завистливый смех, как и предполагал Баки. Один лишь Боб Митчем не отреагировал на снимки. Вернее, отреагировал, но совсем не так, как ожидал Баки. Баки был просто потрясен, когда Боб, торопливо перебрав снимки, нахмурился и заметил:

– Только распоследний сукин сын будет показывать снимки, где его *жена* в таком виде! – И не успел Баки остановить Митчема, как тот порвал фотографии на мелкие кусочки.

И между ними непременно завязалась бы драка, не окажись поблизости прораба.

Баки нырнул за чью-то спину, весь дрожа от унижения и злости. Да этот Митчем просто завидует! Сам собирался в Голливуд, стать актером, а дальше конвейера в сборочном цеху дело не пошло. *Ничего, негативы-то у меня остались*, с тайным злорадством думал Баки. *И Норма Джин – тоже*.

9

Втайне от Нормы Джин он взял себе за правило заскакивать по дороге домой к родителям. И его еще не окрепший сердитый юношеский голос громко разносился по знакомой кухне.

– Ясное дело, я люблю Норму Джин! Ведь я на ней женился, разве нет? Но она такая *беспомощная*. Прямо как младенец, которого то и дело надо брать на руки и утешать, чтобы не плакал. Можно подумать, я – солнце, а она – цветочек, который просто не может жить без солнца, и это... – тут Баки запнулся, мучительно подбирая нужное слово, наморщил лоб, – это *утомительно*.

Миссис Глейзер нервничала, в голосе ее слышался упрек:

– Перестань, Баки! Норма Джин хорошая девушка, добрая христианка. Просто *молодая*!

– Черт, я и сам тоже молодой. Господи, да мне всего двадцать два. А ей нужен мужчина постарше, *отец*. – Баки гневно сверкнул глазами, родители смотрели озабоченно, как будто чувствовали себя виноватыми. – Она из меня все соки высосала. С ума меня сводит! – Тут он спохватился и умолк.

Он уже собирался сказать, что Норма Джин все время хочет заниматься любовью. Любит целоваться и обниматься на людях. Иногда Баки это нравилось, иногда нет. *Странно то, что она, похоже, ничего не чувствует. Так, как должна чувствовать женщина*.

Словно читая мысли сына, миссис Глейзер торопливо заметила – при этом лицо ее пошло пятнами:

– Ну конечно, Баки, конечно, ты любишь Норму Джин! Мы все любим Норму Джин, она нам как дочь. Заметь, дочь, а не невестка. О, и какая же чудесная была у вас свадьба! Казалось, то было совсем недавно, на прошлой неделе, и...

Тут Баки, кипя от возмущения, перебил мать:

– И еще она хочет обзавестись детишками. И это – в разгар *войны*! Идет Вторая мировая война, весь мир катится к чертовой матери, а моя женушка желает, видите ли, заиметь *настоящую семью*! Бож-же!

– Не богохульствуй, Баки, – слабым голосом заметила миссис Глейзер. – Ты же знаешь, как это меня огорчает.

На что Баки ответил:

– Это я теперь только и знаю, что огорчаться. Прихожу домой, а *там* Норма Джин. Сидит с таким видом, точно весь день скребла и драила дом, готовила ужин и только *меня* дожидалась. Чтобы я *пришел домой*. Как будто без меня она *жить не может!* Можно подумать, я Господь Бог какой или не знаю кто! – Он перестал расхаживать по комнате, он задыхался от возмущения. Миссис Глейзер положила на тарелку вишневый коблер, и Баки принялся жадно есть. Набив рот, добавил: – Но я не хочу быть Богом. *Я всего лишь Баки Глейзер.*

Молчавший до сей поры мистер Глейзер заметил рассудительно и строго:

– Вот что, сын. Ты будешь жить с этой девушкой. Ты венчался с ней в нашей церкви. «Пока смерть не разлучит нас». Ты что думаешь, брак – это что-то вроде карусели? Проехал пару кругов, а потом соскочил и шасть – играть с другими пацанами? Нет, не выйдет. Это *на всю жизнь*.

Не отвлекаясь от вишневого коблера, Баки жалобно застонал, словно раненое животное.

Может, для тебя и да, старик. Для твоего поколения. Но не для меня.

10

– Я должен ехать, милая.

Она словно не слышала. Треск автоматных очередей в кинохронике. Музыка, в той же кинохронике, «Поступь времени». Они были в кино. Они ходили в кино каждую пятницу. То было самое дешевое развлечение. И они шли пешком до центра города, держась за руки, точно влюбленные школьники. Бензин стал слишком дорог. К тому же поди его достань. Низкие, еле слышные раскаты за горами, словно гром гремит. Сухой ветер, опаляющий глаза и ноздри. Кому охота пускаться в столь долгий путь, да еще пешком, да еще в такую погоду! До центра, до мишен-хиллзского кинотеатра «Капитолий», было довольно далеко. Кажется, они смотрели тогда «Признания нацистского шпиона» – в главных ролях учтивый, обходительный Джордж Сандерс и Эдвард Джи Робинсон с тяжелым бульдожьим лицом. Влажные темные глаза Робинсона сверкали, выражая целую гамму чувств. Кто, как не Эдвард Джи Робинсон, мог столь убедительно передать гнев, ярость, обиду, страх, отчаяние и тщетность бытия? Разве что он был невелик ростом и вовсе не походил на классического героя-любовника.

Совсем не Темный Принц. Куда ему до мужчины, ради которого ты готова умереть!.. А может, они смотрели тем вечером «Войну в Северной Атлантике» с Хамфри Богартом? О, этот Богарт с мешками под глазами, вечной сигаретой между пальцами, дым которой затеняет суровое помятое лицо!.. Впрочем, он все равно был красавец, Хамфри Богарт. В военной форме, на большом экране, все мужчины были красавцы.

А может, в тот вечер они отправились смотреть «Войну на побережье» или «Детей Гитлера». Баки давно хотел посмотреть оба эти фильма. Или еще одну комедию с Эбботтом и Костелло, или Боба Хоупа в «Попавшем под призыв». Сама Норма Джин предпочитала мюзиклы: «Солдатский клуб», «Встреть меня в Сент-Луисе», «Все из любви к тебе». Но Баки скучал на мюзиклах, и Норме Джин приходилось признавать, что все они пустые и глупые, что там сплошные выдумки, как в фильме про страну Оз.

– Ведь в нормальной жизни люди не начинают петь ни с того ни с сего, – ворчал Баки. – И не начинают плясать ни с того ни с сего, особенно *когда нет музыки*.

Норма Джин не стала спорить с ним и доказывать, что музыка в кино есть всегда, даже в столь любимых Баки фильмах про войну, даже в «Поступи времени» есть музыка. Зачем рас-

страивать мужа, который и без того в последнее время сильно похудел. И был раздражителен, как молодой красивый пес, которого так и хотелось погладить, но было боязно.

Она знала, но не признавалась в том даже самой себе. Знала уже несколько месяцев. Еще до парика, черного кружевного белья, до шелчков камеры. Слышала, что бормочет себе под нос Баки, слышала его намеки. Каждый вечер во время ужина он слушал по радио военные сводки. Жадно читал «Лайф», «Колльерс», «Тайм», местные газеты – и это Баки, читавший медленно, с трудом, водя пальцем по строчкам и шевеля губами. Снимал старые карты-вырезки со стен и заменял их новыми. Переставлял разноцветные булавки. Занимался любовью как-то рассеянно и наспех. Едва успев начать, сразу же кончал. *Ой, Малышка, извини, так уж получилось. Споки-ноки.* Норма Джин держала его в объятиях, а он мгновенно проваливался в сон, как уходит на мягкое илистое дно озера брошенный в воду камень. Она знала, что он скоро уедет. Стране нужны были все новые мужчины, свежее пушечное мясо. В конце 1943-го война шла уже целую вечность. Зимой 1944-го ребята, которые должны были окончить школу в этом году, начали беспокоиться, что могут и не успеть, что война закончится раньше, чем их призовут. Норма Джин – правда, значительно реже, чем раньше, – возвращалась к старой своей мечте – стать медсестрой Красного Креста или летчицей.

Летчицей! Женщинам, умеющим пилотировать бомбардировщики, не разрешали на них летать. Женщин, погибших на войне, не разрешали хоронить с военными почестями – в отличие от мужчин.

Норма Джин понимала: мужчины должны иметь свои преимущества. И свои награды. Только потому, что они мужчины, рискуют жизнью как мужчины, и наградой для них служат женщины. Женщины, что сидят дома и ждут своих мужчин. Нельзя, чтобы мужчины и женщины сражались на войне бок о бок, нельзя, чтобы возникла новая разновидность женщин-мужчин. Женщина-мужчина – это урод, это противозестественно. Быть женщиной-мужчиной неприлично. Женщины-мужчины – это лесбиянки, «лизы». Да любому нормальному мужчине хочется просто удушить лизу или затрахать ее до смерти, до тех пор, пока мозги из ушей не полезут, а из дырки между ногами не потечет кровь. Норма Джин слышала, как Баки с друзьями насмехался над лизами, которые были еще хуже педерастов, гомиков, «извороченцев». Было что-то в этих несчастных, жалких уродках, отчего нормальному здоровому мужчине хотелось наказать их по полной программе.

Баки, пожалуйста, не надо делать мне больно!

Баки перестал замечать череп Старины Хирохито, стоявший в гостиной, на радиоле. Зачастую Норме Джин казалось, что он и ее перестал замечать. Но Норма Джин всякий раз содрогалась, снимая шарфик с этого «сувенира». *Я тебя не убивала, не отрубала тебе голову. Не нужно меня винить.*

Иногда во сне она видела пустые глазницы черепа. Безобразную дыру вместо носа, ухмылку верхней челюсти. Запах сигаретного дыма, сердитый шум горячей воды, хлещущей из крана.

Ага, попалась, Малышка!

Сидя в одном из задних рядов мишен-хиллзского «Капитолия», Норма Джин сунула ладошку в большую, липкую от промасленного попкорна руку Баки. Словно они сидели не в кинотеатре, а в вагончике «американских горок» и в любой момент могли оказаться в опасности.

Как ни странно, став миссис Баки Глейзер, Норма Джин уже меньше любила кино. Во всех этих фильмах было столько... *надежды*. Ненастоящей, нереальной. Покупаешь билет, занимаешь место, открываешь глаза и видишь – что? Иногда во время фильма она отвлекалась и думала: завтра день большой стирки и что подать Баки на ужин? А в воскресенье надо бы затащить Баки в церковь, а то проспит все утро. Бесс Глейзер, правда в завуалированной форме, уже не раз выражала свое неудовольствие по поводу того, что «молодая пара» не посе-

щает воскресных служб. Норма Джин догадывалась, что в этом свекровь винит *ее*. Как-то на днях Бесс Глейзер видела Норму Джин на улице – та катила коляску с маленькой Ириной – и сразу после этого позвонила ей и выразила крайнее удивление:

– Норма Джин, откуда у тебя *время* гулять с чужим *ребенком*? Надеюсь, тебе за это платят, больше сказать нечего.

В тот вечер гремела «Поступь времени». Марш звучал так громко и волнующе, что сердце билось ему в такт. Показывали кинохронику. Все *по-настоящему*. Баки сидел, выпрямившись, и не сводил глаз с экрана, смотрел новости с фронтов. Челюсти его перестали перемалывать попкорн. Норма Джин завороченно смотрела на экран. Она была в ужасе. В хронике появился храбрый и непобедимый «Укусный Джо» Стиллуэлл³⁶. Грязный и небритый, он бормотал:

– Здорово они нас потрепали, черт бы их взял!

Музыка звучала все пронзительней. На экране вспыхивали подбитые самолеты. Небо с низкими серыми тучами, а под ними – чужая земля. Воздушные дуэли над Бирмой! Знаменитые «Крылатые тигры»!³⁷ Каждый мальчишка, каждый мужчина в «Капитолии» мечтал стать «крылатым тигром»; каждая женщина и девушка готова была отдать свое сердце «крылатому тигру». «Тигры» разрисовали старые «Кертисы П-40», и те стали похожи на мультяшных акул. Они были настоящие сорвиголовы, герои войны. Не побоялись выставить свои самолеты против куда более скоростных и технически совершенных «зеро», на которых летали япошки.

В воздушной схватке над Рангуном «Тигры» сбили двадцать из семидесяти восьми японских истребителей – а сами не потеряли ни одного!

Зал взорвался аплодисментами. Кто-то засвистел. Глаза Нормы Джин наполнились слезами. Даже Баки украдкой тер глаза. Зенитные батареи поливали противника огнем, подбитые самолеты падали на землю, объятые дымом и пламенем. Поразительное зрелище, запретное знание – знание о чужой смерти. Смерть священна, это личное событие, но война перевернула все представления, в том числе и о смерти. Кинохроника все изменила. Ты не только наблюдаешь за чужой смертью со стороны, тебе представлялась возможность увидеть зрелище, коего не видели сами умирающие. *Должно быть, именно так нас видит Бог. Если, конечно, смотрит.*

Баки так крепко стиснул руку Нормы Джин, что та едва не поморщилась от боли. Тихо, настойчиво он произнес:

– Я должен идти, Малышка.

– Идти?... Куда?

В туалет?

– В армию, на войну. Пока не поздно.

Норма Джин рассмеялась. Наверное, он просто шутит. Пылко поцеловала его. На свиданиях в кино они часто обнимались, просто чтобы узнать друг друга получше. «Крылатые тигры» исчезли с экрана; теперь там показывали солдатские свадьбы. Улыбающиеся солдаты – в увольнении, на военных базах и кораблях. Оглушительно гремел «Свадебный марш». Сколько свадеб! Сколько невест – всех возрастов. На экране с комичной быстротой сменялись пары. Церемонии церковные и гражданские. Свадьбы скромные и пышные. Сколько сияющих улыбок, сколько крепких объятий! Сколько страстных поцелуев. Сколько *надежды*. Публика в зале хихикала. Война – дело благородное, но любовь, брак, свадьба – смех, да и только.

Рука Нормы Джин скреблась, точно маленькая мышка, в паху у Баки. Удивленный, Баки пробормотал:

³⁶ Джозеф Уоррен Стиллуэлл (1883–1946) – военный, с конца 1941 г. был начальником штаба войск Чан Кайши в Китае, командовал сухопутными войсками США в Китае, Бирме и Индии во время Второй мировой войны.

³⁷ «Крылатые тигры» – название подразделения американских летчиков-добровольцев.

– Мм, детка, не сейчас. Эй.

Но тем не менее повернулся и крепко поцеловал ее в губы. Одолев притворное сопротивление, протолкнул язык глубоко ей в рот. И она, постанывая и не выпуская Баки из объятий, принялась сосать его язык. Тут Баки ухватил ее за правую грудь, сжал ее в левой ладони, словно футбольный мяч. Сиденья зашатались. Они дышали часто и шумно, как собаки. Сидевшая сзади женщина стукнула кулачком по спинке сиденья, прошептала:

– Эй вы, двое, ступайте-ка домой! Там этим и занимайтесь.

Норма Джин в ярости обернулась к ней:

– Мы муж и жена. Так что отвяжись. Сама иди домой. *Иди к черту!*

Баки расхохотался. В мгновение ока его тишайшая женушка превратилась в огнедышащий вулкан!

Позже он, однако, понял: *Пожалуй, тем вечером все и началось.*

11

– Но куда? Куда она могла уехать? Неужели ты ничего не знаешь?

Гарриет без всякого предупреждения исчезла из Вердуго-Гарденс. В марте 1944-го. Взяла с собой Ирину, но бросила почти весь скудный скарб.

Норма Джин переполошилась: что ей теперь делать без своего ребенка?

Ей казалось (может, то был сон?), что она возила свою малышку к Глэдис и получила от Глэдис благословение. Теперь же малышки не было. А стало быть, и благословения не будет.

Раз десять Норма Джин стучалась к ней в дверь. Но соседки Гарриет по квартире тоже были в недоумении. И очень беспокоились.

Похоже, никто не знал, куда отправилась эта подавленная женщина с дочкой. Точно не в Сакраменто к родителям и не к родителям мужа в штат Вашингтон. Подружки сообщили Норме Джин, что Гарриет уехала не попрощавшись, даже записки не оставила. Хотя заплатила свою часть квартплаты по март включительно. Она давно уже подумывала «исчезнуть». Говорила, что «вдовья жизнь не по ней».

И еще она была «больна». Всегда хотела сделать Ирине больно. Может, даже била ее, но так, чтобы не оставить следов.

Норма Джин отпрянула, прищурилась:

– Нет. Это неправда. Я бы заметила. Зачем вы такое говорите? Мы с Гарриет дружили.

Странно было, что Гарриет уехала, не попрощавшись с Нормой Джин. Не дав ей попрощаться с Ириной. *Она просто не могла так поступить. Только не Гарриет! Бог бы ей не позволил.*

– Д-добрый д-день! Я хотела бы с-сообщить о п-пропаже человека. Матери с р-ребенком.

Норма Джин позвонила в мишен-хиллзский Департамент полиции, но от волнения так страшно заикалась, что пришлось повесить трубку. Она понимала, что проку от этого звонка будет немного, – ведь ясно, что Гарриет уехала по собственной воле. Гарриет была взрослой женщиной и родной матерью Ирины, и хотя Норма Джин любила Ирину сильнее, чем ее любила Гарриет, и верила, что любовь эта взаимна, поделаться тут, к сожалению, было нечего, совершенно нечего.

Итак, Гарриет и Ирина исчезли из жизни Нормы Джин, словно их никогда и не было. Отец Ирины по-прежнему считался без вести пропавшим. Никто не узнает, где покоятся его кости. Может, японцы отрезали ему голову? Сосредоточившись изо всех сил, Норма Джин представляла себе далекую комнату – туманно, как во сне, – и видела, как Гарриет купает Ирину в кипятке, а Ирина кричит от боли и страха, и спасти ее совершенно некому, кроме Нормы Джин, и Норма Джин беспомощно мечется по длинному, полному пара коридору без дверей, пытается найти ту комнату и скрипит зубами от отчаяния и ярости.

Проснувшись, Норма Джин тащилась в тесную ванную. Щелкала выключателем, над головой вспыхивал ослепительный, режущий глаза свет. Ей было так страшно, что она забиралась в ванну. Зубы ее выбивали дробь, кожу щипало от горячей воды. Именно там, в ванной, обнаружил ее однажды Баки в шесть часов утра. Подхватил бы мускулистыми руками, вытащил бы из воды и отнес в спальню, да вот только *она так на меня смотрела, зрачки как у зверя, такие, что белков не видно, и я понял, что лучше ее не трогать.*

12

– Теперь наше время – уже история.

Настал тот самый день, и Норма Джин была к нему почти готова.

Баки сказал, что сегодня утром записался в торговый флот. И еще сообщил, что, по всей вероятности, через шесть недель он отплывает. Кажется, в Австралию. Японию скоро оккупировуют, а там и войне конец. Он давно уже хотел поступить на службу, и она это знала.

Баки сказал, что это вовсе не означает, будто бы он не любит ее. Совсем наоборот, он ее любит, просто безумно. И это вовсе не значит, что он с ней несчастлив, потому что *он счастлив. Счастливей не бывает.* Вся их жизнь была сплошной медовый месяц, но ему хотелось большего.

Ты живешь в определенный отрезок истории. Если ты мужчина, то должен исполнить свой долг. Должен послужить своей стране.

Черт, Баки прекрасно понимал, как банально это звучит. Но в душе знал, что так оно и есть.

Он видел боль на лице Нормы Джин. Глаза ее наполнились слезами. Баки чувствовал себя до тошноты виноватым, но в то же время торжествовал. Ликовал! Дело сделано, он уезжает; он почти уже свободен! Не только от Нормы Джин, еще от Мишен-Хиллз, где прожил всю свою жизнь, от родственников, вечно стоящих над душой, от завода, где он застрял в машинном цеху, от кислой вони зала для бальзамирования. *Никогда и мысли не было закончить свои дни бальзамировщиком! Кто угодно, только не я.*

Норма Джин повела себя на удивление сдержанно. Лишь сказала грустно:

– Ох, Баки. Ох, Папочка, я все понимаю.

Он сгреб ее в объятия, крепко прижал к себе, и оба вдруг расплакались. Раньше Баки Глейзер никогда не плакал! Даже когда в старшем классе сломал лодыжку на футбольном поле. Они опустились на колени на неровный линолеум кухни, который Норма Джин так тщательно мыла и скребла, и стали молиться. Затем Баки помог Норме Джин подняться, подхватил на руки и отнес заливающуюся слезами в спальню. А она крепко обнимала его за шею. Так прошел первый день.

Он здорово вымотался во время ночной смены и сразу провалился в глубокий сон. Но от этого сна его пробудили неуклюжие детские пальчики, поглаживающие его член. Ему снился странный сон: какой-то ребенок смеялся над ним и на лице ребенка было написано отвращение. Только тут Баки заметил, что на нем одна футболка, а зад голый, ничем не прикрыт, и находятся они где-то в общественном месте, где полно людей и все на них смотрят. И Баки оттолкнул этого ребенка, вырвался от него и только тут с удивлением обнаружил рядом в темноте Норму Джин. Тяжело дыша, она поглаживала и подергивала Большую Штуковину, потом положила ему на ногу теплое бедро, прижалась животом и пахом, постанывая: *Ох, Папочка! Ох, Папочка!*

Она хотела ребенка, это ясно, и по спине Баки пробежали мурашки. Эта обнаженная, стонущая рядом с ним женщина была одержима одним лишь желанием, неприкрытым, неумолимым и безжалостным, – как сила, втягивающая его в глубины неизведанного, навстречу возможной смерти, в непроглядные воды того, что сам Баки называл «историей» – за неимением

другого, более подходящего названия. Баки грубо оттолкнул Норму Джин, сказал, чтобы она оставила его в покое, что он в кои-то веки хочет нормально выспаться, ведь ему вставать в шесть утра. Норма Джин, похоже, не слышала. Вцепилась в него, покрывала его бешеными поцелуями; и он снова отпихнул ее, как впавшее в охоту животное, обнаженное животное в охоте. Член, стоявший во время сна, теперь обмяк; Баки прикрыл пах, свесил ноги с кровати и включил свет: 4:40 утра. Он снова выругался в адрес Нормы Джин, а та в свете лампы лежала скрючившись, одна грудь вывалилась из ночнушки, лицо красное, зрачки расширенные, и тут ему вспомнилась та, другая ночь, и он подумал: *По ночам она сама не своя. Словно не она, а близнец, которого мне не положено видеть. Она и сама себя такой не видит, ничего о себе такой не знает.*

Баки так и трясло, однако он все же умудрился взять себя в руки и почти что рассудительным тоном сказал:

– Черт побери, Норма Джин! Ведь мы вчера все обсудили. *Я в деле. Я уезжаю.*

Норма Джин крикнула:

– Нет, Папочка! Не бросай меня! Я умру, если ты меня бросишь!

– Не умрешь ты раньше положенного срока, – сказал Баки и отер потное лицо простыней. – Ложись, успокойся, и все будет о'кей.

Но Норма Джин не слышала. Снова со стоном вцепилась в него, прижалась грудью к его потной груди. Баки передернуло от отвращения. Ему никогда не нравились слишком сексуальные, агрессивные женщины; он ни за что не женился бы на такой. Он думал, что берет в жены милую, застенчивую девственницу – и вот нате вам пожалуйста! Норма Джин пыталась оседлать его, терлась о него бедрами, не слышала его или просто не желала слышать, извивалась, дрожащая и напряженная. И Баки стало совсем уж тошно, и он заорал ей прямо в лицо:

– Да прекрати ты! Перестань! Корова больная, смотреть противно!

Норма Джин соскочила с кровати и бросилась на кухню. Он слышал, как она мечется там в темноте и судорожно всхлипывает. Господи ты боже! Ему ничего не оставалось, как пойти за ней, включить свет, и тут он увидел, что она стоит и сжимает в руках нож, как сумасшедшая девчонка из мелодрамы. Хотя нет, в кино он таких ни разу не видел, чтобы полосовали себя ножом по запястью, таких в кино не показывают.

Тут Баки окончательно проснулся, бросился к ней, выхватил из пальцев нож:

– Норма Джин! Бож-же!

Да она, оказывается, всерьез – успела резануть ножом по руке, и теперь по ней текла кровь, опоясывала запястье ярко-красным браслетом. И Баки стоял как оглушенный, все это запомнится ему как самое страшное потрясение в жизни на гражданке, жизни заурядного американского парня, доселе вполне невинной и, казалось, незаблемой.

Баки остановил кровь кухонным полотенцем. Отвел Норму Джин в ванную, нежно промыл неглубокие жгучие раны, удивляясь, как человек, привыкший иметь дело с мертвецами, из которых уже не текла кровь, сколько их ни режь, ни коли. Он успокаивал Норму Джин, как успокаивают расстроенного ребенка, и Норма Джин продолжала плакать, но уже тише, перебившись. Прижалась к нему и бормотала:

– Ох, Папочка, Папочка!.. Я так тебя люблю, Папочка, прости меня, я больше не буду плохо себя вести. Это не повторится, Папочка, обещаю. Ты любишь меня, Папочка, ну скажи, любишь?

И Баки целовал ее и бормотал в ответ:

– Ну конечно люблю, Малышка, ты же знаешь, что люблю. Ведь я на тебе женился!

Он смазал порезы йодом, перебинтовал запястье, нежно отвел ее, уже покорную, в спальню и уложил в постель со смятыми простынями и перевернутыми подушками. Держал ее в объятиях, тихонько покачивал, поглаживал, утешал – до тех пор, пока Норма Джин не погрузилась в сон, убаюкав себя собственными всхлипываниями, словно ребенок.

Сам же Баки еще долго лежал без сна, с открытыми глазами. Нервы были напряжены до предела, он чувствовал себя совершенно разбитым и одновременно испытывал странную, страшноватую приподнятость духа, пока часы не показали шесть и настало время от нее ускользнуть. Она спала, приоткрыв рот и тяжело дыша, словно не спала, а была без сознания. С каким же облегчением Баки пошел в душ, смыл с себя запах ее липкого тела! Умылся, побрился и отправился в неверном свете прохладного раннего утра на сборный пункт торгового флота на Санта-Каталину, доложил о прибытии и попал наконец в мир настоящих мужчин, таких же как он. Так начался второй день.

13

– Баки, дорогой, до свидания!

В конце апреля, теплым благоухающим днем, Глейзеры и Норма Джин провожали Баки в Австралию, куда он отплывал на грузовом судне под названием «Либерти». Условия контракта Баки были обговорены четко, и тем не менее никто точно не знал, когда ему дадут увольнение и он вернется в Штаты. Самое раннее – через восемь месяцев. Поговаривали об оккупации Японии. Теперь Норма Джин гордо выставит у себя в окне голубую звезду, как делали матери и жены ушедших на войну мужчин. Она улыбалась, она держалась очень храбро. Она была «очень милая, очень красивая» в синей хлопковой английской блузке, в белых лодочках на высоком каблуке, с белой гарденийей в кудрявых волосах. Баки то и дело обнимал жену, и слезы катились по его щекам, и он с наслаждением вдыхал сладкий аромат цветка, тот, что будет вспоминать на судне, полном других мужчин, словно аромат самой Нормы Джин.

Все, что происходит с нами, – это история. Тут некого винить.

Но больше всех переживала в то утро не Норма Джин, а миссис Глейзер. Она рыдала, сморкалась и ныла – еще в машине, по дороге из Мишен-Хиллз до причала, откуда уходил катер на Санта-Каталину. За рулем был мистер Глейзер; Норма Джин тихонько сидела на заднем сиденье, между старшим братом Баки Джо и его старшей сестрой Лорейн. Слова Глейзеров роились у нее в голове, словно мошकारа. Норма Джин сидела молча, со слабой улыбкой, ей было не обязательно слушать болтовню Глейзеров и подавать голос. Славная девушка, но тупая, как кукла. Если б не внешность, ее никто бы не замечал.

Норма Джин сидела и думала, что в нормальной семье редко бывает тишина, такая, что была у них с Глэдис. Она спокойно думала, что у нее, по сути, никогда не было настоящей семьи, и сейчас выяснялось, что и Глейзерам она тоже чужая – и это несмотря на их притворную вежливость и ее старания быть вежливой в ответ. В лицо Глейзеры всегда хвалили ее, называли «сильной», «зрелой», говорили, что она «стала Баки хорошей женой». Наверное, от Баки узнали они о ее недавних нервных срывах, которые сам он грубо называл бабскими припадками. Но при ближайшем рассмотрении Глейзеры вынуждены были благоприятно отзываться о Норме Джин. *Эта девушка быстро выросла! И она, и Баки тоже.*

Они приехали попрощаться с Баки Глейзером. Он предстал перед ними в матросской форме, стриженный почти наголо, отчего его мальчишеское лицо казалось изможденным. Глаза сверкали от возбуждения и страха. На щеке был порез от бритвы. В тренировочном лагере Баки пробыл совсем недолго, но уже изменился, стал старше. Он обнял рыдающую мать, потом – сестер, отца и брата, но дольше всех обнимал Норму Джин. И лихорадочно бормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.